

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

3 (82) май-июнь 2018 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

чл.-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
СИМОНИЯ Н.А. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.И. МИРОНЕНКО

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА Р.Н. ЛУНКИН

РЕДАКТОРЫ Ю.П. БОГДАНОВ, Т.Н. СТЕПАШИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ГЛИНКИНА С.П., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С.,
КАВЕШНИКОВ Н.Ю., НОВАК-ФАР А. (Польша), НОСОВ М.Г.,
ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия), РУБИНСКИЙ Ю.И., ФЁДОРОВ В.П.,
ФЛОГАИТИС С. (Греция), ХЕСИН Е.С., ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

FYODOROV V. Germany: optimization of Europe • **ANANIEVA E., GODOVANYUK K.** Matreshka of the Skripals' Affair • **DOMANOV A.** Factors of Public Euroscepticism: a Quantitative Analysis Attempt • **KIRILLOV V., PUTINTSEV I.** Unionism and Romania's Influence in Moldova: Manifestations and Evolution • **OMELCHENKO E.** Education and Migration in the Context of the 2030 Agenda for Sustainable Development • **KONDRATYEVA N.** EU-EAEU Relations: Features of the Present Stage • **BUKHOVETS O., BUYEU A.** State Bilingualism. Conditions of Russians and Russian-speaking in the Republic of Belarus • **FALTSMAN V.** Statistical Measurements of Russia's Technological Sovereignty • **RASHIDIN E.** Corporate Social Responsibility in Strategies of French Carmakers • **LUNKIN R., FILATOV S.** Interconfessional Differences in Europe and New Ideological Withstandings • **SIDOROV A.** European Construction and France: Personal Factor (From De Gaulle to Mitterrand) • **BELOV V.** Actual challenges for Russian-German relations • **MIRONENKO V.** Looking Beyond the Narrative: the Historical Expertise of the Text by James Wertsch • **BISSON L.** A Glance at the Present and Future of the EU through the Prism of Time • **GROMYKO A.** Quarter of the Century of Russian Foreign Policy • **REVIEWS • SCHOLARLY LIFE**

INHALT

FEDOROW W. Deutschland: Optimierung Europas • **ANANIEVA E., GODOVANYUK K.** Matroschka des Falls von Skrypali • **DOMANOV A.** Gründe für euroskeptische Stimmungen: quantitative Analyse • **KYRILLOW W., PUTINZEW I.** Einfluss Rumäniens
Quarter of the Century of Russian Foreign Policy in Moldawien: Formen und Entwicklung des Unionismus • **OMELTSCHENKO E.** Ausbildung und Migration im Kontext der Agenda im Bereich der nachhaltigen Entwicklung bis 2030 • **KONDRATJEWA N.** EU - EAWU: Besonderheiten der heutigen Beziehungen • **BUKHOVETZ O., BUEV A.** Staatliche Zweisprachigkeit. Situation der Russen und Russischsprachigen in der Republik Belarus • **FALTZMAN V.** Technologische Souveränität Russlands. Statistische Dimensionen • **RASCHIDIN E.** Soziale Korporationshaftung in Strategien der französischen Autohersteller • **LUNKIN R., FILATOW S.** Interkonfessionelle Unterschiede in Europa und Neue Ideologische Konfrontationen • **SIDOROW A.** Europäischer Aufbau und Frankreich: Faktor der Persönlichkeit (von de Gaulle bis Mitterrand) • **BELOW W.** Aktuelle Herausforderungen für die deutsch-russische Zusammenarbeit • **MIRONENKO V.** Blick nach hinter. Historische Expertise des Texts von J. Wertsch • **BISSON L.** Ansicht durch die Zeit auf Gegenwart und die Zukunft der EU • **GROMYKO A.** Vierteljahrhundert der Russischen Außenpolitik • **REZENSIONEN • WISSENSCHAFTLICHES LEBEN**

Учредитель и издатель: Институт Европы РАН

Свидетельство о регистрации в Министерстве по делам печати РФ
№ 77-1582 от 10 февраля 2000 г.

© Институт Европы РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Фёдоров В.П.</i> Германия: оптимизация Европы	5
--	---

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Ананьева Е.В., Годованюк К.А.</i> Матрёшка «дела Скрипалей»	16
--	----

<i>Доманов А.О.</i> Причины евроскептических настроений: количественный анализ	27
---	----

<i>Кириллов В.Б., Путинцев И.С.</i> Влияние Румынии в Молдавии: формы и эволюция унионизма	37
---	----

<i>Омельченко Е.А.</i> Образование и миграция в контексте повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года	49
---	----

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

<i>Кондратьева Н.Б.</i> Отношения ЕС—ЕАЭС: особенности современного этапа	60
--	----

<i>Буховец О.Г., Був А.Л.</i> Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь	71
---	----

СФЕРА ЭКОНОМИКИ

<i>Фальцман В.К.</i> Технологические суверенитеты России. Статистические измерения	83
---	----

<i>Рашидин Е.А.</i> Корпоративная социальная ответственность в стратегиях французских автопроизводителей	92
---	----

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

<i>Лункин Р.Н., Филатов С.Б.</i> Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния	102
---	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Сидоров А.С.** Европейское строительство и Франция: фактор личности
(от де Голля до Миттерана)115

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ИЕ РАН

- Белов В.Б.** Актуальные вызовы для российско-германских
отношений125

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- Громыко Ал.А.** Четверть века внешней политики России..... 133

- Мироненко В.И.** Заглянуть за нарратив. Историческая экспертиза
текста Дж. Верча 144

- Биссон Л.С.** Взгляд на настоящее и будущее ЕС
сквозь призму времени.....152

РЕЦЕНЗИИ

- Гусев К.Н.** Экономические аспекты брекзита158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Бочевер А.Ю., Грибовский В.С.** Новые элементы партийного
ландшафта ЕС.....161

IN MEMORIAM

- Памяти И.А. Шалобиной**163

- К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ** 164

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

УДК 327.5

Валентин Фёдоров

ГЕРМАНИЯ: ОПТИМИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ

Существуют трудные Отечества. Одно из них Германия. Но это наше Отечество.

Густав Хайнеманн¹
Президент ФРГ в 1969–1974 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы Германии. Отмечается её умеренная политика в отношении военных расходов, что служит предметом критики со стороны США. В ФРГ осознали более высокую сравнительную пользу от гражданских отраслей, чем от силовых, и проявляют настойчивость в проведении этого курса. Автор напоминает слова Вальтера Ратенау, заявившего в своё время о том, что “Экономика – наша судьба”. На эту идею опирался канцлер Гельмут Шмидт. Отмечаются немалые трудности в отношениях ФРГ с другими членами Евросоюза. С недавнего времени в общественную дискуссию вброшен тезис о том, насколько целесообразно возможное приобщение Германии к ядерному оружию. Вопреки немецкой позиции, некоторые европейские страны (Греция, Польша) поднимают вопрос о немецких военных репарациях.

Ключевые слова: Германия, экономика, военные расходы, репарации, ядерное оружие, российско-германские отношения.

Не будет преувеличением сказать, что об экономике ФРГ написаны целые библиотеки. Используем здесь это известное немецкое выражение. Освещены, казалось бы, все её аспекты, отрасли и сферы. И тем не менее проблем в ней не становится меньше, в том числе на стыке экономики и политики, при их реальном или возможном взаимодействии. Сценариев много, а путь один. Но они на то и существуют, что позволяют строить разные версии будущего. Машина времени как предсказатель весьма ненадёжна, но всё-таки она помогает ориентироваться в меняющемся мире. Запустим эту машину для того, чтобы попытаться определить, какую перспективу выберет для себя Германия.

¹ Es gibt schwierige Vaterländer. Eines von ihnen ist Deutschland. Aber es ist unser Vaterland. Gustav Heinemann.

© **Фёдоров Валентин Петрович** – главный научный сотрудник Института Европы РАН, чл.-корр. РАН, член дирекции ИЕ РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** vpfyodorov@mail.ru

Если сравнивать Россию и Германию, то можно сказать, что они не созданы друг для друга. Слишком велики различия между ними по разным показателям, начиная от природных ресурсов и заканчивая национальным характером. И тем не менее “крайности сходятся”. Отношения между двумя странами континента никогда не были абсолютно безоблачными, груз прошлого давал о себе знать, снова и снова приходилось начинать с чистого листа. Когда-нибудь придётся разбирать завалы в отношениях РФ и ФРГ, созданные во многом по инициативе последней и означающие отступление от прогресса в международном сотрудничестве.

Экономика превыше всего

В экономической науке есть ряд вопросов, по которым участники дискуссии не могут достигнуть согласия. Это как влияют военные расходы на экономику страны, а конкретно – на национальный научно-технический прогресс? Одни экономисты (и не только) считают, что эти затраты способствуют продвижению вперёд, тогда как другие не разделяют такую точку зрения. Иногда неправомерно сопоставляются факты очевидные и неочевидные. Например, производство вооружений является прямой потерей для народного хозяйства, тут и спорить нечего. Но она, мол, компенсируется ростом производительности труда благодаря новым открытиям в научно-технической сфере. Эти открытия либо недоступны для гражданских отраслей, либо материализуются в предметах двойного назначения. Что перевешивает в конце концов на макровесах – плюсы или минусы, так и остаётся вещью в себе.

Есть, однако, интересный феномен, он реализуется на практике и служит предметом внутренней и внешней политики. Имеется в виду позиция Германии, которая вызывает международные дебаты. Суть западной критики сводится к тому, что ФРГ недостаточно тратит средств на военные цели – 1,2% валового внутреннего продукта (2016 г.).

После объединения Германии произошло сокращение численности бундесвера с 600 тыс. в 1990 г. до нынешних 178 тыс. военнослужащих¹. Между тем, обладая мощным экономическим потенциалом, она могла бы, как считается, ассигновать “на войну” значительно больше, чем сейчас. На это, в частности, указал президент США Дональд Трамп и в своей манере потребовал увеличения для ФРГ и других европейских партнёров доли военных расходов до 2%. Сейчас этому критерию отвечают лишь несколько государств (США, Великобритания, Польша, Греция, Эстония). Сами США намного превышают 2-процентный показатель. Заявление американского президента, многократно повторенное, подстегнуло ход обсуждения этого вопроса, в том числе на высоком уровне. Блок ХДС/ХСС устами Ангелы Меркель хотя и не отверг эти два процента (он и не мог это сделать, поскольку страны НАТО взяли на себя это обязательство), но отодвинул на дальнюю перспективу. Было обещано лишь медленное приближение к решению поставленной задачи, а по сути он не счёл нужным рассматривать этот вопрос как актуальный.

Социал-демократы, возглавлявшиеся некоторое время провальным кандидатом в канцлеры на выборах в бундестаг в сентябре 2017 г. Мартином Шюльцем, высказали свои возражения по поводу призыва Трампа. Министр иностранных дел ФРГ

¹ См. Подробнее о бундсвере: Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Berlin, 2016.

(СДПГ) Зигмар Габриель подчеркнул, что никакая другая страна так сильно не заинтересована в политике разрядки в отношении России как Германия, экономически и политически. Он не согласился с провозглашённой формальной позицией Меркель о повышении военных затрат. По его словам, это не имеет смысла, когда эффективность потраченных средств составляет примерно 15%. “Удвоить эффективность было бы разумнее”, – отметил он. От увеличения военной самостоятельности Старого Света, добавим, выиграет больше всего заокеанский партнёр, поскольку на рынке вооружений он преобладает как продавец. К нему и придётся обращаться союзникам. Взаимозависимость приносит выгоду более сильному. В результате создания новой “большой коалиции” произошла смена лиц, но не позиций участвующих в ней сторон.

За наведение порядка в военном оснащении выступают и некоторые европейские деятели, например Вольфганг Ишингер, председатель Мюнхенской конференции по безопасности. Сейчас, пишет он, каждая страна сама определяет, какое оружие приобрести, а от какого отказаться. “Большого хаоса вряд ли найти” [WirtschaftsWoche, 2015, №38: 10].

Какой вывод следует отсюда? Вопрос почти риторический, так как ответ дан нежеланием (элитных кругов) ФРГ усиливать милитаризацию страны. Чтобы не дискредитировать себя в глазах союзников своим “пацифизмом”, немецкие деятели ссылаются на фашистский период, на необходимость преодоления прошлого. Если действовать иначе, то “нас не поймут” – такова немецкая аргументация в пользу сдерживания военной составляющей. Немцы почувствовали более высокую сравнительную пользу от гражданских отраслей, чем от военных, и проявляют упорство. Если естественной целью мирного производства является прибыль, то военные приготовления приводят к экономическому ущербу. Как и полагается, согласно бюджетной классификации, статьи дохода и прихода находятся в противоположных разделах бюджета. “Европейцы думают, что они могут за счёт Америки быть в безопасности, не внося платы за это”, – пишет британский журнал [The Economist, 2014: 9].

В 1950–1960-е гг. в экспертных оценках встречалась фраза “Куда идёт ФРГ”. До объединения в 1990 г. она не была ещё полностью суверенным государством, но можно было видеть “птичку по полёту”, что выразилось во вступлении в организации, которые дружественными по отношению к Москве назвать нельзя, это НАТО и Европейский союз. Будучи первостепенной европейской державой и обрета защиту со стороны США и всего этого блока, она сознательно сделала ставку на экономику и не даёт партнёрам сбить себя с пути. Если в Североатлантическом альянсе тон задаёт заокеанская держава, то в интеграционной Европе решающее слово принадлежит Германии. Это значит, что за успехи и неудачи интеграции отвечает она, равно как и за сам факт существования ЕС.

Термин “экономическое чудо” закрепился за ФРГ в связи с динамикой ВВП в первые послевоенные годы, хотя нужно учитывать то, что восстановление даёт опережающие темпы по сравнению с новым строительством (заметим, что концом чуда можно считать экономический полномасштабный кризис в 1967 г., когда индекс падения производства составил – 2,4%). Иногда этот термин применяют и в отношении нынешней германской экономики, несмотря на более скромные показатели, 2,2% ВВП в 2017 г., Совет экономических экспертов (“совет мудрецов”) про-

гнозирует рост валового продукта в 2018 г. также в размере 2,2%¹. Как бы то ни было, экономическая среда ФРГ более продуктивна по сравнению со многими другими хозяйственными системами.

“Экономика – наша судьба” – слова принадлежат либеральному министру иностранных дел в Веймарской республике Вальтеру Ратенау. Он был убит в 1922 г. агентами праворадикальных и антисемитских кругов в возрасте 54 лет. Спустя десятилетия, этот призыв был взят на идеологическое вооружение федеральным канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом (1974–1982 гг.). Канцлер, как пишет журнал “Шпигель”, всю свою жизнь помнил об экономическом упадке Веймарской республики, который начался мировым кризисом 30-х годов и закончился приходом к власти национал-социалистов. “Шмидт опасался повторения истории. Он боялся закончить как Генрих Брюнинг, который вследствие неправильных экономических и финансовых решений существенно способствовал концу Веймарской республики” [Spiegel, 2015: 60]. Во время правления самого Шмидта ухудшился ряд макроэкономических показателей: возросла доля безработных, увеличился бюджетный дефицит, поднялась инфляция [Spiegel, 2015: 62]. Всё это следует отнести к типичным проблемам рыночного хозяйства. Суть, однако, состоит в том, что выход из трудного положения виделся в перегруппировке экономических факторов, а не на путях всегда убыточной милитаризации. После отставки Шмидт охотно популяризовал свои взгляды в книгах, статьях, выступлениях и называл себя экономистом мирового масштаба (Weltökonom). В знак признания его заслуг в 2017 г. была выпущена в обращение монета достоинством два евро. Можно напомнить также, что в своё время он назвал Советский Союз “Верхней Вольтой с атомным оружием”.

Опора на экономику всегда оправдывает себя.

В настоящее время ФРГ выполняет критерии устойчивого экономического роста (не более 60% госдолга, 3% бюджетного дефицита, приемлемая инфляция), чего нельзя сказать о ряде других стран. Однако к ним не применяют штрафные санкции, как полагается, из тех соображений, что это только ухудшит положение. Здесь интересно отметить создание аналогичной системы в Евразийском экономическом союзе со следующими индикаторами: годовой дефицит консолидированного бюджета сектора госуправления не превышает 3% ВВП; долг сектора госуправления не превышает 50% ВВП; уровень инфляции в годовом выражении не превышает более чем на 5 процентных пунктов уровень инфляции в государстве-члене, в котором этот показатель имеет наименьшее значение. В связи с некоторыми проблемами поднимается вопрос о целесообразности пересмотра самих критериев [Евразийская экономическая интеграция: 35–36].

Своё превосходство ФРГ реализует в большой степени через внешнеэкономические каналы. Её главными партнёрами выступают высокоразвитые в экономическом отношении страны.

¹ Совет экономических экспертов был создан в 1963 г. по инициативе Людвиг Эрхарда. В его задачи входят мониторинг текущей экономической ситуации и ознакомление широкой общественности с предложениями в решении возникающих проблем. Он имеет свой бюджет, персонал и считается независимым органом. Иногда в Совете возникают разногласия, и тогда несогласные члены совета выступают со своим особым мнением.

Таблица 1.

Важнейшие торговые партнёры ФРГ, 2015

экспорт	импорт
1. США	1. Китай
2. Франция	2. Нидерланды
3. Соединённое Королевство	3. Франция
4. Нидерланды	4. США
5. Китай	5. Италия
6. Австрия	6. Польша
7. Италия	7. Швейцария
8. Польша	8. Чешская Республика
9. Швейцария	9. Соединённое Королевство
10. Бельгия	10. Австрия

Источник: Deutscher Aussenhandel: Export und Import im Zeichen der Globalisierung. 2017/ Statistisches Bundesamt: 11.

Больше половины экспорта приходится на четыре группы товаров: автомобили и запасные части, оборудование, химические товары, электронные и оптические изделия [Deutscher Aussenhandel, 2017: 15].

В экспортном измерении ФРГ является ведущей державой, превосходя собственную долю в мировом ВВП.

Таблица 2.

Экспорт ФРГ, 2016, млрд евро

Всего	1204	Азия	200
Европа	821	Америка	148
В том числе Евросоюз	708	Африка	25
		Австралия и Океания	10

Источник: WISTA, 2017, № 5 / Statistisches Bundesamt: 133.

Регулярное положительное сальдо в расчётах на интернациональном рынке беспокоит её партнёров, и они призывают страну №1 в Европе либо сдерживать экспортную экспансию, либо способствовать импортным закупкам. Показателем следующий факт: первая послевоенная промышленная выставка состоялась в Ганновере в 1947 г. и была посвящена именно экспортным возможностям разделённой страны.

Вместе с тем следует особо отметить непропорционально низкую долю вооружений в мировом экспорте – 5%, что ставит её на пятое место после США – 33%, России – 25%, Китая – 6% и Франции – 6%. Определённое сдерживающее влияние в этом отношении оказывают обе христианские церкви в ФРГ, евангелическая и католическая. Они регулярно публикуют подробный отчёт о состоянии мировой торговли оружием, не скупясь на критику [SIPRI... 2016: 28; Rüstungsexportbericht, 2016].

Экспорт оружия – далеко не бесспорная часть международной торговли. В частности, в ФРГ с давних пор ведётся дискуссия о плюсах и минусах продажи за рубеж технических средств военного назначения, отмечается антигуманный характер таких поставок. Власти учитывают так или иначе общественную критику и обещают избегать поставлять вооружения в горячие точки мира, что, правда, выполняется не всегда.

В общем и целом Германия обладает рядом преимуществ в экономике по сравнению с другими странами и в силу этого стремится создать условия для их реализации. Поэтому она иногда выступает против всякого рода нарушений в международном обмене, как это делает и “совет мудрецов”, указывая на протекционистские тенденции. Напротив, считает он, ещё не исчерпан полностью потенциал для дальнейшей либерализации, особенно в области нетарифных барьеров, услуг и цифровой торговли [Jahresgutachten, 2017/2018: 349]. Товарный экспорт составляет в ФРГ более 80% от всего экспорта (импорт – более $\frac{3}{4}$), остальное приходится на услуги.

Мощные немецкие фирмы покидают страну и внедряются в зарубежную экономику, давая повод для критики в свой адрес за отсутствие патриотизма. Однако это высокое понятие не в состоянии конкурировать с выгодой от капиталовложений за границей. Так, если в автомобилестроении расходы на труд (Arbeitskosten) составляют более 40 евро в час, то в Восточной Европе – 11, а в Китае – менее 10 евро [WirtschaftsWoche, 2015, № 7: 106]. Не следует сбрасывать со счетов тот факт, что значительная часть полученных доходов переводится в страну и инвестируется уже там. Как пишет известный немецкий эксперт Райнхард Шпренгер, предприятия должны производить товары и услуги, это их экономический принцип, а мораль следует предоставить церкви.

Претензии не исчезли

Как лидер интеграционной Европы ФРГ испытывает немалые трудности в отношениях с остальными членами ЕС. Равно как и наоборот. С одной стороны, партнёры Берлина могут надеяться на германскую поддержку, когда возникнет необходимость в этом. С такой точки зрения приветствуется мощный производительный потенциал, которым обладает лидер интеграции. Как считает руководитель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер: “Европа сегодня нуждается в сильном германском правительстве более чем когда-либо”.

Любой сбой в политической и экономической системе воспринимается её интеграционными партнёрами с известной долей озабоченности, поскольку он, как считается, подрывает её собственную безопасность. Для иллюстрации можно привести относительную неудачу в первоначальном формировании правительства коалиции после выборов в бундестаг в сентябре 2017 г. Казалось бы, имел место случай, предусмотренный Основным законом, однако, он вызвал немалое напряжение в европейских столицах. В условиях частичной недееспособности канцлера Меркель

и кабинета в целом союзники, оказавшись без присмотра, пребывали в состоянии неопределённости. Да и в самой Германии не обошлось без политического драматизма. Президент страны Франк-Вальтер Штайнмайер определил создавшуюся обстановку, как “крупнейший со времён Гитлера политический кризис”¹.

С другой стороны, возросли сомнения относительно правильности курса, проводимого Берлином, а некоторые страны открыто демонстрируют недоверие к ФРГ. Разногласия существуют по ряду важных пунктов: это миграционная политика с её квотами на приём беженцев, оборонный курс (СДПГ призывает к выводу из страны американского ядерного оружия), экономическая “скорая помощь”, в основе которой лежит жёсткая экономия, вредная в период кризиса (например, в отношении Греции). Используя интеграционные рычаги (комитеты, комиссии, фонды), ФРГ пробивает выгодные ей решения. Небезынтересны рекомендации некоторых экспертов, касающиеся того, как ФРГ могла бы избавиться от своих “недостатков” и улучшить свой имидж. Предлагаются такие меры, как усиление коллегиальности, повышение значимости своих партнёров, создание европейских структур и достижение соглашений, которые не выдвигали бы Германию так явно на передний план [Демесмей, 2017].

Сохранится ли в дальнейшем существующее предпочтение экономики перед милитаризмом? Это тема большой политики, и ответ зависит от многих факторов. С недавнего времени в общественную дискуссию вброшен тезис о том, насколько целесообразно возможное приобщение Германии к ядерному оружию. Дополнительно масла в огонь добавила канцлер А. Меркель, заявив, что Европа в военном обеспечении не может больше полагаться на других (имеются в виду США) и что ей надо консолидировать усилия в этом направлении. Отсюда, однако, не вытекает предрешиённость вопроса, и скорее всего дискуссия закончится ничем. Обладание ядерным потенциалом требует огромных средств на обслуживание и модернизацию, а сам он становится первоочередной мишенью при возникновении межгосударственных конфликтов. Расшатывается система международной безопасности, которая худо-бедно существует благодаря деятельности разных стран и организаций.

Нетрудно представить себе и другое. Ядерные бомбы в руках ФРГ усилят недоверие к её политике в различных кругах внутри страны и за рубежом на фоне военных приготовлений. Учитывая прошлое, страна не может позволить себе бряцать оружием, на этот раз ядерным. Ей это не нужно. Как заявляют сами немцы, они живут ныне в таких благоприятных условиях, каких никогда раньше не существовало. Было бы опрометчиво, считают они, рисковать достигнутым благополучием².

¹ Состоявшиеся в сентябре 2017 г. выборы в бундестаг не выявили явного победителя, который смог бы сформировать правительство, не прибегая к созданию коалиции с другими партиями. Блок ХДС/ХСС получил 32,9%, СДПГ – 20,5%, Альтернатива для Германии – 12,6%, Свободные демократы – 10,7%, Левая партия – 9,2%, “зелёные” – 8,9%. Первоначальные консультации ХДС/ХСС с “зелёными” и либералами закончились безрезультатно. Образовать дееспособный кабинет удалось со второй, затянувшейся на полгода попытки, когда была создана в бундестаге большая коалиция ХДС/ХСС и СДПГ.

² Вместе с тем не следует переоценивать степень этого благополучия. Согласно немецкой официальной статистике, 19,7% населения страны, или 16 млн человек, живут в условиях бедности или социальных лишений (Ausgrenzung). В целом по Евросоюзу этот показатель

Если верить сообщениям, то “Франция дважды предлагала Федеративной республике принять участие в своей ядерно-оружейной программе. Первый раз это было в 1960-х годах: соответствующее предложение сделал канцлеру Людвигу Эрхарду президент Шарль де Голль. Вторую попытку предпринял в 2007 г. Николя Саркози в ходе переговоров с Ангелой Меркель”. Эксперт полагает, что последует третья попытка, на этот раз инициативу проявит германская сторона [“Московский комсомолец”, 07.08.2017]. Но приходится сомневаться, что ФРГ решающим образом сменит свой политический курс. Можно согласиться с известным германистом В.М. Фалиным, который высказал следующую точку зрения: “Военным путём, я уверен, Германия никогда больше не пойдёт. Немцы умеют учиться у истории. Они будут наращивать своё влияние, используя своё выгодное географическое положение, свои интеллектуальные, научно-технические возможности, свою знаменитую дисциплину. То положение, которое они занимают сегодня в Европе, показывает, что этот путь намного эффективнее военного” [“Московский комсомолец”, 11.09.2015].

Несмотря на то что после объединения Германии прошли десятилетия, по-прежнему даёт о себе знать раздвоенность страны. Она выражается в непреодоленных экономических и других различиях между западной и восточной территориями, то есть между прежними ФРГ и ГДР. Федеральное правительство публикует объёмный отчёт о состоянии германского единства, где даёт подробную сравнительную характеристику обоих регионов каждый год 3 октября¹ [Jahresbericht, 2017]. Как заявляется, страна находится на пути к завершению немецкого единства. Однако это движение вопреки ожиданиям продвигается весьма медленно и грозит растянуться на очередные десятилетия. Такой интегральный показатель, как ВВП в расчёте на душу населения составлял в Восточной Германии в 2016 г. 73,2% от соответствующего показателя по Западной Германии. В своё время руководитель ГДР Вальтер Ульбрихт провозгласил не оправдавший себя лозунг “перегнать, не догоняя”. Причины отставания, во-первых, в преобладании мелкого производства в новых землях и, во-вторых, в том, что там слабо представлены крупные предприятия. Ни одна из расположенных на востоке фирм не участвует в биржевом индексе DAX-30. Находящиеся в новых землях филиалы крупных концернов зависят от своих штаб-квартир и ограничены в своих решениях. Вместо провозглашённого немецкого единства в объединённой Германии появился феномен раскола населения на весси и осси, что проявляется и в большой политике. В целях сокращения разрыва между двумя частями страны в 1991 г. был введён “налог на налог” в размере 5,5% от подоходного налога, так называемая плата за солидарность, или “золи”. Ввиду недовольства населения этот налог со временем будет упразднён.

Заключение, которое можно сделать из приведённых сопоставлений, неоднозначно. Новые земли ухудшают общегерманские показатели, как бы тормозят прогресс, представляют собой гирю на ногах экономического гиганта, каким является современная ФРГ. В то же время восточная группа земель являет собой мощный нерастраченный резерв укрепления страны, который может раскрыться при определённых обстоятельствах и адекватной политике.

равняется 23,5%. К ним, понятно, не относится крылатое выражение Людвиг Эрхарда, а именно: справиться с богатством – тоже проблема.

¹ 3 октября отмечается в ФРГ как День германского единства (Tag der Deutschen Einheit).

Некоторым указанием на такой возможный поворот событий может служить динамика внешней торговли в новых землях и Западной Германии. Если в 1991 г. доля зарубежного товарооборота в валовом продукте этих земель (Gesamtwirtschaft) составляла всего лишь 8,2%, то в 2016 г., испытав ряд падений, – 24,8%. Скорость Западной Германии была скромнее – 19,9 и 32,4%. Сходная картина наблюдалась и в обрабатывающей промышленности. Не исключено, что “навсегда отставшая” Восточная Германия может со временем создать и реализовать свои преимущества. Неравномерность развития, будучи всеобщим объективным законом, проявляет себя как на международных, так и региональных уровнях. Неравномерность приводит попеременно одни страны к революциям, другие страны к застою или распаду. Нередки и войны по этой причине.

Высокий общий уровень экономического развития ФРГ сочетается с большими различиями показателей по землям. Отсюда вытекает необходимость централизованного перераспределения ресурсов, что в борьбе за кусок пирога нередко сопровождается трениями между самими землями. К числу регионов-доноров относятся Бавария, Баден-Вюртемберг, Гессен, а к регионам-реципиентам – остальные 13 земель, в том числе Берлин, больше всех получающий денег из казны (2013 г.).

Проблема беженцев из других стран вызывает большие дискуссии в немецком обществе. Происходит увеличение численности иностранцев в стране, что влечёт за собой рост недовольства коренного населения. Раскол обозначился не только внизу, но и в верхах, в правящем истеблишменте. В 2010 г. тогдашний президент ФРГ Кристиан Вульф заявил, что ислам является частью Германии. Ещё раньше высказались в том же духе и другие деятели. Такое утверждение было неоднозначно встречено в высших кругах. В 2018 г. министр внутренних дел ФРГ Хорст Зеёхофер решительно возразил, сказав, что ислам не является частью Германии. Споры продолжаются. В настоящее время численность мусульман в стране составляет 4,5 млн, или 5,4%. Стоит добавить, что федеральный министр в ФРГ обладает большими полномочиями. Как отмечает Ганс-Дитрих Геншер, в течение 23 лет входивший в правительство, “наша Конституция предоставляет членам федерального правительства в высшей степени сильную позицию. Каждый министр руководит своим ведомством под собственную ответственность. У федерального канцлера нет права давать указания министру. У каждого из них сильная позиция, в том числе по отношению к главе правительства” [Геншер Ганс-Дитрих, 2014: 160].

Желудок добра не помнит – гласит пословица. Несмотря на все старания искупить вину за прошлое, подкреплённые экономическими дотациями, Германия время от времени подвергается проработке со стороны своих партнёров. Ей напоминают, что она по-прежнему не полностью расплатившийся должник.

Греция уже в течение ряда лет требует от ФРГ выплаты военных репараций. Говорят, что требуемой суммы достаточно для преодоления затяжного экономического кризиса в стране. Власти ФРГ считают вопрос о репарациях закрытым. Как бы то ни было, он по-прежнему остаётся раздражителем в отношениях двух государств.

Аналогичные требования выдвигает Польша. Правящая партия “Закон и справедливость” в лице её руководителя Ярослава Качиньского не признаёт соглашение 1953 г. об отказе от немецких репараций, объявляя его несправедливым, как заключённое “по указанию из Москвы”. Чтобы придать этому вопросу международное звучание и заручиться поддержкой извне, польская сторона намеревается приоб-

щать к делу иностранных экспертов, в том числе из ФРГ. Однако Берлин отклоняет всякие претензии к себе.

Образование Европейского союза обосновывалось разными обстоятельствами, среди которых главными были следующие: путём переплетения экономик навсегда устранить межстрановые противоречия, особенно между Германией и Францией, и тем самым изгнать войну из Европы; сплочение рядов перед советским вызовом, как они его понимали. Со временем возник новый важный фактор – растерянность перед будущим. Незадолго до своего ухода с поста президента страны в 2016 г. Йоахим Гаук призвал европейские страны приостановить дальнейшую интеграцию, чтобы осмыслить накопившиеся проблемы и пути их решения. Не только малые государства, но и относительно крупные опасаются оказаться на периферии мирового развития, затеряться в потоке глобализации. В связи с этим обозначилось очередное противоречие. Так, государства стремятся сохранить свою суверенную сущность, свою культуру, язык, то есть сохранить себя. О самоликвидации, понятно, никто не говорит. Но интеграционная мясорубка живёт за счёт отбираемого суверенитета, чтобы противостоять любым перипетиям в будущем. Тем самым члены альянса должны действовать на два фронта: на внешнем отбиваться объединёнными силами, держаться вместе, а на внутреннем стремиться к максимальной открытости.

* * *

Германизация Европы – вполне очевидный процесс, характер которого изменился по сравнению с прошлым. На первое место выдвинулись невоенные факторы. Происходит трансформация Европы в интересах прежде всего самой мощной страны Евросоюза. Конечно, это не линейное движение, а, скорее, сочетание разных составляющих процесса, ведущих к выгоде. Термин “оптимизация Европы” достаточно точно отражает специфику отношения ФРГ к другим членам интеграционного объединения. Она получает с них ренту за своё превосходство, или, иначе выражаясь, благодаря их слабости. Государство-завоеватель ставит себе на службу трофейные средства, усиливая тем самым свой потенциал. ФРГ не надо никого завоевывать, её действия легализованы и дают за чужой счёт существенный прирост производства. Как бы то ни было, в недалёком будущем произойдёт очередное расширение ЕС, и таким образом новым членам будет обеспечено германское покровительство. Ситуацию комментирует известный немецкий эксперт, в прошлом статс-секретарь министерства финансов, Хайнер Флассбек: “Циничная немецкая логика состоит в том, что сначала мы делаем всё, что нам подходит, а остальные потом должны приспосабливаться” [Der Spiegel, 2018: 75].

В советской и российской научной литературе германистика традиционно занимала видное место. Интерес к ней сохраняется и поныне. Перечень коллективных и индивидуальных трудов по этой тематике постоянно пополняется новыми работами. В 2017 г. вышла в свет монография известного учёного Н.В. Павлова под говорящим названием “Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением)”. Книга заслуживает высокой оценки. Без преувеличения можно сказать, что она является энциклопедией российско-германских отношений от Киевской Руси до наших дней. Вместе с тем там содержится тезис, с которым вряд ли можно согласиться. Он гласит: “Время, когда от состояния отношений между Россией и Германией, Советским Союзом и ФРГ зависели мир и спокойствие на континенте, прошло” (С. 549). Представляется, однако, что не прошло. Исключительно

важно не только держать в уме непреходящую ценность этих отношений, но и прилагать усилия по их внедрению в реальную жизнь. Было бы ошибочно сознательно отказываться от укрепления и расширения сотрудничества между двумя крупнейшими континентальными державами – РФ и ФРГ – и априори ставить крест на альянсе, который, возможно, ещё когда-нибудь состоится.

Список литературы

Демесмей К., Пуглирин Я., Раппольд Ю. (2017) Знать меру. Германия должна изменить свой стиль поведения как лидера в Европе (<http://www.ipg-journal.io>).

Геншер Г.-Д., Линднер К. (2014) Наводить мосты: два поколения, одна страсть. М.: Фонд Либеральная Миссия.

Евразийская экономическая интеграция. (2017) Доклад №43 / Евразийский банк развития.

Мир перемен (2016) №2. С. 42.

Московский комсомолец, 07.08.2017.

Тихонов Ю.Н. (2012) Засекреченный город. Липецк.

References

Demesmej K., Puglirin YA., Rappol'd YU. (2017) Znat' meru. Germaniya dolzhna izmenit' svoj stil' povedeniya kak lidera v Evrope (<http://www.ipg-journal.io>).

Gensher G.-D., Lindner K. (2014) Navodit' mosty: Dva pokoleniya, odna strast'. M.: Fond Liberal'naya Missiya.

Evrazijskaya ehkonomicheskaya integraciya. (2017) Doklad № 43 / Evrazijskij bank razvitiya.

Mir peremen (2016) № 2. S. 42.

Moskovskij komsomolec, 07.08.2017.

Tihonov YU.N. (2012) Zasekrechennyj gorod. Lipeck, 2012.

Deutscher Aussenhandel: Export und Import im Zeichen der Globalisierung. (2017)/ Statistisches Bundesamt.

Der Spiegel (2018) № 10.

Gehrcke W., Reymann Ch. (2017) Deutschland und Russland – Wie Weiter? Edition Berolina, 2017.

Jahresbericht der Bundesregierung zum Stand der Deutschen Einheit 2017.

Jahresgutachten 2017/2018 / Sachverständigenrat.

OESD – Wirtschaftsausblick. Vorläufige Ausgabe. Nov. 2017.

Rüstungsexportbericht. 2016 / Gemeinsame Konferenz Kirche und Entwicklung (GKKE), 12 Dez. 2016, Berlin.

The Economist, May 3rd 2014.

SIPRI Fact Sheet. Febr. 2016.

Spiegel, Biografie, 2015, №1.

WirtschaftsWoche, (2015) № 7; № 38.

Germany: Optimization of Europe

Author. Fyodorov V. Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Member of the Executive Board of the Institute of Europe. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** vpfyodorov@mail.ru.

Abstract. The article explores actual problems of Germany. It stresses its moderate policy in terms of military costs, which is subject of US criticism. Germany realized higher comparable value of civil branches compared with military ones and it is persistent in promoting this course. The author remembers the words by Walther Rathenau: "Economy is our destiny". This idea was supported by Chancellor Helmut Schmidt. The article dwells upon significant difficulties in relations between German and other members of the EU. Another issue is a thesis, which has been publicly discussed, about nuclear weapons and German interests. One more point of concern is that some European countries (Greece, Poland) have raised a topic of German military reparations. The author assesses the state of Russian-German relations and economic sanctions against Russia.

Key words: Germany, economy, military costs, reparations, nuclear weapons, Russian-German relations.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320180515>

=====

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

=====

УДК 323, 327

Елена АНАНЬЕВА

Кира ГОДОВАНЮК

МАТРЁШКА “ДЕЛА СКРИПАЛЕЙ”

Аннотация. Российско-британские отношения переживают очередную фазу обострения. В статье исследованы позиции ключевых политических фигур британского Кабинета как участников многоходовой антироссийской акции, которая была призвана не только укрепить позиции тори внутри страны и на переговорах по брекзиту, но и создать международный «антироссийский фронт». Инцидент с отравлением Скрипалей¹ Британия возвела на уровень международного скандала, обвинив Россию в покушении на британского гражданина и незаконном применении химоружия на её территории. Лондон призвал союзников по НАТО и ЕС выразить солидарность. В апреле США, Британия и Франция, обвинив Дамаск в применении химоружия и Россию как его покровителя, нанесли авиаудары по Сирии. Последовательными провокациями Запад выстраивает линию на преодоление права вето России в СБ ООН и её международную изоляцию.

Ключевые слова: российско-британские отношения, “дело Скрипалей”, Консервативная партия, Лейбористская партия, Сирия, США, СБ ООН, Т. Мэй, Б. Джонсон, химическое оружие, ОЗХО.

Дискурс о “российской угрозе”

Кардинальное переустройство мировой экономики и международных отношений воплощается в смещении баланса сил на Восток, и США стараются защитить свои позиции мирового гегемона [Караганов С. Русская отчаянность оседлала волну истории]. Россия как “ревизионистская держава” объявлена угрозой для США:

¹ По утверждениям премьер-министра Британии, 4 марта 2018 г. в г. Солсбери были отравлены боевым нервно-паралитическим веществом С. Скрипаль, бывший полковник ГРУ, работавший на британскую разведку МІ6, и его дочь Юлия, в чём Т. Мэй обвинила Россию и лично президента РФ В. Путина.

© **Ананьева Елена Владимировна** – к.филос.н., руководитель Центра британских исследований, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** e-ananieva@yandex.ru

Годованюк Кира Анатольевна – к.полит.н., старший научный сотрудник Центра британских исследований Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** kira.godovanyuk@gmail.com

“межгосударственное соперничество, а не терроризм, – основная проблема национальной безопасности США” [National Defence Strategy, 2018].

В Стратегии национальной безопасности Британии [National Security Strategy and Strategic..., 2015] сказано о “стремлении России подорвать общие международные стандарты сотрудничества”; отмечено, что Британия может пересмотреть свое обязательство не применять ядерное оружие против стран, разрабатывающих ОМУ (в том числе химическое и бактериологическое). Подход Т. Мэй в отношении России “сотрудничай, но будь бдительным” (engage but beware)¹ вылился в политику сдерживания.

По мере того как разворачивалось “дело Скрипалей”, проявлялся преднамеренный характер противостояния с Россией, в которое Британия втягивала и Запад. Несколько отвлекаясь от событийной канвы и детективных подробностей, рассмотрим иерархию интересов и целей участников многоходовой антироссийской акции, которые они скрывали, как матрёшку.

“Дело Скрипалей” на внутривнутриполитическом фоне

Референдум о членстве Британии в ЕС (июнь 2016 г.) расколол нацию, ведь доля противников (брекзитёров) и сторонников (бремейнёров) ЕС составила 52:48, и Д. Кэмерон уступил премьерство Т. Мэй. Через год она провела досрочные парламентские выборы, рассчитывая укрепить своё личное положение как лидера партии консерваторов – в парламенте и своего правительства – в преддверии переговоров с ЕС. Однако консерваторы не только не нарастили большинство, но и утратили его. Тори сформировали правительство меньшинства по соглашению с Демократической юнионистской партией (ДЮП, партией из Северной Ирландии), которая, обладая только десятью местами, несоизмеримо повысила свой политический вес (у обеих партий 328 мест, а большинство составляет 326 мест). Мэй установила равновесие брейтейнёров и брекзитёров в кабинете, понимая, что опора лишь на одну из этих групп тори не позволит ей удержаться у власти. Всплеск популярности ЛПВ и её лидера Дж. Корбина после выборов сменился равенством рейтингов ведущих партий². Уговаривая брейтейнёров и брекзитёров не выносить внутривнутрипартийные разногласия на публику, Мэй права: “Либо я, либо Корбин”, – учитывая вероятность победы ЛПВ на новых досрочных выборах. На виду депутат-тори Дж. Рис-Могг: обвиняя правительство в уступках ЕС, он утверждает, что 60 парламентариев готовы выступить против Т. Мэй³.

Между тем брейтейнёры считают, что “русские тролли” склоняли британцев к брекзиту. Лидер кампании за брекзит, ныне министр иностранных дел, Б. Джонсон отрицает вмешательство России в референдум⁴, но в других вопросах занял анти-

¹ UK Prime Minister tells Trump to “engage but beware” of Russia. URL: <http://tass.com/world/927570> (дата обращения 27.01.2017).

² UK polling report. URL: <http://ukpollingreport.co.uk/> (дата обращения 06.05.2018).

³ Отметим, что в Консервативной партии вотум доверия лидеру автоматически назначают по требованию 15% её парламентской фракции (в данном случае достаточно 48 депутатов-тори).

⁴ 24 марта 2018 г. в британской газете The Observer была опубликована статья о том, как кампания «Голосуй за выход» незаконно использовала услуги британской же компании Cambridge Analytica для манипулирования общественным мнением перед референдумом о членстве Британии в ЕС. Компанию обвиняют и в США в манипулировании в ходе президентской избирательной кампании в пользу Д. Трампа, и по логике вещей США должны

российскую позицию, чтобы его не обвиняли в симпатиях к Кремлю. В январе министр обороны Г. Уильямсон заявил, что Россия может разрушить инфраструктурные объекты страны¹, в те же дни, признав давнее сексуальное домогательство. Сторонники Джонсона обвинили министра, что подобным образом он отвлекает внимание от скандального признания, а Уильямсон сторонников Джонсона – в стремлении понизить его шансы стать преемником Мэй.

Таковы субъективные факторы, которые влияют на ведущих британских государственных деятелей: премьер-министра, министра обороны и министра иностранных дел. Объективно, консерваторам невыгодна смена лидера в ходе переговоров с ЕС, но борьба за пост обострилась.

В палате лордов правительство потерпело уже 15 поражений по биллю о выходе Британии из ЕС. Лорды считают, что страна должна остаться в таможенном союзе. Окончательное решение – за нижней палатой общин, но “парламентский пинг-понг” осложняет положение правительства. В ответ брекзитёры предлагают упразднить невыборную верхнюю палату.

Острейшая полемика вокруг брекзита вызвала взаимные обвинения в иностранном вмешательстве: бремейнёров – в финансировании их Дж. Соросом, брекзитёров – в связях с Россией. Ведущие брекзитёры в кабинете (Д. Дэвис, Б. Джонсон и М. Гоув) грозили отставкой в мае, если Т. Мэй согласится на некую форму таможенного союза и преференции мигрантам из ЕС². Бремейнёры ответили обвинениями в связях с российской разведкой мозгового центра, который консультировал Джонсона и Гоува³. Лидер либеральных демократов В. Кейбл воспользовался инцидентом в Солсбери, чтобы призвать к повторному референдуму: “акт агрессии” России свидетельствует, что Лондону нужно опираться на “европейскую солидарность”⁴.

Взвешенную позицию Дж. Корбина по “делу Скрипалей” окрестили “непатриотичной”. Он призвал не спешить с выводами о вине России, что вызвало неприятие в его же парламентской фракции⁵. Неслучайно и то, что консервативная The Sunday

были бы наложить санкции на Британию. Услугами фирмы пользовался и Дж. Болтон, назначенный советником по национальной безопасности. В начале мая фирма обанкротилась ввиду оттока клиентов. The Brexit whistleblower: ‘Did Vote Leave use me? Was I naive’. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/mar/24/brexit-whistleblower-shahmir-sanni-interview-vote-leave-cambridge-analytica> (дата обращения 25.03.2018).

¹ Ананьева Е. Британия крепит оборону. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an113.pdf> (дата обращения 01.05.2018).

² Stand up to EU or quit. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/952873/theresa-may-eu-uk-brexit-customs-union-tory-leadership-prime-minister> (дата обращения 30.04.2018).

³ Harding L. Founder of pro-Brexit thinktank has link with Russian intelligence, says MP. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/01/christopher-chandler-founder-of-pro-brexit-thinktank-has-link-with-russian-intelligence-mp-says> (дата обращения 01.05.2018).

⁴ Salisbury nerve agent attack shows why we must stop Brexit, Lib Dems to say. URL: <http://metro.co.uk/2018/03/19/salisbury-nerve-agent-attack-shows-must-stop-brexit-lib-dems-say-7398345/> (дата обращения 19.03.2018).

⁵ Russia's poisoning of Sergei and Yulia Skripal. URL: <http://www.parliament.uk/edm/2017-19/1071> (дата обращения 15.03.2018); Russian spy: Labour row over Jeremy Corbyn's position. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-43424867> (дата обращения 17.03.2018); The Salisbury attack was appalling. But we must avoid a drift to conflict. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/15/salisbury-attack-conflict-britain-cold-war> (дата обращения 16.03.2018).

Times написала накануне местных выборов 3 мая о российских ботах, поддержавших лейбористов и Дж. Корбина на досрочных выборах 2017 г., а лейбористы напомнили, что партия тори приняла от российских олигархов пожертвований на 800 тыс. ф.ст.¹

В Британии “российская угроза”, как и в США, стала инструментом внутренней политики. Дело не только в разногласиях по брекзиту и в межпартийном соперничестве: правительство постоянно сотрясают неудачи и скандалы². Угроза вотума доверия Т. Мэй как лидеру партии и досрочных выборов не снимается. Как писал The New Statesman, “конфликт с Путиным настолько политически выгоден Терезе Мэй как часть кампании британских правых по делегитимизации Корбина, что невозможно вообразить, будто она прекратит ввязываться в драку с Россией”³.

“Дело Скрипалей” на внешнеполитическом фоне

Объективный негативный фактор – трудные переговоры по брекзиту: правительство идет на уступки Брюсселю, затягивает переговоры, не определён статус границы между Ирландией и Северной Ирландией. Проблема сродни квадратуре круга: к концу мая в кабинете не сложилось единство по данному вопросу, правительство зависит и от позиции ДЮП, паллиативы брекзитёров в ЕС считают нереалистичными. Задача Т. Мэй – отложить вопрос в долгий ящик, для чего она предложила второй переходный период до 2023 года.

Важный аспект – политика безопасности и обороны. Просочилась информация о секретных переговорах относительно готовности Британии и после выхода из ЕС частично финансировать оборонные и внешнеполитические проекты ЕС (в том числе европейскую армию PESCO, против которой она яро возражала до референдума, считая её направленной против НАТО во главе с США). Обман британцев член переговорной команды сравнил с шоколадкой Kit-Kat – яркая политическая обертка со скрытой начинкой других соглашений⁴.

Таким образом, позиции правительства Т. Мэй на переговорах с ЕС неустойчивы, перспективы получить одобрение парламента по договору с ЕС не гарантированы, как и его судьба. Объективно поиск нового места страны в мире (концепция “Глобальной Британии”) и попытка не утратить влияние в Европе подводят Британию к более тесному союзу с США, а Д. Трамп обещал Т. Мэй заключить выгод-

¹ Russians tried to swing the elections for Corbin. URL: <https://www.thetimes.co.uk/edition/news/exposed-russian-twitter-bots-tried-to-swing-general-election-for-jeremy-corbyn-zffv8652x> (дата обращения 29.04.2018); “Farcical smear campaign”. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/952726/Labour-John-McDonnell-Russian-bots-Jeremy-Corbyn> (дата обращения 30.04.2018).

² Со скандалом ушли в отставку четыре члена правительства; январские перестановки Терезы Мэй в правительстве и партии обозреватели расценили как провальные; в марте появилось сообщение о “телфордских педофилах”, которые орудовали и в период пребывания Мэй министром внутренних дел, а в апреле – скандал по поводу “поколения Виндраш”.

³ Mason P. Unless the West respects international law, it has no hope of preventing a new era of militarism. URL: <https://www.newstatesman.com/world/2018/04/unless-west-respects-international-law-it-has-no-hope-preventing-new-era-militarism> (дата обращения 18.04.2018).

⁴ Brexit news: Civil servants plan UK to FUND EU army in secret plot caught on tape. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/932587/brexit-news-civil-servants-plan-uk-fund-eu-army> (дата обращения 16.03.2018)

ный двусторонний торговый договор после брекзита, не говоря уже об “особых отношениях” двух стран в области обороны и разведки.

“Дело Скрипалей” в контексте двусторонних отношений

Принципы внешней политики Британии неизменны: сохранять между соперниками баланс сил, разделять и властвовать, объединять и властвовать. Однако методы в отношении России становятся все грубее.

Риторика Мэй о том, что Россия “с высокой степенью вероятности” (highly likely) несёт ответственность за покушение, что “нет иного правдоподобного объяснения” (“no plausible alternative explanation”), аналогична “делу Литвиненко”¹. Британия не стала соблюдать процедуру, предписанную Конвенцией о запрещении химического оружия [Уткин А., 2018]. Лондон не приводит доказательств причастности России к отравлению, но мотив, по его версии, – месть России и лично В. Путину перебежчикам, что он опроверг². Обвинения основаны на том, что Скрипали были отравлены БОВ типа “Новичок”, якобы разработанным и произведённым в СССР. Однако данные о нем обнародовал химик-перебежчик В. Мирзаянов ещё в 1990-х гг., а США запатентовали это вещество в 2015 г. Россия официально заявила, что не разрабатывала его, более того, в декабре 2017 г. под международным контролем завершила уничтожение всех запасов химического оружия³.

Британия подкрепляет позицию прежними недоказанными обвинениями, создавая впечатление повторяющейся модели (pattern) поведения России в нарушение международного права [PM Commons Statement ... 12 March 2018; PM Commons Statement ... 14 March 2018]. Лондон потребовал от Москвы признаться в покушении или подтвердить, что Россия утратила контроль над своей химической разработкой. Россия на ультиматум не ответила. Дело не только в ультимативной форме, но и в абсурдности, анекдотичности постановки вопроса Лондоном. Сетования Т. Мэй на “сарказм, презрение и пренебрежение” России неудивительны⁴: логические ошибки руководства Британии очевидны⁵. Б. Джонсон дал повод считать, что

¹ Доклад судьи Р. Оуэна в 2016 г. по итогам общественного расследования также содержал расплывчатую формулировку “президент Путин, вероятно, лично дал приказ убить Александра Литвиненко”. Материалы дела, однако, британская сторона засекретила. The Litvinenko Inquiry. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160613090324/https://www.litvinenkoinquiry.org/report> (дата обращения 18.03.2018).

² В.В. Путин: “Думаю, что любой здравомыслящий человек понимает, что это полная чушь, бред, нонсенс, чтобы кто-то в России себе позволили подобные выходки накануне президентских выборов и чемпионата мира по футболу. Это немыслимо”. Президент выразил готовность России сотрудничать в расследовании, отметив отсутствие заинтересованности с британской стороны. // Путин прокомментировал “дело Скрипаля”. URL: <https://ria.ru/world/20180319/1516709877.html> (дата обращения 19.03.2018).

³ В отличие от США, которые, ссылаясь на нехватку средств (!), добились от ОЗХО продления сроков уничтожения своих запасов до 2023 г.

⁴ Russia statement – as it happened: Theresa May to expel 23 spies from UK in response to Salisbury poisoning attack. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/westminster-today-live-updates-theresa-may-russia-spy-nerve-agent-pmq-s-rt-brexit-corbyn-a8254931.html> (дата обращения 14.03.2018).

⁵ Ложная посылка как тип логического нарушения заключается в том, что в качестве исходной ситуации в анекдоте называется намеренно неверное, искаженное положение вещей или нерациональное утверждение, которое обуславливает противоречие. Вариацией этого нару-

провокацию совершили накануне президентских выборов в России, чтобы дискредитировать В. Путина¹. Однако Лондон “обеспечил” обратный эффект.

Великобритания ввела ограничительные меры в отношении России. На чемпионат мира по футболу не поедут официальные лица и члены королевской семьи, хотя от прямого бойкота Лондон воздержался. Британия намерена заморозить российские активы, если будет доказано их использование “против безопасности поданных королевства и их собственности”, что предполагает произвол. Принята “поправка Магнитского” к законопроекту о санкциях и противодействии отмыванию денег. Британская сторона полностью отказалась от политических контактов, выслала 23 российских дипломатов. Ответ Москвы – зеркальная высылка 23 сотрудников британской дипмиссии, отзыв согласия на открытие консульства в Санкт-Петербурге и закрытие Британского совета в России, а затем и установление паритета численности дипсостава Британии и России (высылка 50 британских дипломатов).

Обвинения против России были выдвинуты на основе новой доктрины “смешанной безопасности” (Fusion Doctrine). Советник по национальной безопасности М. Седвилл заявил, что в отличие от “дела Литвиненко” правительство исходило из “оценок” разведки (даже не данных. – *Авт.*), не дожидаясь итогов расследования, ради скорой ответной реакции [National Security Capability..., 2018: 10–11; HC Defence Committee. Modernising ..., 2018, Q225]. В результате поспешными действиями и заявлениями Британия подрывает свой международный авторитет. Так, например, Б. Джонсон был уличён во лжи, заявив, будто глава лаборатории в Портон-Даун установил, будто Россия – страна происхождения “Новичка”², что последний опроверг³. Позже выяснилось: и другие страны обладали сходными веществами⁴.

В нарушение Венской конвенции о консульских сношениях Британия не допускает Россию к расследованию, не предоставляет информацию о нем, не допускает к

шения является произвольная посылка – мысль, которая, хоть и не является заведомо ложной, но сама требует доказательства. Безоговорочное принятие такой мысли в качестве основания является логически неверным действием. Некорректное умозаключение, основанное на ложной посылке, ведет к нарушению логического закона противоречия [Логинава].

¹ 'Overwhelmingly likely' Putin ordered spy attack, says Boris Johnson. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/mar/16/overwhelmingly-likely-putin-ordered-spy-attack-says-boris-johnson> (дата обращения 17.03.2018).

² Boris Johnson: Russia's position in Skripal case is 'increasingly bizarre'. URL: <http://www.dw.com/en/boris-johnson-russias-position-in-skripal-case-is-increasingly-bizarre/a-43043873> (дата обращения 21.03.2018).

³ Симптоматично, что 3 апреля интервью с главой лаборатории в Портон Даун провел ТВ канал “Sky News”, принадлежащий Р. Мердоку, хорошему знакомому Д. Трампа. См.: Porton Down experts unable to identify 'precise source' of novichok that poisoned spy. URL: <https://news.sky.com/story/porton-down-experts-unable-to-identify-precise-source-of-novichok-that-poisoned-spy-11315387> (дата обращения 04.04.2018). Разоблачение лжи Джонсона может быть связано с “русским досье” на Трампа, которое составили для Демократической партии США бывшие сотрудники МИ-6, с возможным привлечением С. Скрипаля. См.: Ананьева Е. Крейг Мюррей: версия по “делу Скрипаля”. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19540>

⁴ Признание президента Чехии: в стране производили яд “Новичок”. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3013705&tid=111662> (дата обращения 03.05.2018). Стало известно о наличии “Новичка” у немецких спецслужб. URL: <https://lenta.ru/news/2018/05/17/novichok/> (дата обращения 23.05.2018).

С. и Скрипалю, что дало основание С. Лаврову заявить об их похищении. Между тем даже через два месяца подозреваемые в отравлении не определены. Цель США и Британии в отношении России, по определению С. Лаврова, – “геноцид посредством санкций” [“О ситуации ...”, 2018].

Не приходилось сомневаться, что Британия продолжит попытки изолировать Россию, тем более к чемпионату по футболу. Британия намерена использовать международные площадки – G7, G20, НАТО, ЕС, чтобы укрепить альянс против России¹.

Британия и США в попытках получить международную солидарность

Солсбери – Брюссель

Скандал с отравлением на время отодвинул на второй план трудности переговоров по брекзиту. Как пишет А. Крамаренко, “подтекст очевиден: ... Брюссель и партнеры по ЕС должны пойти навстречу Лондону, чтобы в Москве “не радовались” разладу в западном альянсе” [Крамаренко, 2018]. Страны ЕС были осторожны в обвинениях и воздержались от экономических санкций против России², ограничившись высылкой дипломатов, а некоторые и вовсе отказались от нее. Польша призвала Германию отказаться от проекта “Северный поток-2”. Однако и Германия, и Финляндия выдали разрешения на его строительство.

Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг назвал отравление в Солсбери “неприемлемым нарушением норм международного права”. Вероятно, на саммите в июле “дело Скрипалей” используют как предлог, чтобы увеличить военные бюджеты и контингент в Восточной Европе.

Как и год назад, Б. Джонсону не удалось на министерской встрече G7 в Торонто добиться введения санкций. Договорились “лишь” о создании “группы по наблюдению за пагубным поведением России”³. Заведомый обвинительный уклон объективности не сулит, но Британия не может добиться своих целей в полном объеме.

Солсбери – Нью-Йорк

Британия вынесла инцидент на СБ ООН, где расценила его как акт неправомерного применения силы против страны – нарушение ст. 2 Устава ООН; Россия не предоставила ОЗХО информацию о “Новичке”, нарушив КЗХО (хотя предоставлять было нечего). Между тем сама Британия лишь под давлением России обратилась к ОЗХО. США пошли дальше, призвав членов Совбеза принять меры против Москвы, иначе мишенью может стать любой город страны – члена СБ ООН⁴. Обвинения серьёзные: в заявлении США, Британии, Франции и Германии от 15 марта

¹ Revealed: UK’s push to strengthen anti-Russia alliance. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/03/revealed-uk-push-to-strengthen-anti-russia-alliance> (дата обращения 04.05.2018).

² Mercuris A. Skripal case: EU Council ditches Theresa May’s ultimatum to Russia. URL: <http://theduran.com/skripal-case-eu-council-ditches-theresa-may-ultimatum-russia/> (дата обращения 23.03.2018).

³ G7 foreign ministers unite in condemning Russian behavior. URL: <http://www.euronews.com/2018/04/22/g7-foreign-ministers-to-discuss-russia-sanctions-not-on-agenda> (дата обращения 23.04.2018).

⁴ США призвали привлечь Россию к ответственности из-за “инцидента в Солсбери”. URL: <https://ria.ru/world/20180314/1516391755.htm> (дата обращения 15.03.2018).

речь шла о “применении боевых ОВ в Европе впервые со времён Второй мировой войны” [Salisbury attack: Joint statement..., 2018], хотя квалифицировать покушение на Скрипалей следует как уголовное преступление, а не военное¹.

Солсбери – Дамаск

Обвинения Запада в адрес России в применении химоружия были встроены в ряд таких же обвинений против Дамаска. Однако ещё в 2014–2016 гг. по инициативе России химический арсенал Сирии был уничтожен, что подтвердила ОЗХО. Генштаб РФ в марте 2018 г. предупреждал о готовящихся провокациях в Сирии². Действительно, 7 апреля организация “Белые каски” сообщила об очередной “хим-атаке” (г. Дума)³. США, Великобритания и Франция возложили ответственность на сирийское правительство, а на Россию – за его поддержку⁴. Нагнетание напряженности ставило целью создать единый фронт для давления на Россию⁵. США пригрозили бомбить правительственные кварталы Дамаска, на что Генштаб РФ заявил, что будет сбивать не только ракеты, но и их носители, если пострадают российские военнослужащие. Мир был поставлен на грань войны в ночь с 13 на 14 апреля, когда до расследования ОЗХО США, Британия и Франция нанесли ракетные удары по Сирии. Всё же предупреждение Генштаба ВС РФ возымело действие: жертв не было.

Участие Лондона в бомбардировках Сирии вызвало острые дискуссии в Британии о легитимности решения правительства в обход парламента, поскольку парламентское одобрение военных операций стало фактически конституционным обычаем Великобритании⁶. Мэй оправдывалась: недопустимо, чтобы применение химического оружия стало нормой в Сирии или на улицах королевства⁷. Аналогии с “делом Скрипалей” очевидны – Т. Мэй вновь заявила, что с “высокой степенью вероятности” правительство Б. Асада стоит за применением химоружия. Дж. Корбин

¹ Эксперт по химоружию рассказал, каким образом могли вылечить Скрипалей. URL: https://ria.ru/radio_brief/20180518/1520863999.html (дата обращения 15.03.2018).

² В Генштабе ВС РФ заявили о готовящихся в Сирии провокациях с применением химоружия. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1993321/> (дата обращения 18.03.2018).

³ Врачи сообщили о 70 жертвах возможной химической атаки в Восточной Гуте. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-43686331> (дата обращения 08.04.2018).

⁴ В этом контексте постпред Британии при ООН К. Пирс отметила, что современная Россия “основана на многих заветах Карла Маркса” (URL: https://www.youtube.com/watch?v=2_q2RJG6StQ) (дата обращения 11.04.2018). Напомним, что Б. Джонсон считает “Преступление и наказание” Ф.М. Достоевского детективом с заведомо известным преступником (Foreign Secretary's Mansion House speech at the Lord Mayor's Easter Banquet 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-lord-mayors-easter-banquet-speech-at-mansion-house-wednesday-28-march>) (дата обращения 29.03.2018). Таков уровень профессионализма высшего звена дипломатов Соединенного Королевства, которые игнорируют предписание собственной Стратегии национальной безопасности “изучать Россию”.

⁵ Никки Хейли: “Применение химоружия” в Думе и Солсбери – шаг к террору в США”. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2406102.html>. (дата обращения 19.04.2018).

⁶ См. подробнее Годованюк К.А. Великобритания начала бомбардировки ИГ в Сирии. 11.12.2015 г. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/velikobritaniya-nachala-bombardirovki-ig-v-sirii/?sphrase_id=1797404.

⁷ Theresa May defends Syria air strikes amid criticism for refusal to grant parliamentary vote. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/syria-air-strikes-latest-theresa-may-defends-attack-jeremy-corbyn-donald-trump-a8307941.html> (дата обращения 17.03.2018).

потребовал от Мэй привести факты и правовое обоснование решения. Правительство объяснило, что располагало “неопровержимыми доказательствами” нарушения гуманитарного права [Syria action..., 2018]. По опросам, только 22% населения Британии поддержали ракетные удары по Сирии¹.

Солсбери – Дамаск – Нью-Йорк

США и Британия готовы расшатать право вето в СБ ООН, чтобы подорвать позиции России. В связи с химатакой в г. Дума западные страны намеревались применить резолюцию “Единство ради мира” 1950 г. – созвать чрезвычайную сессию ГА ООН, если отсутствует единогласие в СБ ООН [Uniting for peace, 1950]². Таким образом, Россию в долгосрочном плане пытаются лишить права вето³. Среднесрочная цель – делегитимизировать Россию, чтобы действия Запада в обход СБ ООН мировая общественность воспринимала как морально обоснованные “несговорчивостью” “злонамеренной” России. Метод давно отработан: провокация – немедленное обвинение – наказание – расследование, которое затягивают на годы и забывают, пока не понадобится. Однако эффект от обвинения и наказания остаётся. И в данной многоходовой комбинации всплывающие факты по “делу Скрипалей”, разоблачающие ложь правительства Т. Мэй, замалчивают в Британии, а свидетельства непосредственных участников постановочного ролика “Белых касок” о мнимой химатаке в г. Дума Британия и Франция сочли “непристойным маскарадом”⁴.

Получило ли правительство Мэй политические дивиденды от “дела Скрипалей”?

Впервые после досрочных выборов рейтинг Мэй превысил рейтинг Корбина⁵. В целом население Британии одобрило позицию Т. Мэй, но предложение ввести в действие ст. 5 Устава НАТО встретило неоднозначную оценку (40:20)⁶. Рейтинг тори повысился в марте, превысив популярность лейбористов на 3–5 п.п., что в основном объясняется позицией ЛПВ по брекзиту⁷. На местных выборах 3 мая консерваторам удалось удержать позиции, хотя лейбористы прибавили количество своих депутатов.

¹ Parliament and UK public split over decision to bomb Syria. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/14/parliament-and-public-split-over-theresa-may-decision-to-support-airstrikes-against-syria> (дата обращения 15.04.2018).

² Примечательно, что в комитете по обороне галаты общин, помимо обычных инвектив в адрес России, прозвучало и предложение отказаться (abdicate) от роли права вето в СБ ООН. URL: Defence Committee. Oral evidence: Modernising Defence Programme, HC 818. 17 Apr 2018. URL:

<http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/defence-committee/modernising-defence-programme/oral/81601.html> (дата обращения 25.04.2018).

³ Реформа ООН требует согласия всех постоянных членов ООН, и Россия может наложить вето на реформу, но попытки дискредитировать РФ симптоматичны.

⁴ “obscene masquerade”. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/26/obscene-masquerade-russia-criticised-over-douma-chemical-attack-denial> (дата обращения 27.04.2018). Однако США сочли нужным прекратить финансирование данной организации.

⁵ Political Polling 13th March 2018. URL: <http://opinium.co.uk/political-polling-13th-march-2018/>

⁶ Ibid.

⁷ См. UK polling report. URL: <http://ukpollingreport.co.uk/>

Выводы

1. “Дело Скрипалей” тактически нацелено замять уступки по брекзиту. Скандал позволил Т. Мэй немного укрепить свои позиции как лидера партии и премьера, повысить поддержку населения. Однако стратегически оппоненты могут использовать скандал в пользу её отставки, как было с Т. Блэром в связи с “иракским досье”.

2. Обострение российско-британских отношений – следствие политики консерваторов с 2014 г. Отличительный признак инцидента в Солсбери – его интернационализация, а толкование как неправомерного применения силы против Британии – беспрецедентное событие в послевоенной истории и в отношениях между постоянными членами СБ ООН. При правительстве Т. Мэй возможно дальнейшее ухудшение российско-британских отношений по инициативе британской стороны.

3. Британия использует “дело Скрипалей”, чтобы нарастить военную мощь, которая в ядерной составляющей зависит от США. Не исключен рост её военных расходов свыше 2% ВВП; выходя из ЕС, Британия пытается сохранить свою роль не только в НАТО, но и в “европейской армии”.

4. Призывом к союзникам по НАТО и ЕС проявить солидарность Лондон стремится стать “объединителем” Европы, создавая ложное ощущение роста своего международного авторитета при “геополитической дезориентации” накануне брекзита.

5. Партнёры по ЕС и НАТО, на словах поддерживая Британию, не стали выполнять все её требования. При дальнейшем давлении на них сама Британии вызовет разногласия в ЕС и НАТО.

6. Обвинения в применении БОВ Россией на территории Британии – шаг в многоходовой комбинации против правительства Сирии.

7. Провокации против России носят лавинообразный характер. Их цель – дискредитация страны и её делегитимация как члена СБ ООН, чтобы действия Запада без санкции Совбеза воспринимали в мире как морально оправданные и легитимные. Пока Россия будет доказывать непричастность по одному обвинению, США и Британия будут совершать новые провокации и налагать новые санкции на Россию.

Список литературы

Караганов С. Русская отчаянность оседлала волну истории. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Russkaya-otchayannost-osedlala-volnu-istorii-19180>

Крамаренко А. (2018) Переговоры по брекзиту: первые итоги // *Международная жизнь*, №4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2002>

Логинова Т.А. Логико-семантические основы юмора американского анекдота: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Логинова Татьяна Анатольевна; [Место защиты: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.].- Самара, 2010.- 184 с.

“О ситуации вокруг инцидента с С. Скрипалем в г. Солсбери (Великобритания)”. URL: <http://www.mid.ru/web/guest/o-situacii-vokrug-otравlenia-s.skrripala-i-ego-doceri-v-velikobritanii>

Уткин А. (2018) “Дело Скрипалей”: международно-правовой аспект // *Международная жизнь*, №4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1999>

References

Karaganov S. Russkaya otchayannost' osedlala volnu istorii. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Russkaya-otchayannost-osedlala-volnu-istorii-19180>

Kramarenko A. (2018) Peregovory po brekzitu: pervye itogi // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, №4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2002>

Loginova T.A. Logiko-semanticheskie osnovy yumora amerikanskogo anekdota: dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04 / Loginova Tat'yana Anatol'evna; [Mesto zashchity: Povolzh. gos. soc.-gumanitar. akad.].- Samara, 2010.- 184 s.

- “O situacii vokrug incidenta s S.Skripalem v g. Solsberi (Velikobritaniya)”. URL: <http://www.mid.ru/web/guest/o-situacii-vokrug-otravleniya-s.skrupala-i-ego-docheri-v-velikobritanii>
- Utkin A. (2018) “Delo Skripalej”: mezhdunarodno-pravovoj aspekt // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, №4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1999>
- European Council conclusions on the Salisbury attack, 22 March 2018. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/03/22/european-council-conclusions-on-the-salisbury-attack/>
- House of Commons Defence Committee. Oral evidence: Modernising Defence Programme - 01 05 18, HC 818. Tuesday 1 May 2018. Q225. Q239. URL: <http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/defence-committee/modernising-defence-programme/oral/82257.html>
- Lawson E. The UK National Security Capability Review and the Fusion Doctrine. Commentary, 2 April 2018. URL: <https://rusi.org/commentary/uk-national-security-capability-review-and-fusion-doctrine>
- National Defence Strategy. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2018/01/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
- National Security Capability Review. HM Government. March 2018. (The Fusion Doctrine. P.10-11) URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/696305/6.4391_CO_National_Security_Review_web.pdf
- National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478936/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_PRINT_only.pdf
- PM Commons Statement on Salisbury incident: 12 March 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-12-march-2018>.
- PM Commons Statement on Salisbury incident response: 14 March 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-response-14-march-2018>.
- Salisbury attack: Joint statement from the leaders of France, Germany, the United States and the United Kingdom. 15 March 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/news/salisbury-attack-joint-statement-from-the-leaders-of-france-germany-the-united-states-and-the-united-kingdom>
- Syria action – UK government legal position. Published 14 April 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/syria-action-uk-government-legal-position/syria-action-uk-government-legal-position>
- Uniting for peace. URL: [http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/377\(V\)](http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/377(V))

Matreshka of the Skripals' Affair

Authors. **Ananieva E.**, Candidate of Science (Philosophy), Head of Center for British Studies, Institute of Europe, RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** e-ananieva@yandex.ru

Godovanyuk K., Candidate of Science (Political), Senior Research Fellow of Center for British Studies, Institute of Europe, RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** kira.godovanyuk@gmail.com

Abstract. UK-Russia relations are going through a new phase of deterioration. The article analyses the position of key political figures of the British Cabinet as participants of the anti-Russian multifaceted campaign aimed at supporting the Tory government inside the country and in its Brexit negotiations with Brussels. Another goal is to establish Britain as a leader of the anti-Russian international front. The UK has intentionally politicized the Salisbury incident and accused Russia of the use of force (a military-grade chemical agent) on the UK territory. London called its NATO and the EU allies to express solidarity. In parallel, the US, the UK and France, having accused Damascus of using chemical weapons and Russia as its baker, launched airstrikes against Syria. Through a series of provocations the West attempts to question the veto power of Russia in the UN SC and to isolate it on the international stage.

Key words: Russia-UK relations, the “spy poisoning” case, Conservative Party, Labour Party, Syria, Th. May, B. Johnson, USA, UN SC, chemical weapons, OPCW.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320181626>

УДК 323.225

Алексей ДОМАНОВ

ПРИЧИНЫ ЕВРОСКЕПТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В данной работе исследованы причины распространения евроскептицизма среди граждан Евросоюза для объяснения и прогнозирования общественных настроений в ЕС. Призывы политиков выйти из ЕС, участвовавшие после референдума в Великобритании в 2016 г., повышают востребованность методов анализа причин привлекательности подобных идей. В этой связи представлена комплексная математическая модель объяснения евроскептических настроений среди населения ЕС, позволяющая сократить затраты ресурсов в процессе исследования данного феномена. С помощью количественного метода моделирования структурными уравнениями подтверждена возможность включения в эту модель факторов, связанных со степенью (не-) удовлетворённости потребностей граждан, восприятием конкретных характеристик Евросоюза и общим (не-) пониманием политического процесса в Евросоюзе. Применимость модели для анализа перспектив распространения евроскептицизма проверена на данных опроса общественного мнения “Евробарометр” мая 2017 г. Расхождение между пропорцией вычисленных таким образом значений и реальных ответов граждан не превышает 6 п.п. в каждом из государств-членов ЕС.

Ключевые слова: евроскептицизм, ЕС, политическая социология, математическое моделирование, опрос “Евробарометр”, субъективное благополучие.

В последние десятилетия в ряде государств-членов Европейского Союза зафиксирован рост евроскептических настроений. Многочисленные исследования посвящены анализу этой тенденции (например, сравнительному анализу распространения евроскептицизма в различных странах ЕС, особенностям идеологии евроскептических партий, роль их электоральных успехов в трансформации национальных политических систем). Многие эксперты исследуют влияние различных отдельных факторов на усиление евроскептицизма в обществе: в частности, материального положения граждан [Gabel, 1998] или уровня их образования [Nakhverdian et al., 2013].

Однако до сих пор не разработана комплексная, верифицированная с помощью количественных методов, модель объяснения динамики евроскептических настроений.

© Доманов Алексей Олегович – Институт Европы РАН, Центр документации ЕС, младший научный сотрудник. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.
E-mail: domanov.aleksey@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320182736>

ний в обществе. Математическое моделирование применялось для анализа совместного влияния лишь нескольких факторов [например, национальной идентичности и материального положения: McLaren, 2006]. Подход, предложенный в настоящей работе, позволяет прогнозировать изменения евроскептических настроений точнее, чем при использовании однофакторных объяснительных схем.

Во многих исследованиях рассмотрена идеология политических акторов, представляющих ЕС гражданам в качестве причины их трудностей [например, Вайнштейн, 2015; Рубинский, 2016: 90; Узнародов, 2015]. Партия, преследующим такую цель, выгодно упоминать в своих программах проблемы, которые ассоциируются с негативной ролью ЕС в повседневной жизни. При этом политики могут воспользоваться незнанием избирателей о реальной деятельности Евросоюза в той или иной сфере, и выставять европейские институты в негативном свете с выгодой для себя.

Предположим, что к такой негативной информации о ЕС наиболее восприимчивы граждане, испытывающие множество социально-экономических трудностей. Основанием для этого служит более общее наблюдение, что повышенное внимание к негативной информации о каком-либо объекте проявляют люди, считающие этот объект угрозой для себя [например, Cisler et al., 2009: 227–228]. На наличие подобной закономерности в случае восприятия ЕС указывают некоторые исследования евроскептицизма, проведённые ранее [Crespy, Verschueren, 2009: 377; Holmes, 2009].

Возможно, такой повышенной восприимчивостью отличаются также люди, которые видят в ЕС угрозу удовлетворению не только материальных потребностей (как в случае “проигравших” от либерализации национальных рынков в ходе европейской интеграции, исследованных Д. Холмсом в упомянутой работе), но и других: например, граждане проявляют недовольство Евросоюзом, если чувствуют необходимость получить большее влияние на принятие решений на европейском уровне [Norris, 1999]. Также широкая трактовка потребностей жителей позволит рассмотреть не только “проигравших от либерализации”, как предложил Д. Холмс, но и евроскептиков из более обеспеченных слоёв. Хотя они не испытывают трудности материального плана, такие граждане могут считать ЕС причиной разрушения их бизнеса или возлагать на него ответственность за снижение безопасности.

Кроме того, в соответствии с гипотезой о восприимчивости к негативной информации, те граждане, у которых эти потребности недостаточно удовлетворены, обращают повышенное внимание на критику Евросоюза евроскептическими партиями. Возможно, наиболее охотно их позицию разделяют люди, которые плохо осведомлены о ЕС: эта партийная позиция не входит в противоречие с известными им немногочисленными фактами о данном интеграционном объединении. Таким образом, целесообразно проверить следующее предположение: **чем больше препятствий для удовлетворения потребностей встречают граждане и чем менее отчётливое их представление о ЕС, тем больше их недовольство Евросоюзом**. Подходящим количественным методом для поставленной цели является моделирование структурными уравнениями (MCU, structural equation modelling).

Факторы евроскептицизма: обзор литературы о причинах недовольства Европейским Союзом

Предложенная формулировка гипотезы задаёт несколько направлений поиска факторов евроскептицизма:

- 1) наличие у граждан неудовлетворённых потребностей;
- 2) причины, по которым граждане обвиняют ЕС в своих проблемах;
- 2.а) связанные с восприятием конкретных характеристик Евросоюза;
- 2.б) связанные с общим (не-) пониманием политического процесса в ЕС.

Большинство факторов, выделенных в существующих исследованиях евроскептицизма, подпадают под определения перечисленных групп. Как уже было заявлено, первая категория причин объединяет независимые переменные, соответствующие (не-) удовлетворённым потребностям граждан. Наиболее широкий спектр таких показателей можно найти среди составляющих понятия “субъективное **благополучие**”, которое включает экономические, политические и культурные параметры [Loubser, Steenekamp, 2017; Gaugisiz, 2010]. Разносторонний характер этого понятия обусловлен тем, что его признаком считается отсутствие социальной исключённости [Mabughi, Selim, 2006: 190], под которой понимается “неспособность эффективно участвовать в экономической, политической и культурной жизни, отчуждение” [Duffy, 1998].

Таким образом, концепция субъективного благополучия охватывает многие факторы, влияние которых на степень евроскептицизма было обнаружено исследователями отношения граждан к ЕС. В частности, на значение таких **экономических** показателей, как состояние национальной экономики и личный доход, обратил внимание М. Габель [Gabel, 1998]. Кроме того, как показала Л. Худж при исследовании жителей ЕС с разным статусом, евроскептические настроения обусловлены неспособностью принимать участие в экономической жизни и отчуждённым положением [Hooghe, 2003].

Возможности участвовать в **политической** и культурной жизни во многом определяются уровнем образования граждан, механизм влияния которого на уровень евроскептицизма уже был показан В. Ван дер Бругом и другими голландскими исследователями [Nakhverdian et al., 2013]. Также зарубежные политологи [например, Norris, 1999] посчитали важным фактором евроскептицизма разочарование жителей в демократических процедурах воздействия на принятие решений на национальном и европейском уровне.

Что касается других аспектов субъективного благополучия граждан, ЕС может восприниматься как препятствие не только экономической и политической деятельности, но и полноценной **культурной** жизни. В частности, граждане, ощущающие принадлежность к своим государствам, могут опасаться за сохранение и развитие национальной идентичности на фоне конструирования европейской общности из-за представления, что европейская интеграция размывает национальную идентичность [McLaren, 2006].

Исходя из основной гипотезы, во вторую категорию независимых переменных требуется объединить факторы евроскептических настроений, побуждающие граждан считать именно ЕС ответственным за недостаточно высокий уровень субъективного благополучия. Поскольку выявление причинно-следственных связей между действиями Евросоюза и собственным положением — часть общего процесса познания политической реальности, уместно было бы проверить связь евроскептицизма со следующими признаками “когнитивной мобилизации”¹.

– корректностью знаний о ЕС, использованной С. Хиксом в качестве показателя осведомлённости граждан о выгодах и издержках европейской интеграции [Nix, 2005: 155];

– уровнем образования (учтённым ранее как фактор социальной исключённости) и возрастом [Wessels, 1995], поскольку в ходе обучения и взросления граждане могут получать новую информацию о политических институтах;

– частота обсуждения европейских политических тем.

Методика моделирования причин евроскептицизма с помощью структурных уравнений

Для того чтобы выявить совместное влияние всех перечисленных факторов на степень евроскептицизма (по отдельности некоторые причинно-следственные связи уже были установлены), указанные независимые переменные объединены в комплексную модель.

В данной работе уже было высказано предположение о том, что понятие благополучия человека охватывает большинство факторов, перечисленных в предыдущем разделе (назовём их “блок субъективного благополучия”). В этой связи желательно протестировать модели не только с независимыми переменными из “блока субъективного благополучия”, взятыми по отдельности, но и с интегральной независимой переменной “субъективное благополучие”, объединяющей все упомянутые факторы: может оказаться, что замена нескольких показателей на один даёт увеличение объясняющей силы модели в целом.

С этой целью проведено сравнение результатов следующих моделей (см. рис. 1 и рис.2):

1) с полным набором факторов и с учётом взаимного влияния друг на друга независимых переменных внутри “блока субъективного благополучия” и “когнитивного блока” — “модель 1”;

2) с независимыми переменными из “когнитивного блока” и представленным в опросах общественного мнения интегральным показателем субъективного благополучия — “модель 2”.

¹ “Развитие навыков, необходимых для оперирования абстрактными политическими конструкциями” [Inglehart, 1977: 295–297].

Рисунок 1.

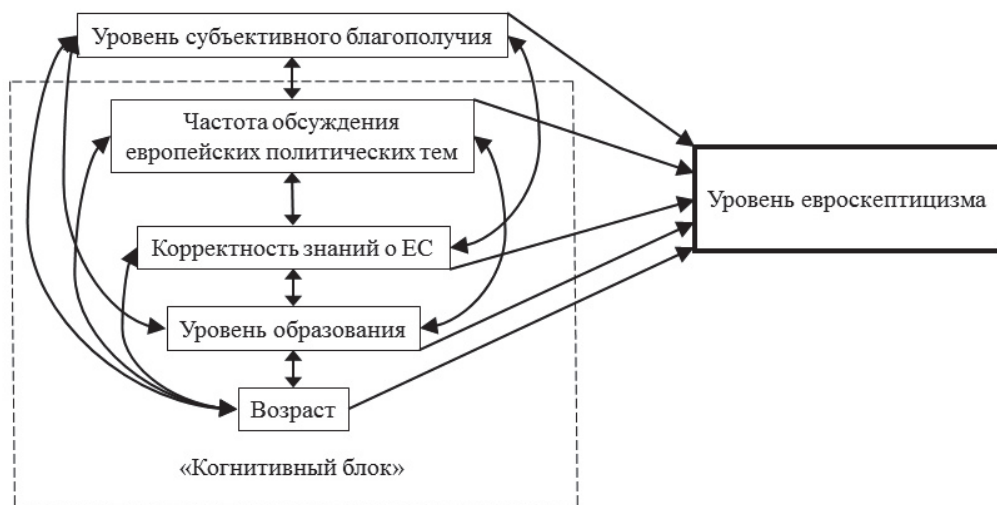
Модель 1 – полный набор факторов¹

Показав наличие взаимосвязей, предсказанных моделью, можно переходить к упомянутой задаче прогнозирования зависимого показателя по известным значениям независимых переменных. Значения, полученные обратным регрессионным анализом, сравнивались с реальными ответами опрошенных.

¹ Двусторонние стрелки показывают взаимное влияние независимых переменных друг на друга, а направленные стрелки – прямое воздействие независимых переменных на зависимую. Уровень образования связан со всеми переменными, поскольку входит и в “блок субъективного благополучия”, и в “когнитивный блок”, поэтому для наглядности изображён в обеих группах.

Рисунок 2.

Модель 2 – упрощение с помощью обобщённого показателя удовлетворённости¹

Формирование базы данных для анализа

Для количественного анализа выбраны результаты опроса общественного мнения “Евробарометр”. Ко времени проведения исследования в открытом доступе находилась база данных за ноябрь 2016 г.² Анкетирование проводилось среди жителей 33 государств, однако далее будут рассмотрены только ответы 28 тысяч опрошенных, проживавших в государствах-членах ЕС³.

В соответствии с перечнем характеристик, выделенных при обзоре литературы, в данном исследовании проанализированы ответы респондентов на 13 вопросов, позволяющие оценить значения всех независимых переменных, указанных на рис. 1.

Стоит отметить, что значения зависимой переменной (отношение респондентов к утверждению “в будущем [нашей стране] лучше находиться вне ЕС”)⁴ взяты не из

¹ Показатель субъективного благополучия заменяет все переменные “блока субъективного благополучия”.

² Описательная статистика по различным волнам исследования доступна в [European Commission, 2017]. Базы данных с индивидуальными ответами респондентов – в [GESIS, 2017].

³ Указанные и иные характеристики опроса описаны в [European Commission, 2017].

⁴ После 2011 г. специалисты “Евробарометра” не просят респондентов из государств-членов ЕС дать общую характеристику членства своей страны в Евросоюзе и оценить выгоды от присоединения к нему, хотя ответы именно на эти вопросы широко использовались исследователями евроскептицизма [например, Hooghe, 2003]. Несмотря на неодно-

дополнительных источников – например, из пресс-релиза Европейской комиссии или отчётов центральных избирательных комиссий –, а из того же опроса общественного мнения. Такой отказ от данных об электоральных успехах евроскептических партий в пользу результатов анкетирования соответствует современной практике: например, Г.А. Монусова отдала ему предпочтение, столкнувшись с аналогичной альтернативой в своей сфере исследования общественного мнения [Монусова, 2016: 58].

Результаты количественного анализа

Следует констатировать соответствие модели 1 сформированной базе данных. Действительно, коэффициент CFI (“comparative fit index”, “индекс соответствия в сравнении”) равен 0,962, RMSEA (“root mean squared error of approximation”, среднеквадратичная ошибка приближения) равен 0,059.

Коэффициенты, полученные в ходе анализа результатов опросов общественного мнения по модели 2, говорят о значительно лучшем соответствии этой схемы реальным взаимосвязям между ответами жителей всех государств-членов ЕС. Погрешность вычислений – показатель RMSEA – в этом случае на 19% меньше (0,048), чем при расчёте по первой модели. Индикатор CFI равен 0,982.

Немаловажно учитывать, что использование модели 2 упрощает объяснение уровня евроскептицизма по сравнению с моделью 1. Действительно, благодаря замене ряда переменных на одну – субъективное благополучие – для надёжных расчётов пользователю первичных данных достаточно найти результаты социологических опросов с ответами респондентов всего на 5 вопросов, а не на 12.

К сожалению, результаты анализа модели 2 бессмысленно представлять в традиционной для регрессионного анализа (предшественника метода МСУ) форме – в виде единого уравнения –, поскольку коэффициенты при каждой независимой переменной не показывают их “вклад” в изменение зависимого показателя. Тем не менее, коэффициенты этой модели можно использовать для преобразования значений независимых переменных из базы данных “Евробарометра” мая 2017 г. [European Commission, 2017] в “прогнозные” показатели евроскептицизма. Этим способом вычислена доля евроскептиков в каждой стране, которая отличается от реального соотношения ответов респондентов на 0-6 п.п. (см. табл. 1)¹. Стоит отметить, что эта погрешность находится в рамках статистически допустимого размера ошибки для данного количества стран в выборке и размера населения ЕС.

кратные обращения представителей академического сообщества (в частности, греческого политолога С. Василиопулу) в Европейскую комиссию, возврат к традиционной формулировке вопроса для измерения евроскептических настроений пока не произошёл.

¹ На точность вычислений могли повлиять искажения исходных данных. В целом погрешность измерения “Евробарометра”, как было показано ранее, составляет около 3%. Кроме того, анализ проводился по относительно небольшой базе данных в тех странах, где было собрано в 2 раза меньше ответов, чем в других (например, на Мальте заполнены лишь 500 анкет, в то время как в большинстве государств-членов ЕС собраны ответы тысячи и более человек).

Табл. 1.

Предсказанный моделью и наблюдаемый¹ уровень евроскептицизма, % опрошенных

	Доля ответов респондентов на вопрос “Скажите, в какой степени Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями. В будущем [нашей стране] лучше находиться вне ЕС” (предсказанных моделью / зафиксированных “Евробарометром” в мае 2017 г.)			
<i>Государство</i>	<i>Полностью согласен</i>	<i>Склонен согласиться</i>	<i>Склонен не согласиться</i>	<i>Полностью не согласен</i>
Франция	11 / 10	16 / 17	27 / 31	28 / 31
Бельгия	6 / 5	23 / 25	38 / 39	29 / 27
Нидерланды	6 / 5	8 / 8	29 / 31	48 / 52
Германия	5 / 7	9 / 11	23 / 25	56 / 50
Италия	15 / 14	28 / 29	22 / 27	16 / 18
Люксембург	7 / 8	15 / 15	30 / 32	35 / 35
Дания	6 / 6	8 / 8	23 / 25	48 / 53
Ирландия	10 / 10	14 / 14	25 / 26	38 / 43
Великобритания	32 / 27	19 / 19	18 / 20	17 / 19
Греция	16 / 13	24 / 25	29 / 33	22 / 23
Испания	7 / 7	13 / 14	25 / 30	35 / 41
Португалия	7 / 7	21 / 23	32 / 34	24 / 26
Финляндия	7 / 6	16 / 16	31 / 32	33 / 37
Швеция	9 / 8	15 / 17	28 / 30	34 / 39
Австрия	17 / 16	27 / 26	26 / 29	19 / 20
Кипр	19 / 21	21 / 27	21 / 21	20 / 22
Чехия	14 / 13	25 / 25	33 / 36	13 / 15
Эстония	4 / 5	10 / 14	28 / 34	36 / 39
Венгрия	7 / 7	21 / 22	24 / 27	31 / 33
Латвия	11 / 13	13 / 15	25 / 29	23 / 28
Литва	5 / 6	14 / 17	26 / 32	31 / 36
Мальта	2 / 4	10 / 15	26 / 31	32 / 38
Польша	8 / 9	24 / 25	32 / 37	19 / 21
Словакия	8 / 8	18 / 17	28 / 33	26 / 30
Словения	22 / 23	23 / 25	26 / 29	16 / 18
Болгария	9 / 9	15 / 18	26 / 31	19 / 24
Румыния	10 / 11	22 / 24	26 / 29	24 / 25
Хорватия	9 / 9	27 / 30	27 / 30	16 / 19

Заключение

В данной работе рассмотрены две математические модели, объединяющие факторы изменения евроскептических настроений населения ЕС. В ходе математического моделирования с высокой степенью достоверности установлено, что с уровнем евроскептицизма связаны признаки *восприятия* ЕС гражданами как препятствия для *удовлетворения своих потребностей*: касающиеся субъективного

¹ Standard Eurobarometer 87... Р. 90.

(не-) благополучия и причин, по которым граждане обвиняют ЕС в своих проблемах (относящиеся к восприятию его конкретных характеристик и общему (не-) пониманию политического процесса в Евросоюзе). Примечательно, что для динамики евроскептических настроений важны как объективные показатели благополучия, так и их субъективное восприятие.

Статистический анализ методом моделирования структурными уравнениями охватил весь приведённый перечень возможных факторов, а не отдельные причины укрепления евроскептицизма. Проанализированы 28 тысяч ответов жителей государств-членов ЕС, опрошенных в ходе исследования “Евробарометр” в ноябре 2016 г., причём для анализа взяты не агрегированные показатели по странам из пресс-релизов Европейской комиссии, а первичные данные. Примечательно, что евроскептические партии обращают внимание избирателей именно на проблемы, связанные с евроскептицизмом респондентов в соответствии с протестированной моделью [Кавешников, Доманов, 2018]. Например, в программе партии “Альтернатива для Германии” 2017 г. европейская валютная система критикуется за то, что она в нынешнем виде “наносит ущерб частным накоплениям”, то есть вредит субъективному благополучию и материальному положению немцев [Alternative für Deutschland, 2017: 14].

Кроме того, представилась возможность заменить независимые переменные из “блока субъективного благополучия” (см. рис. 1) на непосредственно измеренный в ходе анкетирования интегральный индикатор субъективного благополучия респондента, улучшив объясняющую силу модели (коэффициент её несоответствия реальным данным RMSEA снизился на 19%). Объединение ряда независимых переменных в единый показатель субъективного благополучия позволило упростить сбор эмпирического материала: для надёжных расчётов достаточно предложить респондентам ответить лишь на 5, а не 12 вопросов о независимых переменных.

Применимость разработанной модели объяснения евроскептицизма проверена путём расчёта значений зависимой переменной для каждого респондента по известным величинам независимых индикаторов. Расхождение между пропорцией вычисленных таким образом значений и действительных ответов граждан незначительно: в каждой стране расчётные и реальные показатели евроскептицизма (мнения о желательности выхода из ЕС) различаются не более, чем на 6 п.п.

Список литературы

- Вайнштейн Г.И. Евроскептицизм: новый фактор европейской политики // *Современная Европа*. – 2015. №8. – Сс. 40-48.
- Кавешников Н.Ю., Доманов А.О. Методика оценки евроскептических настроений на примере политических партий Великобритании // *Международные процессы*. – 2018. № 1 (в печати)
- Монусова Г.А. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. № 11. – Сс. 58-70.
- Рубинский Ю.И. Франция: два съезда // *Современная Европа*. – 2016. № 2. – Сс. 87-91.
- Узнаров И.М. Евроскептицизм после кризиса // *Современная Европа*. – 2015. № 1. – Сс. 26-36.

References

- Alternative für Deutschland (2017), “Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017”, available at: www.afd.de/wahlprogramm (accessed: 15.06.17)
- Cisler, J., Bacon, A., Williams, N. (2009), “Phenomenological Characteristics of Attentional Biases Towards Threat: A Critical Review”, *Cognitive Therapy Research*, no. 2, pp. 221-234.
- Crespy, A. and Verschuere, N. (2009), “From Euroscepticism to Resistance to European Integration: An Interdisciplinary Perspective”, *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 10, no. 3, pp. 377-393.
- Duffy, K. (1998), “Human Dignity and Social Exclusion”, in Sykes, R., Alcock, R. and Alcock, P. (eds), *Developments in European Social Policy: Convergence and Diversity*, Policy Press, Bristol, the UK, pp. 95-124.

- European Commission (2017), "Standard Eurobarometer", available at: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=STANDARD> (accessed 25.09.2017).
- Gabel, M. (1998), *Interests and Integration*, University of Michigan Press, Ann Arbor, the USA, 192 p.
- Gaygisiz, E. (2010), Economic and Cultural Correlates of Subjective Well-being in Countries Using Data from the Organisation for Economic Cooperation and Development, *Psychological Reports*, no. 3, pp. 949-963.
- GESIS, Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften (2017), "Eurobarometer: Data Access", available at: <http://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/search-data-access/data-access/> (accessed: 15.06.2017).
- Hakhverdian, A., van Elsas, E., van der Brug, W. and Kuhn, T. (2013), "Euro-scepticism and Education: A Longitudinal Study of 12 EU Member States, 1973-2010", *European Union Politics*, no. 4, pp. 522-541.
- Hix, S. (2005), *The Political System of the European Union*, 2nd ed., Palgrave Macmillan, Basingstoke, the UK, 448 p.
- Holmes, D. (2009), "Experimental Identities (after Maastricht)", in Checkel, J. and Katzenstein, P. (eds), *European Identity*, Cambridge University Press, Cambridge, the UK, pp. 52-80.
- Hooghe, L. (2003), "Europe Divided? Elite vs. Public Opinion on European Integration", *European Union Politics*, no. 3, pp. 281-304.
- Inglehart, R. (1977), *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*, Princeton University Press, New Jersey, the USA, 482 p.
- Kaplan, D. (2004), "Structural Equation Modelling", in Lewis-Beck, M. (ed.) *The SAGE Encyclopedia of Social Science Research Methods*, SAGE, N.Y., the USA, pp. 1089-1093.
- Kaveshnikov, N.Yu., and Domanov, A.O. (2018, forthcoming), "A Method to Assess Eurosceptic Attitude at the Example of Political Parties of Great Britain", *Mezhdunarodnye processy*, no. 1.
- Loubser, R., Steenekamp, C. (2017), Democracy, Well-being, and Happiness: A 10-nation Study, *Journal of Public Affairs*, vol. 17, pp. 1-12.
- Mabughi, N. and Selim, T. (2006), "Poverty as Social Deprivation: a Survey", *Review of Social Economy*, no. 2, pp. 181-204.
- McLaren, L. (2006), *Identity, Interests and Attitudes to European Integration*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, the UK, 232 p.
- Monusova, G.A. (2016), "The Perception of Immigrants by European Public Opinion", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 11, pp. 58-70.
- Norris, P. (1999), *Critical Citizens: Global Support for Democratic Governance*, Oxford University Press, Oxford, the UK, 320 p.
- Rubinsky, Yu.I. (2016), "France: Two Congresses", *Sovremennaya Evropa*, no. 2, pp. 87-91.
- Uznarodov, I.M. (2015), "Euro-scepticism after the Crisis", *Sovremennaya Evropa*, no. 1, pp. 26-36.
- Weinstein, G.I. (2015), "Euro-scepticism: a New Factor of European Politics", *Sovremennaya Evropa*, no. 8, pp. 40-48.
- Wessels, B. (1995), "Evaluations of the EC: Elite or Mass-Driven?", in Niedermayer, O. and Sinnott, R. (ed.) *Public Opinion and Internationalized Governance*, Oxford University Press, N.Y., the USA, pp. 137-162.

Factors of Public Euroscepticism: a Quantitative Analysis Attempt

Author: Domanov A., EU-i Information Centre, the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, junior research fellow. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** domanov.aleksey@gmail.com

Abstract. This paper dwells upon the reasons for far-reaching Euroscepticism among EU citizens in order to explain and forecast public sentiment in the European Union. As more and more politicians call for the withdrawal from the EU, especially after the British referendum in 2016, demand for analytical methods to explain the attractiveness of such ideas increases. The article presents a comprehensive mathematical model explaining Eurosceptic sentiments among EU citizens, which allows to reduce costs of further research of this phenomenon. The quantitative method of structural equation modeling proves the validity of a model including factors related to (dis-) satisfaction of citizens' needs of citizens, perception of specific EU characteristics, and the general (mis-) understanding of EU politics. The model has proved to be instrumental to forecast Euroscepticism appeal through application of Eurobarometer public opinion polls of May 2017. The discrepancy between proportions of forecasted values and citizens' real answers does not exceed 6% in each of the EU member states.

Keywords: Euroscepticism, EU, mathematical modeling, political sociology, survey "Eurobarometer", subjective well-being.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320182736>

УДК 329.275, 327.8

Виктор КИРИЛЛОВ

Игорь ПУТИНЦЕВ

ВЛИЯНИЕ РУМЫНИИ В МОЛДАВИИ: ФОРМЫ И ЭВОЛЮЦИЯ УНИОНИЗМА

Аннотация. В последние три десятилетия в Молдавии получил развитие процесс этнической трансформации. В составе молдавского народа выделилась группа, принявшая румынскую национальную идентичность, что стало основой для развития унионизма – движения за объединение Молдавии и Румынии. В данной статье рассматриваются различные формы проявления прорумынских (в том числе панрумынских) взглядов в молдавском обществе и роль унионистов в политической жизни. Исследуется долгосрочная стратегия Румынии в отношении Молдавии, в основе которой лежит концепция “двух румынских государств”. Анализируются как факты, свидетельствующие об усилении влияния идей унионизма в молдавском обществе и политическом классе, так и те факторы, которые оказывают сдерживающее влияние на их распространение.

Ключевые слова: Молдавия, Румыния, унионизм, национализм, национальная идентичность, конфликт идентичностей, молдаване, румыны.

Уникальной чертой Молдавии является раздвоенность национального самосознания мажоритарного этноса, которая проявляется в виде одновременного существования двух противоречащих друг другу национальных идентичностей: молдавской и румынской. Данная ситуация оказывает сильное влияние на политические процессы с конца 1980-х гг. Расхождение этнополитических взглядов является самой острой и идеологизированной темой политической борьбы, в которой большую роль играют унионисты – сторонники объединения с Румынией.

© **Кириллов Виктор Борисович** – к.и.н., проректор по учебной работе МГИМО МИД России, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76.

E-mail: kirillov-victor@rambler.ru

Путинцев Игорь Сергеевич – помощник проректора по учебной работе МГИМО МИД России, заместитель декана факультета довузовской подготовки. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76. **E-mail:** isp90@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320183748>

Конфликту молдавской и румынской идентичностей посвящено немало исследований. Из них опубликованы в России и посвящены современным аспектам темы монографии Д.Е. Фурмана и В.П. Степанова [Фурман, 2007; Степанов, 2015], статьи С. Дигола, А. Кушко и В. Таки, З. Тодуа, Д.Е. Фурмана и К. Батог, И. Цвик, А.А. Язьковой и др. [Дигол, 2005; Кушко, Таки, 2003; Тодуа, 2009; Фурман, Батог, 2007; Цвик, 2010; Язькова, 2007], переводные статьи Ч. Кинга и К. Нойкирха [Кинг, 2008; Нойкирх, 2010]. Помимо этого в России и за рубежом опубликовано много работ по историческим аспектам вопроса.

В Молдавии данный вопрос крайне политизирован и часто освещается в полемически заострённой манере. Широко представлены как работы сторонников молдавской национальной идеи (В.Н. Стати, В.Ф. Степанюк, С.М. Назария и др.) [Стати, 2002; Степанюк, 2006; Nazaria, Stepaniuc, 2010], так и прорумынских авторов (Г. Гимпу, Ю. Фрунташу, Д. Чимпоешу и др.) [Ghimpu, 2002; Fruntaşu, 2002; Cîmpoeşu, 2009]. Идеи молдавских унионистов, основанные на примордиалистских постулатах, преобладают в Румынии, где являются историографической традицией [Например: 200 de ani..., 2012; Dungaciuc, 2011]. Исключением являются работы отдельных румынских исследователей (Л. Бойи, К. Петреску), в которых акцентируется значение социально-политических условий в процессе формирования современной нации и национальной идентичности [Voia, 2011, 2015; Petrescu, 2001].

Рост прорумынских настроений в молдавском обществе

Прорумынские (в том числе панрумынские) взгляды существуют в обществе в различных формах. Первой, наиболее явной из них является отказ от молдавской национальной идентичности и принятие румынской этнической самоидентификации: по переписи 2004 г. 2,2% населения указало румынскую национальность; по переписи 2014 г. – 7,0%. Второй формой является голосование за унионистские партии на парламентских выборах: в целом в 2001–2014 гг. главные политические силы унионистов получали от 8,2% до 14,7% голосов. Третьей, менее явной формой является определение родного языка как румынского, а не молдавского: в 2004 г. так считало 18,8% населения, в 2014 г. – 23,5%.

Приведённые данные свидетельствуют о разной глубине прорумынских настроений, которые не всегда имеют этническую или политическую составляющую, но при этом могут рассматриваться и как этапы в процессе трансформации национальной идентичности из молдавской в румынскую. Планомерное развитие данного процесса в последние два десятилетия свидетельствует, что он имеет долгосрочный характер и является одним из факторов фундаментальной важности при анализе политических процессов.

Рост влияния прорумынских идей в Молдавии проявляется во многих формах. Во-первых, инструментом их продвижения является система образования всех уровней. Школьный курс по “истории румын”, введённый в начале 1990-х гг. и отменённый компартией в 2003 г., в 2012 г. был восстановлен как главный элемент курса “История румын и всеобщая история”. Румынские историографические концепции преобладают и в вузах: по оценке, в 2009 г. 70% преподавателей были последователями “истории румын” [Кушко, 2012: 271]. С начала 1990-х гг. родной язык изучается в школах и вузах исключительно как румынский язык, несмотря на то, что конституция 1994 г. закрепила название “молдавский язык”. Деятельность

молдавской Академии наук в сфере гуманитарных наук осуществляется в духе общепринятых в Румынии концепций.

Во-вторых, прорумынские настроения получили более широкое распространение в городах, особенно в столице. В 2004–2014 гг. доля румын в населении Кишинёва увеличилась с 4,5% до 14,5%, за унионистскую Либеральную партию на выборах 2014 г. проголосовало 19,1% населения, относительное большинство жителей назвали родным языком румынский (43,1%). Сторонники панрумынских идей, которых особенно много в среде национальной интеллигенции, трактуют оппозирующие им идеи сохранения молдавской национальной самобытности (идеи молдовенизма) как сельские и примитивные, способствуя формированию вокруг них комплекса ущербности и неполноценности [Степанов, 2015: 158].

В-третьих, прорумынские идеи имеют более широкий отклик среди молодёжи. Три опроса общественного мнения в апреле 2016 – апреле 2017 гг., регулярно проводимого с 2000 г. кишинёвским Институтом публичной политики, показали, что среди лиц в возрасте от 18 до 29 лет поддержка идеи объединения с Румынией в случае референдума превышала среднюю по стране на 30–60%. [Barometrul..., aprilie 2016: 70; octombrie 2016: 86; aprilie 2017: 80]. Так, в апреле 2017 г. за объединение выступало 23% населения, в том числе 37% – в указанной возрастной группе. (Следует отметить, что данные показатели были максимальными за всё время; доля сторонников объединения традиционно оценивалась в 10–12% населения).

В-четвёртых, падает демографическая роль и влияние в обществе, культуре и языковой сфере национальных меньшинств. Их доля в населении Молдавии без учёта Приднестровья снизилась с около 30% в начале 1990-х гг. до 22% в 2004 г. и 18% в 2014 г. (без румын, не считающих себя меньшинством). Контраст с прошлым усиливается тем, что в XX в. в молдавских городах, в том числе Кишинёве, преобладала интернациональная, преимущественно русскоязычная общественно-культурная жизнь, что имело огромное влияние на развитие молдавской национальной культуры.

Попытки противодействия со стороны государства

Большинство попыток по сдерживанию роста общественного влияния прорумынских идей, предпринимавшихся государством после 1994 г., не имели практических результатов вследствие разобщённости политического класса, массовых протестов унионистов, а иногда и внешнего давления. Попытка правительства А. Сангели в 1995 г. ввести университетские курсы по истории Молдавии и молдавскому языку была сорвана из-за противодействия президента М. Снегура и протестов унионистов. Под давлением ЕСПЧ в 2002 г. состоялась официальная регистрация “Бессарабской митрополии” Румынской православной церкви, которая блокировалась властями с конца 1990-х гг. Массовые выступления унионистов сорвали введение русского языка в школах как обязательного со второго класса в 2002 г. и в сочетании с внешним давлением ЕС и США способствовали срыву “плана Козака” в 2003 г. Под давлением ЕСПЧ не вступил в силу введённый в 2008 г. запрет лицам с двойным гражданством занимать государственные должности, в том числе депутатские. В апреле 2009 г. унионисты сыграли главную роль в массовых беспорядках в Кишинёве, которые способствовали смене власти с эле-

ментами “цветной революции”. Во всех данных случаях государство оказывалось бессильным, что способствовало сохранению унионистами значительного общественно-политического влияния даже в те периоды, когда они были в оппозиции.

В противовес идеям унионизма некоторые из основных положений его оппонентов были закреплены в законодательстве, в том числе в конституции 1994 г. и концепции национальной политики 2003 г., определявшей одной из целей государственной политики “нейтрализацию [...] непрекращающихся попыток демолдовенизации, отрицания существования молдавской нации и молдавской государственности, дискредитации молдавской истории, игнорирования этнонима “молдаване” и глоттонима “молдавский язык”” [Концепция..., 2003: 4]. Но данные положения имели декларативный характер и остались без серьёзных практических последствий.

Деятельность президента И. Додона, обещавшего перед выборами 2016 г. пресечь деятельность унионистских организаций с помощью правоохранительных структур и добиться принятия закона о запрете унионизма [Предвыборная программа: 1], не представляет для них реальной угрозы в силу того, что у главы государства нет возможности реализовать данные обещания на практике.

Унионисты во власти и политическом классе

С начала 1990-х гг. унионисты трижды участвовали в управлении государством на национальном уровне: в 1990–1993 гг., 1998–1999 гг. и 2009–2016 гг. Впервые в начале 1990-х гг. это было вызвано тактическим союзом против союзного центра, который привёл к разделу власти между частью партийно-хозяйственной номенклатуры по главе с президентом М. Снегуром и националистическим Народным фронтом, в числе лидеров которого были премьер-министр М. Друк, председатель парламента А. Мошану, мэр Кишинёва Н. Костин. Данная конструкция была непрочной и окончательно разрушилась после распада СССР: основная часть политической элиты не желала в случае объединения с Румынией лишиться возможности расширить властные полномочия, повысить международный статус и осуществить раздел государственной собственности [Фурман, 2007: 41].

Во второй раз унионисты получили должности в правительстве после выборов 1998 г., когда от Христианско-демократической партии во главе с Ю. Рошкой зависело формирование и сохранение парламентского большинства. Прибегая к тактике “выкручивания рук” и часто меняя свою позицию [Молдавия..., 2004: 187, 192, 199], христианские демократы приобрели непропорциональное влияние в парламенте при наличии самой маленькой фракции. Имея данный опыт, в 2000 г. они поддержали введение парламентской формы правления и стали одними из самых активных её сторонников [Процик, Букатару, Волентир, 2007: 86].

В третий раз унионисты пришли во власть с установлением правления неустойчивых прозападных коалиций в 2009 г. Представители Либеральной партии под руководством М. Гимпу в разные годы занимали ряд важных государственных должностей, в том числе и.о. президента и председателя парламента, вице-премьера, министров обороны, образования и др., а также мэра Кишинёва (с 2007 г.). Близкими к унионистам по идейным взглядам были также президент Н. Тимофти и председатель Конституционного суда А. Тэнасе.

С 2009 г. некоторые из представителей высшего государственного руководства публично поддерживали ряд ключевых унионистских тезисов, что ранее (после 1993 г.) казалось немыслимым. И.о. президента, председатель парламента М. Гимпу первым из высших должностных лиц заявил, что является румыном и что в советский период власти, “чтобы оправдать оккупацию, изобрели молдавскую нацию” [Interviu cu M. Ghimpu, 2009]. Президент Н. Тимофти назвал Молдавию и Румынию “двумя румынскими государствами” [Interviu cu N. Timofti, 2013]. Под руководством А. Тэнасе Конституционный суд принял немало крайне спорных, политизированных решений, в том числе решение о признании государственного статуса румынского языка в 2013 г. Вскоре после отставки А. Тэнасе, имеющий румынскую национальную идентичность и двойное гражданство, заявил, что “молдаване – это те же румыны” и принадлежат к “румынскому культурному, ценностному и этническому пространству”. [Interviu cu A. Tănase, 2017]. Поддержка на государственном уровне некоторых из ключевых тезисов унионистов означает их фактическую легитимацию в публичной политике.

Наличие унионистских симпатий более не считается фактором, обрекающим политиков на электоральную замкнутость в среде сторонников объединения с Румынией, как это было в середине 1990-х – середине 2000-х гг. Так, Д. Киртоакэ трижды выигрывал выборы мэра Кишинёва, получая во втором туре от 51% до 61% голосов. Несмотря на то что в данном случае играли роль не только этнополитические соображения, показательно наличие у политика-униониста широкой поддержки за пределами его целевой аудитории. Схожая ситуация сложилась на президентских выборах 2016 г.: М. Санду, заявившая о своей готовности проголосовать за объединение с Румынией в случае референдума [Interviu cu M. Sandu, 2016] и имеющая румынскую национальную идентичность и двойное гражданство, получила 39% голосов в первом туре и 48 % – во втором. Это свидетельствует, что многие из тех, кто не разделяют идей унионизма, в то же время не считают его угрозой.

Необходимо отметить и “поправление” политического поля в середине 2010-х гг.: постепенную эволюцию правоцентристов в унионистском направлении, а левоцентристов – в правоцентристском. Так, М. Санду и А. Тэнасе, называющие молдаван румынами, ранее были одними из лидеров либеральных демократов – правоцентристской партии, не акцентировавшей вопрос о национальной идентичности. Левоцентристская Демократическая партия в 2017 г. поддержала инициативу о закреплении названия “румынский язык” в конституции, хотя ранее руководство партии выступало за равнозначность двух названий языка. Это особенно важно с учётом того, что Демократической партии принадлежат основные рычаги власти в стране.

Политика Румынии в отношении Молдавии: доктринальные установки и практические действия

Усиление общественно-политического влияния идей унионизма в Молдавии имеет важное значение для международных отношений, создавая условия и предпосылки для укрепления влияния Румынии. Бухарест с начала 1990-х гг. активизировал свою политику на молдавском направлении и выдвинул концепцию “двух румынских государств” [Iliescu, 2011: 150], которая стала предметом консенсуса всех политических сил и использовалась для апелляции, к примеру, объединения

Германии [King, 1999: 150]. Однако в целом Румыния в 1990-е гг., несмотря на ряд громких заявлений, особенно по линии парламента, не имела ресурсов для существенного наращивания своего влияния в Молдавии.

Ситуация изменилась в 2000-е гг., во-первых, в силу достижения Румынией её основных внешнеполитических целей: вступления в НАТО (2004 г.) и ЕС (2007 г.) и, во-вторых, с приходом к власти в 2004 г. президента Т. Бэеску, являющегося наиболее активным сторонником объединения с Молдавией в румынской политической элите. Так, в 2013 г. он заявил, что третьим “фундаментальным проектом страны” после вхождения в НАТО и ЕС “должно стать объединение с Республикой Молдова” [Interviu cu T. Băsescu, 2013]. В предвыборной программе президента К. Йоханниса в 2014 г. говорилось: “Если граждане Республики Молдова не желают воссоединения, никто не может их заставить, но если [они] хотят его, то никто не может им воспрепятствовать его осуществить” [Programul prezidențial..., 2014: 74].

В целом политика Румынии в отношении Молдавии является системной, последовательной и рассчитанной на долгосрочную перспективу. Независимо от политической конъюнктуры её элементами являются, во-первых, предоставление румынских паспортов гражданам Молдавии, если они проживали на территории Бессарабии в межвоенный период либо являются потомками данных лиц. По переписи 2014 г., около 150 тыс. жителей Молдавии подтвердили наличие у них румынского гражданства (около 5% населения). По оценкам политиков, НПО и СМИ, их число значительно больше: так, в исследовании румынского отделения Фонда Сороса общее количество лиц, проживающих на “бывших румынских территориях” и получивших в 1991–2012 гг. гражданство Румынии, оценивается не менее чем в 400 тыс. чел. [Redobândirea..., 2013: 18] Быстро растёт и количество проживающих в Молдавии лиц, которые голосуют на румынских выборах: во втором туре выборов президента Румынии оно возросло с 2009 по 2014 г. в три раза (с 12,3 до 35,6 тыс. человек). Велика доля лиц с двойным гражданством в политическом классе: так, по итогам выборов в апреле 2009 г. им обладал 21 депутат из 101 [Case of Tănase, 2010: 12].

Во-вторых, целенаправленно стимулируется участие молдавского населения в образовательных программах на территории Румынии. Ежегодно выделяется большое количество государственных субсидий в целях приёма на обучение граждан Молдавии, в основном студентов: в 2014–2015 гг. – на 5 тыс. мест, в 2016 г. – на 5,6 тыс. мест [Burse de studii..., 2016]. Обучение в румынских вузах приобрело массовый характер; их выпускники широко представлены в различных сферах общественной жизни. В 2010-е гг. значительно возросла их доля в политической элите: кроме А. Тэнасе и Д. Киртоакэ, к их числу относились премьер-министр В. Филат, председатели парламента И. Корман и А. Канду, глава нацбанка Д. Дрэгуцану и др.

В-третьих, системная поддержка со стороны Румынии оказывается большому количеству неправительственных организаций (НПО) и СМИ. Большую роль в данном процессе играет министерство по отношениям с румынской диаспорой, статус которого в системе государственной власти последовательно рос с момента создания во второй половине 1990-х гг. до преобразования в министерство в 2017 г. В середине 2010-х гг. данное ведомство финансировало ряд влиятельных

СМИ, в том числе информагентство UNIMEDIA, газету Timpul, еженедельник *Literatura și Artă*, радиостанцию *Vocea Basarabiei* и др. [Proiecte aprobate..., 2014: 6–7]. Поддерживается также деятельность ряда наиболее влиятельных НПО, работающих в сфере политической аналитики и социологических исследований. Большое значение имеет и поддержка организаций, которые придерживаются принятых в Румынии подходов по исторической, этнополитической и языковой тематике.

Немаловажно и то, что со временем Румыния играет всё более важную роль для Молдавии в экономической сфере. Молдавия, в позднесоветский период существенно превосходившая Румынию по качеству жизни и объёму ВВП на душу населения [Maddison, 2006: 479, 489], в настоящее время отстаёт от неё по уровню жизни в четыре раза и является самой бедной страной в Европе. В 2010-е гг. Румыния начала оказывать Молдавии финансовую помощь в дополнение к программам Запада: в 2010 г. предоставила в кредит 100 млн евро на беспроцентной основе, в 2015 г. – 150 млн евро. По данным молдавской службы статистики, в последние 20 лет существенно выросла доля Румынии в молдавском экспорте: в 1997 г. – 7%, в 2002 г. – 9%, в 2007 г. – 16%, в 2012 г. – 17%, в 2017 г. – 25%. Доля Румынии в молдавском импорте увеличилась в 1997–2016 гг. с 9 до 14%. Началось строительство транспортной инфраструктуры для поставок в Молдавию румынского газа: в 2013–2014 гг. построен трансграничный газопровод Яссы – Унгены, планируется его продление до Кишинёва.

Кроме того, Румыния воспринимается руководством Молдавии как лоббист её интересов в ЕС. Ориентация Молдавии на ЕС оказывает влияние и на отношения с Румынией. В данном контексте представляет важность подписание соглашения об ассоциации с ЕС и в особенности отмена визового режима в 2014 г., облегчающая прямые контакты между населением Молдавии и Румынии. (До вступления Румынии в ЕС в 2007 г. визового режима между ними тоже не было.) Собираательный образ ЕС активно используется унионистами: идея европейской интеграции не противоречит их главной цели, но “смягчает” её в восприятии значительной части общества. С точки зрения идеологов унионизма, вступление в ЕС не обязательно должно предшествовать объединению. Наоборот, выражается мнение, что объединение с Румынией могло бы стать способом вступления в ЕС [Dungaci, 2011: 455].

Бухарест стремился не ограничивать свои политические возможности отношениями с правыми партиями унионистского толка и поддерживал активные контакты со многими влиятельными силами в молдавской политике. Так, по словам лидера унионистов Ю. Рошки, в 2005 г. Т. Бэеску убедил его предоставить недостающие голоса в парламенте для избрания коммуниста В. Воронина на второй президентский срок в условиях резкого ухудшения российско-молдавских отношений [Interviu cu I. Roșca, 2009]. После устроенных унионистами массовых беспорядков в Кишинёве в апреле 2009 г. Т. Бэеску, наоборот, выступил со специальным посланием к румынскому парламенту, в котором выступил с резкой критикой молдавских коммунистов и фактически солидаризовался с их противниками [Mesajul președintelui..., 2009]. После победы на президентских выборах 2014 г. К. Йоханнис совершил свою первую зарубежную поездку в Кишинёв, чтобы, по его словам, “поддержать Либерально-демократическую партию” перед парламентскими выборами в Молдавии [Iohannis, 2015: 215]. Во всех данных случаях румынская дипло-

матия верно оценивала расклад сил в молдавской политике, что способствовало достижению ею своих тактических задач.

Что сдерживает политический потенциал унионизма?

Анализируя усиление идей унионизма и влияния Румынии в Молдавии, нельзя не отметить и те факторы, которые оказывают на них сдерживающее влияние. Во-первых, в случае Румынии и Молдавии риторика о “двух румынских государствах” и “разделённой стране” несостоятельна в силу того, что абсолютное большинство населения Молдавии имеет молдавскую, а не румынскую национальную идентичность: в 2004 г. – 75,8%, в 2014 г. – 75,0%. В данном случае правомерным было бы сравнение не с ФРГ и ГДР, а с Германией и Австрией на современном этапе. Данная ситуация объясняет и стабильно высокий уровень поддержки левых сил (до 50%), идеология которых по национальному вопросу представляет собой сплав идей молдовенизма (молдавской национальной самобытности) и интернационализма. Данная идеология не противопоставляет друг другу политические интересы молдаван и национальных меньшинств, что обеспечивает левым силам, оппозирующим унионистам с принципиальных позиций, поддержку как значительной части молдаван, так и подавляющего большинства представителей русскоязычного меньшинства.

Во-вторых, унионисты не имеют сильных позиций в бизнес-элите, ключевые деятели которой никогда не выступали за объединение, потому что оно подорвало бы их позиции и “растворило” в составе Румынии. Поскольку лидирующее положение в политической системе Молдавии устойчиво занимают представители крупного бизнеса либо тесно связанные с ними лица, то в данной ситуации унионисты не имеют возможности сравняться с ними по объёму влияния, даже если находятся на высоких должностях. Например, среди трёх ведущих политических сил в прозападных коалициях в первой половине 2010-х гг. две возглавлялись деятелями крупного бизнеса (В. Филат и В. Плахотнюк), и на их фоне унионисты могли рассматриваться как равный партнёр лишь номинально, не имея сопоставимого финансового ресурса и реального влияния в сфере экономики.

В-третьих, в 2016 г. произошла концентрация всей полноты власти в руках одной политической силы (Демократической партии В. Плахотнюка), что создаёт менее благоприятные условия для политической деятельности унионистов, чем существование неустойчивых парламентских коалиций. Проявлением изменившегося расклада сил во властных структурах стали, в частности, арест и отстранение от должности мэра Кишинёва Д. Киртоакэ в 2017 г., а также невыгодные для унионистов избирательные реформы: восстановление прямых выборов президента и введение смешанной системы на выборах в парламент.

В-четвёртых, идеи унионистов не имеют потенциала в Приднестровье, Гагаузии, а также в районах Молдавии с повышенной долей национальных меньшинств в населении. Объединение с Румынией сделало бы невозможным разрешение приднестровского конфликта и дало бы Гагаузии возможность реализовать установленное законом условие, что “в случае изменения статуса Республики Молдова как независимого государства народ Гагаузии имеет право на внешнее самоопределение” [Закон об особом статусе..., 1995: 47]. В этом контексте большое внимание привлекло заявление президента Т. Бэеску в 2010 г., что Румыния и

Молдавия могут объединиться в течение следующих 25 лет и граница ЕС пройдёт по Днестру [Interviù cu T. Basescu, 2010]. Данное географическое уточнение могло интерпретироваться как отказ от претензий на Приднестровье в рамках “объединительного” проекта, что Т. Бэеску подтвердил после своей отставки, заявив в 2016 г., что “объединение [Румынии и Молдавии] с Приднестровьем в составе Молдавии невозможно” [Bădescu: Sunt multe..., 2016]. Это отражало весьма распространённую среди унионистов точку зрения, которая озвучивалась частью из них и подвергалась критике властей ещё в середине 1990-х гг. [Snegur, 1994: 308]. Но политическому классу и общественному мнению крайне сложно принять идею отказа от Приднестровья.

В-пятых, за пределами Румынии нет стран, заинтересованных в объединении и заявивших о своей позиции, что кардинально отличает ситуацию от германского сценария 1990 г. Позиция России и Украины по данному вопросу очевидна и не может измениться. Союзники Румынии по НАТО и ЕС, хотя и не критикуют Бухарест за его действия и риторику, не имеют оснований поддержать их и поставить тем самым под вопрос принципы своей внешней политики в более широком контексте. Характерно, например, что, поддержав независимость Косово в 2008 г., ведущие страны Запада, тем не менее, исключили возможность его объединения с Албанией по национальному признаку.

Вывод

Несмотря на наличие некоторых сдерживающих факторов, неуклонный рост прорумынских настроений и влияния Румынии в Молдавии постепенно формирует новую политическую реальность. Предыдущий опыт молдавских партий власти (аграрных демократов в середине 1990-х гг., коммунистов в 2000-е гг.) показывает, что унионисты сохраняют большой политический потенциал при любых властных раскладах. В его основе прочная, расширяющаяся со временем социальная опора. Рост влияния Румынии способствует росту уверенности унионистов в своих силах и сдерживает реакцию властей на их деятельность. Планомерно усиливается значение идейно-политической повестки унионистов: соответствующие взгляды можно выражать всё более явно, не опасаясь санкций со стороны государства.

Политика государства в Молдавии не создаёт условий для того, чтобы остановить развитие этнотрансформационного процесса, который в перспективе угрожает сохранению государственности. Значение происходящих изменений недооценивается. Невнимание властей, делающих ставку на традиционные инструменты влияния (административный, финансовый, информационный ресурс), к этнополитическим процессам способствует формированию неконтролируемого государством сегмента общественно-политической жизни, потенциал которого быстро растёт. Дальнейшее развитие указанных тенденций может существенно усилить политическую нестабильность и поляризацию общества.

Список литературы

Дигол С. (2005) Парадигмы и парадоксы концепции национального государства в постсоветской Молдавии: язык, государственность и национальная идентичность. // *Ab Imperio*. №2. С. 499–516.

Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери). (1995) // *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*. – 14.01.1995. №3. 4. С. 47–50.

Кинг Ч. (2008) Языковая политика в Молдавской Советской Социалистической Республике. // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. II. Молдавия. С. 6–25.

Концепция национальной политики Республики Молдова. (2003) Утверждена законом № 546-XV от 19 декабря 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.parlament.md/download/laws/ru/546-XV-19.12.2003.doc> (Дата доступа: 06.12.2017)

Кушко А. (2012) Политика памяти и историческая политика в постсоветской Молдове. // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей. / Науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение. С. 256–291.

Кушко А., Таки В. (2003) “Кто мы?” Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность. // *Ab Imperio*. № 1. С. 485–495.

Молдавия: современные тенденции развития. (2004) / Под ред. Е.М. Кожокина. – М.: РОССПЭН. – 496 с.

Нойкирх К. (2010) Республика Молдова между унионизмом, молдаванизмом и национализмом граждан государства. // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. / Под общ. ред. Э. Яна. – М.: РОССПЭН. Т. 2. С. 155–181.

Предвыборная программа И. Додона (2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-democracy.md/files/elections/presidential2016/electoral-program-igor-dodon-2016-ru.pdf> (Дата доступа: 05.12.2017)

Процик О., Букалару И., Волентир А. (2007) Партийная конкуренция в Молдове: идеология, организационные стратегии и подходы к разрешению этно-территориальных конфликтов. – Кишинёв: CEP USM. – 214 с.

Стати В. (2002) История Молдовы. – Кишинёв: Tipografia Centrală. – 480 с.

Степанов В.П. (2015) Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). – М.; Тирасполь: РИСИ; ПГУ им. Т.Г. Шевченко. – 224 с.

Степанюк В. (2006) Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. – Кишинёв: Tipografia Centrală. – 630 с.

Тодуа З. (2009) Интеграция по-румынски. // *Россия в глобальной политике*. № 5. С. 115–127.

Фурман Д.Е. (2007) Молдавские молдаване и молдавские румыны. Влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие Республики Молдова. (Доклад Ин-та Европы РАН, №206). – М.: Русский сувенир. – 134 с.

Фурман Д.Е., Батог К. (2007) Молдова: молдаване или румыны? // *Современная Европа*. – № 3. С. 40–56.

Цвик И. (2010) Национальная история Молдовы: модели интеграции прошлого. // Национальные истории на постсоветском пространстве. – II. Десять лет спустя. / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI. С. 51–71.

Язькова А.А. (2007) Румыния и Молдова: вместе или порознь? // *Международные процессы*. – №1. С. 116–121.

References

200 de ani din istoria românilor dintre Prut și Nistru. 1812–2012. (2012) / Coord.: I.-A. Pop, I. Scurtu. – Chișinău: Litera. – 216 p.

Barometrul opiniei publice. (Aprilie 2016; octombrie 2016; aprilie 2017). / Institutul de politici publice. URL: <http://ipp.md/old/lib.php?l=ro&idc=156> (Accessed: 05.12.2017)

Bădescu: Sunt multe argumente pentru începerea discuțiilor cu Moscova privind unirea României cu Republica Moldova. (2016) // *Agerpres*. – 16.08.2016. URL: <https://www.agerpres.ro/politica/2016/08/16/basescu-sunt-multe-argumente-pentru-inceperea-discutiilor-cu-moscova-privind-unirea-romaniei-cu-republica-moldova-21-39-45> (Accessed: 11.12.2017)

Boia L. (2011) Istorie și mit în conștiința românească. – București: Humanitas. – 412 p.

Boia L. (2015) Cum s-a românizat România. – București: Humanitas. – 144 p.

Burse de studii, România. (2016) // Site-ul oficial al Ministerului Educației al Republicii Moldova. URL: <http://edu.gov.md/ro/content/burse-de-studii-romania-3> (Accessed: 07.12.2017)

- Case of Tănase v. Moldova (Application no. 7/08). (2010) // European Court of Human Rights Grand Chamber Judgment. – 27.04.2010. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-98428&filename=001-98428.pdf> (Accessed: 14.01.2016)
- Cimpoeșu D. (2010) Republica Moldova între România și Rusia, 1989–2009. – Chișinău: “Serebia” SRL. – 428 p.
- Cuvântarea rostită de președintele Republicii Moldova, Mircea Snegur, la Congresul “Casa noastră – Republica Moldova”. (1994) – 05.02.1994. // Enache M., Cimpoeșu D. Misiunea diplomatică în Republica Moldova, 1993–1997. – Iași: Polirom, 2000. P. 304–311.
- Digol S. (2005) Paradigmy i paradoksy kontseptsii natsional’nogo gosudarstva v postsovetskoy Moldavii: yazyk, gosudarstvennost’ i natsional’naya identichnost’. // Ab Imperio, No. 2. P. 499–516.
- Dungaci D. (2011) “Basarabia e Romania?” – dileme identitare și (geo)politice în Republica Moldova. – Chișinău: Cartier. – 464 p.
- Fruntașu I. (2003) O istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812–2002. – Chișinău: Cartier. – 624 p.
- Furman D.E. (2007) Moldavskiye moldavane i moldavskiye rumyny. Vliyanie osobennostey natsional’nogo soznaniya moldavan na politicheskoye razvitiye Respubliki Moldova. (Doklad In-ta Evropy, № 206). – M.: Russkiy souvenir. – 134 p.
- Furman D.E., Batog K. (2007) Moldova: moldavane ili rumyny? // *Contemporary Europe*, No. 3. P. 40–56.
- Ghimpu Gh. (2002) Conștiința națională a românilor moldoveni. – Chișinău: GARUDA – ART. – 500 p.
- Iliescu I. (2011) Fragmente de viață și de istoria trăită. – București: Litera Internațional. – 544 p.
- Interviu cu T. Băsescu. (2010) – 29.11.2010. // România Liberă. URL: <http://romanialibera.ro/opinii/interviuri/rusia-are-o-ostilitate--fata-de-romania-207830> (Accessed: 11.12.2017)
- Interviu cu T. Băsescu. (2013) – 27.11.2013. // TVR. URL: http://stiri.tvr.ro/traian-basescu-la-tvr--urmatorul-proiect-pentru-romania-trebuie-sa-fie-vrem-sa-ne-intregim-tara-_37653.html#view (Accessed: 17.03.2015)
- Interviu cu M. Ghimpu. (2009) // Timpul. – 21.09.2009.
- Interviu cu I. Roșca. (2009) // Ziua. – 15.08.2009.
- Interviu cu M. Sandu. (2016) – 02.02.2016. // PRO TV. URL: <http://protv.md/stiri/politic/maia-sandu-spune-ca-ar-vota-da-in-cazul-unui-referendum-legat---1344581.html> (Accessed: 03.02.2016)
- Interviu cu A. Tănase. (2017) – 22.08.2017. // Radio Europa Liberă. URL: <https://www.euporalibera.org/a/interviu-alexandru-tanase/28690309.html> (Accessed: 05.12.2017)
- Interviu cu N. Timofti. (2017) – 23.10.2017. // Site-ul oficial al Președinției Republicii Moldova. URL: <http://www.presedinte.md/rom/interviuri/dorim-sa-fim-in-familia-tarilor-europene> (Accessed: 28.12.2015)
- Iohannis K. Primul pas. (2015) – București: Curtea Veche Publishing. – 256 p.
- King Ch. (1999) The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. – Stanford: Hoover Institution Press. – 304 p.
- King Ch. (2008) Yazykovaya politika v Moldavskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respublike. // Nauchnye tetradī Instituta Vostochnoy Evropy, Issue 2. Moldavia. P. 6–25.
- Kontsepsiya natsional’noy politiki Respubliki Moldova. (2003) Utverzhdena zakonom № 546-XV ot 19.12.2003. URL: <http://old.parlament.md/download/laws/ru/546-XV-19.12.2003.doc> (Accessed: 06.12.2017)
- Kushko A. (2012) Politika pamyati i istoricheskaya politika v postsovetskoy Moldove. // Istoricheskaya politika v XXI veke: Sb. statey. / Ed. by A. Miller, M. Lipman. – M.: Novoye literaturnoe obozrenie. P. 256–91.
- Kushko A., Taki V. (2003) “Kto my?” Istoriograficheskiy vybor: rumynskaya natsiya ili moldavskaya gosudarstvennost’. // Ab Imperio, No. 1. P. 485–495.
- Maddison A. (2006) The World Economy. Vol. 1: A Millenial Perspective. Vol. 2: Historical Statistics. – Paris: OECD Publications. – 654 p.

- Mesajul președintelui României, Traian Băsescu, în fața Camerelor reunite ale Parlamentului. (2009) – 14.04.2009. // Site-ul oficial al Președintelui României. URL: http://old.presidency.ro/index.php?_RID=det&tb=date_arhiva&id=11389&_PRID=arh (Accessed: 08.12.2017)
- Moldavia: sovremennyye tendentsii razvitiya. (2004) / Ed. by E.M. Kozhokin. – M.: ROSSPEN. – 496 p.
- Nazaria S., Stepaniuc V. (2010) Problema Basarabiei și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatul de la Paris, 1917–1947. – Chișinău: Tipografia Centrală. – 392 p.
- Neukirch C. (2010) Respublika Moldova mezhdunarodnyy unionizm, moldavizm i natsionalizm grazhdan gosudarstva. // Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope: in 3 vol. / Ed. by E. Yan. – M.: ROSSPEN. Vol. 2. P. 155–181.
- Petrescu C. (2001) Contrasting/Conflicting Identities: Bessarabians, Romanians, Moldovans. // Nation-Building and Contested Identities: Romanian and Hungarian Case Studies. / Ed. by B. Trencsenyi, D. Petrescu, C. Petrescu et al. – Budapest: Regio Books. P. 153–178.
- Predvybornaya programma I. Dodona (2016) URL: <http://www.e-democracy.md/files/elections/presidential2016/electoral-program-igor-dodon-2016-ru.pdf> (Accessed: 05.12.2017)
- Programul prezidențial al lui K. Iohannis. (2014) România lucrului bine făcut. // Site-ul oficial al Președintelui României. URL: www.presidency.ro/files/userfiles/Program-prezidential.pdf (Accessed: 14.05.2016)
- Protsyk O., Bucataru I., Volentir A. (2007) Partiynaya konkurentsia v Moldove: ideologiya, organizatsionnye strategii i podhody k razresheniyu etno-territorial'nykh konfliktov. – Kishinev: CEP USM. – 214 p.
- Redobândirea cetățeniei române: o politică ce capătă viziune. (2013) / Coord. S. Panainte, Fundația Soros România. URL: http://www.fundatia.ro/sites/default/files/ro_125_Raport%20Cetatenie.pdf (Accessed: 07.12.2017)
- Stati V. (2002) Istoriya Moldovy. – Kishinev: Tipografia Centrală. – 480 p.
- Stepaniuc V. (2006) Gosudarstvennost' moldavskogo naroda: istoricheskie, politicheskie i pravovyye aspekty. – Kishinev: Tipografia Centrală. – 630 p.
- Stepanov V.P. (2015) Etnopoliticheskoye konstruirovaniye grazhdanskoy identichnosti na dvuh beregah Dnestra (1989–2014). – M., Tiraspol: RISS, Taras Shevchenko Transnistria State University. – 214 p.
- Todua Z. (2009) Integratsiya po-rumynski. // *Russia in Global Affairs*, No. 5. P. 115–127.
- Tsvik I. (2010) Natsional'naya istoriya Moldovy: modeli integratsii proshlogo. // Natsional'nyie istorii na postsosvet'skom prostranstve. – II. Desyat' let spustya. / Ed. by F. Bomsdorf, G. Boryugov. – M.: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XXI. P. 51–71.
- Yaz'kova A.A. (2007) Rumyniya i Moldova: vmeste ili porozn'? // *International Trends*, No. 1. P. 116–121.
- Zakon ob osobom pravovom statuse Gagauzii (Gagauz Yeri). (1995) // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. – 14.01.1995. – No. 3–4. P. 47–50.

Unionism and Romania's Influence in Moldova: Manifestations and Evolution

Authors: Kirillov V., Candidate of Sciences (History), Vice-Rector for Academic Affairs, MGIMO-University. **Address:** 76, Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** kirillov-victor@rambler.ru
Putinsev I., Assistant Vice-Rector for Academic Affairs, Vice-Dean of School of Basic Training, MGIMO-University. **Address:** 76, Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** isp90@mail.ru

Abstract. Over the last three decades ethnic transformation in Moldova has gained momentum. A new social group with Romanian national identity has emerged among the population and has formed the core of the unionist movement promoting the unification of Moldova and Romania. The article deals with different social and political forms of pro-Romanian (including pan-Romanian) views. The core elements of Romania's long-term strategy towards Moldova, based on the concept of the "two Romanian states", have been explored. The facts proving the growing social and political influence of unionism have been analyzed, as well as the factors that counter the spread of unionist ideas.

Key words: Moldova, Romania, unionism, nationalism, national identity, identity conflict, Moldovans, Romanians.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320183748>

УДК 341.234

Елена ОМЕЛЬЧЕНКО

ОБРАЗОВАНИЕ И МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДО 2030 ГОДА

Аннотация. Среди международных мигрантов – около 36 миллионов детей и подростков школьного возраста, и это число продолжает расти. Их образование – важный долгосрочный стратегический приоритет и инвестиция в будущее всего мира. В статье рассматриваются проблемы образования детей из семей мигрантов в контексте необходимости достижения Целей устойчивого развития, установленных международным сообществом в повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года. Анализируется опыт разных стран в сфере организации доступа детей из семей мигрантов к дошкольному, начальному и среднему образованию, подходов к их обучению и адаптации, подготовки учителей и создания благоприятной интеграционной среды. Выбор той или иной модели интеграции зависит от иммиграционной истории каждой страны. Некоторые интеграционные модели содействуют формированию мультикультурного общества, другие ставят своей целью полную ассимиляцию мигрантов. Выбранные модели находят отражение в системе образования и определяют, как она будет реагировать на вызовы, связанные с ростом в школах числа детей из семей мигрантов.

Ключевые слова: международная миграция, право на образование, образование детей мигрантов, доступ к образованию, адаптация и интеграция мигрантов, устойчивое развитие, образовательные результаты.

В сентябре 2015 г. на 70-й Генеральной ассамблее ООН в рамках Саммита по устойчивому развитию была принята новая повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г. [Преобразование нашего мира, 2015]. Этот важный официальный документ содержит 17 глобальных целей и 169 соответствующих задач устойчивого развития. Согласно повестке, устойчивым считается “развитие, отвечающее

© **Омельченко Елена Александровна** – кандидат исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, директор Центра историко-культурных исследований религии и межцивилизационных отношений ИСГО МПГУ. **Адрес:** Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1. **E-mail:** etno1@dol.ru, ea.omelchenko@mpgu.edu

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320184959>

потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности”.

Очевидно, что устойчивое развитие невозможно без всеобщего образования. Поэтому четвёртой глобальной целью повестки определено “обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех” [Глобальная программа действий, 2015]. Все образовательные учреждения должны быть ориентированы на осуществление этой цели. Но, разумеется, методы достижения цели во многом зависят от аудитории обучающихся. Так, в настоящее время в связи со сложной миграционной обстановкой во всём мире всё более злободневное значение приобретают проблемы обучения мигрантов и прежде всего их детей. На систему образования в этом случае ложится не только задача повышения грамотности определенных слоёв населения, но и задача формирования межкультурной компетентности, воспитания толерантности по отношению к представителям иных этносов.

Дети из семей мигрантов: доступ к образованию

В 2017 году около 258 миллионов людей в мире были международными мигрантами, из них примерно 36 миллионов составляли дети и молодые люди в возрасте до 20 лет [International Migration Report, 2017]. Это означает, что в наше время примерно каждый семидесятый человек в мире живёт не в той стране, в которой родился. Больше всего детей мигрантов зарегистрировано в Африке и Азии. Мигрантское население в Африке заметно моложе, чем на других континентах: здесь уже каждый третий мигрант – в возрасте до 18 лет, что более чем в два раза превышает средние мировые показатели.

Мигрантское население в странах с низким уровнем дохода главным образом молодое, а в странах с высоким уровнем дохода – напротив, гораздо старше. В Европе, Северной Америке и Океании детей мигрантов в обществе непропорционально много по сравнению с долей детей, родившихся в конкретной стране. Это подтверждает, что вызовы в сфере образования для мигрантов имеют значение как для богатых стран с высоким доходом на душу населения, так и для стран с низким уровнем дохода.

Право детей мигрантов на образование защищено рядом нормативных документов, включая Конвенцию о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года, а также Конвенцию 1989 года о правах ребёнка. Однако в разных странах эти документы реализуются в различной степени. Более того, ситуация в среднем образовании для мигрантов отличается от ситуации на начальной ступени образования: средний и последующие уровни образования в меньшей степени защищены законодательно.

Преодоление барьеров, которые ограничивают получение мигрантами образования, – ключ к достижению не только цели устойчивого развития №4, касающейся образования, но и других обозначенных международным сообществом целей. Многократно доказано, что образование людей положительно влияет на материальный и духовный уровень их жизни, повышает качество труда, улучшает показатели в сфере здоровья, снижает гендерное неравенство, усиливает поддержку демократии,

обеспечивает их более высокий уровень толерантности, участие в политической жизни и заботу об окружающей среде [Perspectives on Global Development, 2016].

Образование приносит целый ряд выгод как конкретным людям, так и обществу в целом. Оно формирует у детей навыки, которые позволяют им стать в жизни более успешными, а следовательно, получить более высокие доходы, что дает шанс мигрантам вырваться из круга хронической бедности. Образование также способствует лучшему взаимопониманию между членами общества. Более образованное население, как правило, чаще поддерживает демократический строй, с большей готовностью участвует в политической жизни и более толерантно [Global Education Monitoring Report, 2016]. Все это помогает принимающей стране своевременно отвечать на вызовы, лучше решать проблемы, а также использовать возможности, которые приносит стране миграция.

Исследования показывают, что инвестиции в сектор образования дают в будущем значительный отсроченный доход [Global Education Monitoring Report, 2016]. Подсчёты исследователей свидетельствуют, что каждый доллар США, инвестированный в дополнительный год обучения детей из семей мигрантов в школе, приносит прибыль, благодаря росту уровня заработной платы и здоровья жителей. Размер этой прибыли равен примерно десяти долларам в странах с низким уровнем дохода, четырем долларам в странах со средним уровнем дохода и двум долларам в странах с высоким уровнем дохода [The Learning Generation, 2016]. Получение образования также может повысить мотивацию мигрантов в будущем вернуться на родину, что помогает улучшить соответствующие показатели в странах происхождения мигрантов.

В целом, совершенствование сферы образования мигрантов приближает достижение целей устойчивого развития. Цель №4 призывает к инклюзивному и равному образованию для всех, на протяжении всей жизни. Особое внимание предлагается уделять детям, находящимся в сложной жизненной ситуации: детям из семей мигрантов, беженцев и других перемещенных лиц.

Дети мигрантов чаще не имеют доступа к образованию вследствие языковых и социально-экономических барьеров (цели №4.1 и 4.5). Более того, цель №4.2 призывает к предоставлению детям качественного дошкольного образования, что важно для подготовки детей к начальной школе. При внимании к темам социо-эмоционального блока, прав человека и гражданского образования в школьном учебном плане (цель №4.7) процесс интеграции детей мигрантов становится более эффективным, повышается уровень межкультурного взаимопонимания между детьми мигрантов и их сверстниками из принимающей страны.

Другие цели устойчивого развития затрагивают темы включения детей мигрантов в образовательные системы, содействия гендерному равенству (Цель №5.1), а также ориентируют на широкую интеграцию детей мигрантов и их семей в принимающие сообщества (цель №10.2). Инклюзивное и качественное образование может защитить детей от рисков раннего замужества, детской эксплуатации и работорговли (цели №5.3, 8.7 и 16.2), оно положительно влияет на здоровье мигрантов (цель №3). Все названные цели относятся ко всем категориям населения, но, поскольку мигрантское население находится в более уязвимом положении с социально-экономической и правовой точки зрения, оно более подвержено рискам. Наконец, с повышением уровня образования снижаются риски состояния бедности, как

уже говорилось выше, получение образования способствует росту доходов семьи (цель №1.1 и 10.1).

Трудности адаптации как причина неуспешности

Данные исследований в шести странах (Австрия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия и Швеция), входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), свидетельствуют, что школьники-иммигранты, как правило, демонстрируют более низкие результаты в таких предметных областях, как чтение, естествознание и математика, чем их сверстники – жители принимающей страны. В некоторых странах дети мигрантов чаще остаются на второй год, поступают в профессиональные училища (колледжи), а не в старшую школу, или вообще не завершают среднюю ступень образования. В крупных городских центрах они чаще учатся в школах, где много учеников из социально неблагополучных семей. В некоторых странах им не всегда доступны дошкольные образовательные учреждения [Helping Immigrant Students, 2015].

Среди негативных факторов, влияющих на образовательные результаты детей из семей мигрантов, по мнению экспертов, могут быть более низкий уровень образования их родителей и характер их занятости, а также язык, на котором с ребенком общаются дома. К позитивным факторам относятся наличие дома образовательных ресурсов (книг, игрушек и т.п.), приобщение детей к раннему чтению, посещение детских садов и других дошкольных учреждений, лучший социальный состав учащихся в школе и в местном сообществе, большее количество часов на изучение языка в школе, а также внимание школы к проблемам детей мигрантов (например, информирование родителей об успехах детей, взаимодействие с ними и так далее).

Дети из семей мигрантов чаще испытывают языковые трудности, что отрицательно влияет на их успехи в школе. Многие мигранты первого и второго поколения дома не разговаривают на языке страны, в которой живут. Данные тестирования PISA (Program for International Student Assessment – Международная программа по оценке образовательных достижений обучающихся) свидетельствуют о том, что отсутствие языковой практики дома негативно влияет на результаты детей в сфере смыслового чтения [Interrelations Between Public Policies, 2017].

В странах с высоким уровнем дохода проблема доступа детей из семей мигрантов к начальному образованию стоит менее остро: как правило, все такие дети ходят в школу. Больше дискуссий разворачивается в этих странах о том, каким должно быть соотношение при обучении между родным языком/культурой таких детей и языком/культурой принимающей страны. В странах ОЭСР есть три модели, по которым организовано обучение. Первая – модель “этнической идентичности”, при которой главной признается ценность родного языка и культуры. Вторая – “языково-ассимиляционная” модель, при которой делается акцент на освоение языка принимающей страны. И третья – модель “языковой интеграции”, которая все языки обучения воспринимает как равноценные [Taguma, Kim, Brink and Teltemann, 2010].

В 23 из 28 европейских стран дети из семей мигрантов с неурегулированным статусом посещают школу. При этом в десяти странах закон отдельно предусматривает вопросы, связанные с доступом в школы детей с неурегулированным статусом [Spencer and Hughes, 2015]. Проблемой могут стать, например, строгие прави-

ла, касающиеся возраста, в пределах которого ученики могут претендовать на тот или иной образовательный уровень. Нередко ребенок не может быть принят в класс, соответствующий его возрасту, из-за отсутствия необходимых знаний и документа, подтверждающего прохождение предыдущего образовательного уровня.

Если законодательно доступ закрыт, гражданское общество может обеспечить для таких детей неформальное образование, именно так происходит, например, в Малайзии. Сохраняются, однако, проблемы с аккредитацией неформального образования, поэтому дети не всегда могут перейти с одного образовательного уровня на другой.

Дети мигрантов в школе: модели интеграции

Выбор той или иной модели интеграции зависит от иммиграционной истории каждой страны. Разные интеграционные модели, содействующие формированию мультикультурного общества или, наоборот, ассимиляции мигрантов, также определяют, каким образом система образования будет реагировать на вызовы, связанные с ростом числа детей из семей мигрантов в школах. Например, в Швеции, которая принадлежит к странам, использующим модель “языковой интеграции”, принимаются меры для поддержки программ обучения детей мигрантов на их родном языке. А во Франции, напротив, запрещено собирать информацию о происхождении учеников, что свидетельствует о большом значении, которое государство придает ассимиляции детей и усвоению ими французской культуры через французский язык (так называемая языково-ассимиляционная модель).

Сохраняется проблема фактической сегрегации детей из семей мигрантов от детей, родившихся в стране, причины которой кроются в социально-экономических различиях этих категорий населения. Мигранты первого поколения, как правило, более бедные, и большее их число живет в городских агломерациях. Поэтому чаще они посещают школы в таких районах, где живут менее благополучные в социально-экономическом отношении семьи. Это может вызвать нежелательные последствия для обеих групп населения.

Данные, поступающие из некоторых стран с высоким уровнем дохода населения, показывают, что прием в школу значительного числа детей из семей мигрантов может стать причиной перехода детей, родившихся в данной стране, в другие школы, например, частные [Bloem and Diaz, 2007]. Для уменьшения этих тенденций к сегрегации правительствами принимаются определенные меры. Например, датский муниципалитет Аархус установил, что процент учащихся, требующих языковой поддержки (фактически речь идет о детях из семей мигрантов, но их так предпочитают не называть), не должен превышать 20% для любой школы. Если число подобных учеников превышает этот процент, часть их переводят в другую школу [Jørgensen, 2014].

Язык обучения может стать главным препятствием для интеграции учащихся из семей мигрантов, даже если они приняты в школу и посещают занятия. Важную роль в обеспечении готовности детей к начальной школе играет раннее обучение, доступ детей к дошкольному образованию. Особенно важно это для детей, которые дома не говорят на языке большинства, и поэтому их пребывание в иноязычной среде детского сада позволяет им прийти в начальную школу с более развитыми языковыми навыками. Развитию детского билингвизма способствует организация

целенаправленной подготовки к этому воспитателей и других работников дошкольных учреждений, работающих с семьями, где говорят на разных языках. Особенно большие успехи достигаются тогда, когда родители начинают использовать при общении с ребенком не только родной язык, но и язык большинства [Children in Immigrant Families, 2009]. К сожалению, на практике семьи мигрантов реже по сравнению с местным населением получают доступ к качественному дошкольному образованию.

Другой фактор, который влияет на уровень интеграции в системе образования мигрантов, – это наличие отбора детей и возраст, в котором такой отбор совершается. Данные некоторых стран с высоким уровнем дохода показывают, что детей мигрантов часто подталкивают к выбору образовательных траекторий в сфере начального и среднего профессионального образования, а не высшего образования. Такое наблюдение сделано, например, в Германии, где действует система с жестким отбором обучающихся. Из обучающихся, родившихся за пределами Германии, только 23% посещают старшую школу (по сравнению с 46% учащихся немецкого происхождения). Не заканчивают среднюю школу 1,8% учеников, родившихся в Германии, и 14,2% учеников, родившихся за пределами Германии [Bendel, 2014].

Примерно 40% населения мира не имеет доступа к образованию на том языке, на котором они говорят и который понимают. Особенно болезненным этот вопрос является для стран с большим разнообразием языков, где проживает и много детей из семей мигрантов. Некоторые из этих стран предпринимают усилия, чтобы признать важность обучения детей на их родном языке и внедрить соответствующие программы. Их лучшие практики могут быть использованы в качестве примеров в начальном образовании детей мигрантов в целом. Например, в 1977 году Швеция ввела программы обучения на родном языке для детей из семей мигрантов, основываясь на уже имевшемся опыте преподавания на родном языке проживающим в этой стране этническим меньшинствам – саами и финнам [Jacobs, 2013].

Обучение на родном языке дает детям шанс лучше освоить начальные навыки. Есть также данные о том, что использование родного языка поддерживает в детях из семей мигрантов чувство самоуважения и способствует достижению ими лучших образовательных результатов [Taguma, Kim, Brink and Teltemann, 2010]. В разных странах такое обучение организовано по-разному: где-то процесс централизован законодательно, где-то вопросы решаются в порядке инициативы на местах [Integration Immigrant Children, 2009].

Развитию интеграционных программ помогает включение в образовательные программы элементов, имеющих отношение к родной культуре детей из семей мигрантов. В этом случае дети получают психологическую поддержку и начинают ощущать свою значимость [Heckmann, 2008]. Введению изучения родного языка и культуры могут помочь национально-культурные объединения, а также сотрудничество с образовательными учреждениями стран исхода мигрантов. Например, во многих европейских странах действуют двусторонние соглашения со странами происхождения мигрантов, которые через посольства, консульства и национальные объединения финансово участвуют в преподавании некоторых предметов [Jacobs, 2013]. Но у таких программ есть и риски: они могут акцентировать культурные различия, что замедлит интеграцию учеников в принимающее общество.

Главную роль в учебном процессе играют педагоги. Их способность управлять разнообразием затрагивает разные уровни. На личностном уровне педагоги должны уметь адаптировать стиль преподавания к потребностям конкретного ребенка. На уровне класса учителя должны уметь взаимодействовать с детьми разной этнокультурной принадлежности, демонстрируя учащимся плюсы поликультурной среды. На уровне школы учителя должны уметь вовлекать в образовательный процесс родителей и местные сообщества, а это требует от них понимания различных культурных практик и обладания навыками межкультурной коммуникации. Это также повышает роль школы в эффективной интеграции обучающихся [Educating Teachers for Diversity, 2010].

Дети из семей мигрантов, к сожалению, нередко подвергаются дискриминации. Таким образом, они оказываются в зоне психологического дискомфорта, страдают их социальные отношения и образовательные достижения [Taguma, Kim, Brink and Teltemann, 2010]. Дискриминация учащихся из семей мигрантов встречается в самых разных ситуациях. Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии установил также, что негативное влияние на образование детей из семей мигрантов оказывают заниженные по разным причинам ожидания учителей. Это также может привести к изоляции или сегрегации в классе. Может встречаться дискриминация по культурным признакам: например, во Франции девушкам-мусульманкам запрещено носить платок. Многие специалисты утверждают, что нередко опасности утраты культурной идентичности, размывания традиционных ценностей провоцируют всплески национализма и ксенофобии, религиозной нетерпимости и фанатизма, принимающих порой экстремистские формы [Рубинский: 11].

Среди специалистов до сих пор идут споры, следует ли сразу вводить детей из семей мигрантов в основные классы или вначале давать им возможность адаптироваться в особых группах. В 2015 году в ОЭСР пришли к выводу о том, что дети из семей мигрантов, пережившие погружение в основные классы, в 15-летнем возрасте показывают на тестировании PISA более высокие результаты. Есть и обратные данные: большие успехи наблюдаются у тех учеников из семей мигрантов, которые вначале посещали отдельные занятия с целью интенсивного изучения языка.

Очень важно при этом не объединять группы для детей, нуждающихся в языковой поддержке, с группами для детей с ограниченными возможностями. Дети из семей мигрантов часто включаются именно в такие группы, даже если у них не диагностируют учебные проблемы. Подобные решения только подчеркивают отличия детей мигрантов и не способствуют их быстрому включению в образовательный процесс [Children in Immigrant Families, 2009; Waslin, 2016].

Выводы и рекомендации

Приведем несколько общих выводов и рекомендаций, показывающих тесную связь сферы образования детей мигрантов с достижением определенных Организацией Объединенных Наций Целей устойчивого развития.

Вывод №1: Образование детей из семей мигрантов способствует достижению цели №4 и играет важную роль в достижении других целей.

Основные рекомендации:

□ Дети должны иметь возможность посещать школу вне зависимости от своего миграционного статуса. Важно устранить законодательные барьеры, мешающие детям нелегальных мигрантов поступать в школу. Гибкие образовательные программы должны предлагаться детям, совмещающим учебу с работой, а также детям, ведущим кочевой образ жизни.

□ Государство должно предусматривать возможность дополнительного финансирования программ, направленных на интеграцию детей из семей мигрантов, хотя образовательным учреждениям не возбраняется использовать разнообразные источники финансирования. При планировании важно учитывать возможность резкого роста иммиграционных потоков, что может неблагоприятно повлиять на систему образования и вызвать определенные трения между мигрантами и принимающим их населением [Hickmann, Crowley and Mai, 2008]. Необходимо заранее планировать разработку образовательных программ и учебных планов, подготовку учителей, а также предусматривать гибкие подходы к управлению ресурсами, в зависимости от числа детей из семей мигрантов в той или иной школе.

□ Образование мигрантов не должно рассматриваться как отдельная проблема. Это всего лишь часть общей многоплановой стратегии, которая в сумме может сформировать наибольший эффект достижения целей 2030 года. Аналогичные программы должны планироваться и реализовываться в сфере здравоохранения, социальной работы и работы с семьями. Важно также, чтобы развитие системы образования позитивно влияло и на рынок труда.

Вывод №2: Образование усиливается политикой, в фокусе которой – интеграция.

Основные рекомендации:

□ Сегрегация в школах нарушает социальные связи и мешает быстрому освоению мигрантами языка большинства. Нужно опасаться сегрегации, внедряя специальные программы, которые направлены на сохранение учеников-представителей местного населения в школах с большой долей мигрантов. При планировании дополнительных финансовых ресурсов для школ с большой долей мигрантов нельзя забывать о важности участия в этом процессе местных сообществ.

□ Важно облегчить доступ семей мигрантов к получению дошкольного образования и программам раннего развития. Нужно способствовать развитию билингвизма у детей, которые дома не говорят на языке принимающей страны. Это поможет детям из семей мигрантов интегрироваться в принимающую страну [Children in Immigrant Families, 2009].

□ Следует развивать подготовительные образовательные программы для обучающихся из семей мигрантов. Наибольшее внимание необходимо уделять изучению языка большинства, а также заполнению пробелов, возникающих у детей из-за разницы в учебных планах дома и на новом месте жительства. Эти программы должны сопровождаться постоянной языковой поддержкой на родном языке иммигрантов [Taguma, Kim, Brink and Teltemann, 2010]. Чтобы не

допустить сегрегации, дети не должны длительное время оставаться в отдельных классах с усиленной учебной программой.

□ Необходимо готовить учителей к работе в условиях этнокультурного разнообразия, как до начала их педагогической деятельности, так и в процессе работы. Важно развивать ресурсы и сети, через которые школы и учителя могут получать доступ к учебным материалам и учебным модулям, позволяющим интегрировать знания о родной культуре мигрантов в учебный процесс [Heckmann, 2008].

□ Важно обеспечивать психологическую поддержку детям из семей мигрантов, чтобы создать для них комфортную психологическую среду: как посредством образовательных программ, так и в рамках внеучебной работы. Хорошим вариантом может стать особая учебная программа по межкультурным вопросам или культуре мира. Педагогический коллектив должен уделять внимание потенциалу каждого ребенка, а не ожидать от детей из семей мигрантов заведомо низких результатов.

Вывод №3. Одна из причин трудностей в сфере разработки политики и программ, направленных на поддержку образования детей мигрантов, – это отсутствие достоверной статистики об образовании мигрантов и беженцев.

Основные рекомендации:

□ Требуется собирать данные, касающиеся стран происхождения мигрантов и их образовательного уровня. Это важно, поскольку необходимо проводить анализ взаимосвязи между образованием и миграционным статусом для планирования и реализации политики интеграции. Для этого нужно обеспечить лучшую координацию между институтами, собирающими подобные данные: министерствами образования, центральными статистическими службами и международными организациями.

□ Международное сообщество должно предоставлять больше возможностей для сбора статистических данных, особенно когда для национальных правительств это не является приоритетом.

□ Собираемые данные о странах происхождения и причинах миграции не должны использоваться для передачи информации правоохранным органам. Они должны использоваться для поддержки уязвимых групп населения, в том числе детей. Отсутствие доверия к способам использования персональных данных может не только отрицательно повлиять на достоверность таких данных, но и подорвать доверие семей к школам, что, в свою очередь, негативно отразится на посещаемости детей и их образовательных результатах.

* * *

Десятки миллионов детей школьного возраста в мире ежегодно участвуют в миграции. Они имеют самый разный опыт, в зависимости от того, откуда и куда они приехали. Важную роль играют социально-экономические факторы: занятость

родителей и их уровень образования. Но образование – самый важный фактор, который влияет на то, как будет складываться жизнь детей и их семей.

Несмотря на сложности, с которыми встречаются обучающиеся из семей мигрантов, такие ученики часто показывают более высокие образовательные результаты, чем их сверстники, живущие в этой стране давно [Children in Immigrant Families, 2009]. Поэтому очевидно, что, если образовательные системы окажут таким детям хоть какую-то поддержку, они реализуют свой потенциал и совершат качественный скачок в развитии. Чтобы улучшить образовательные возможности детей из семей мигрантов, органам управления образованием и образовательным организациям важно сосредоточиться на противодействии дискриминации (как институциональной, так и со стороны учителей), на совершенствовании содержания учебных программ, на подготовке учителей (в том числе в эмоциональном плане) и на развитии программ изучения языка большинства. В этом случае страны, применяющие подобные меры, приблизятся к достижению цели №4 устойчивого развития, а также других целей, имеющих отношение к социальному благополучию населения.

Список литературы

Глобальная программа действий по образованию в интересах устойчивого развития. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geogr.msu.ru/science/projects/our/docs/index.php> (дата обращения: 13.02.2018 г.).

Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015> (дата обращения: 27.01.2018 г.).

Рубинский Ю.И. Ценностные ориентиры Европы. Доклады Института Европы №297. М.: Ин-т Европы РАН, 2013.

References

Global'naya programma dejstvij po obrazovaniju v interesax ustojchivogo razvitiya [Global Action Programme on Education for Sustainable Development]. URL: <http://www.geogr.msu.ru/science/projects/our/docs/index.php> (дата обращения: 13.02.2018 г.).

Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda [Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015> (дата обращения: 27.01.2018 г.).

Rubinskij Yu.I. Cennostny'e orientiry` Evropy`. Doklady` Instituta Evropy` № 297. M.: Institute of Europe, 2013.

Bendel, P. Coordinating immigrant integration in Germany: mainstreaming at the federal and local levels. Migration Policy Institute. 2014. Retrieved from: <http://www.migrationpolicy.org/research/coordinating-immigrant-integration-germany-mainstreaming-federal-and-local-levels> (date of addressing: 15.02.2018).

Bloem, N. and Diaz, R. "White flight: integration through segregation in Danish metropolitan public schools". 2007. Retrieved from: <http://www.humanityinaction.org/knowledgebase/142-white-flight-integration-through-segregation-in-danish-metropolitan-public-schools> (date of addressing: 23.02.2018).

Children in immigrant families in eight affluent countries. Innocenti Research Centre. 2009. Retrieved from: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/ii_immig_families.pdf (date of addressing: 15.02.2018).

Educating teachers for diversity. OECD Publishing, Paris. 2010. Retrieved from: http://www.oecd-ilibrary.org/education/educating-teachers-for-diversity_9789264079731-en (date of addressing: 18.02.2018).

Global Education Monitoring Report. Education for people and planet: creating sustainable futures for all. 2016. Retrieved from: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002457/245752e.pdf> (date of addressing: 23.02.2018).

Heckmann, F. Education and the integration of migrants. European Forum for Migration Studies. 2008. Retrieved from: <http://www.efms.uni-bamberg.de/pdf/NESEducationIntegrationMigrants.pdf> (date of addressing: 18.02.2018).

Helping immigrant students to succeed at school – and beyond. OECD Publishing, Paris. 2015. Retrieved from: <https://www.oecd.org/education/Helping-immigrant-students-to-succeed-at-school-and-beyond.pdf> (date of addressing: 23.02.2018).

Hickmann, M., Crowley, H. and Mai, N. Immigration and social cohesion in the UK. Joseph Rowntree Foundation. 2008. Retrieved from: <https://www.jrf.org.uk/sites/default/files/jrf/migrated/files/2230-deprivation-cohesion-immigration.pdf> (date of addressing: 24.02.2018).

Integration immigrant children into schools in Europe. Eurydice Network. 2009. Retrieved from: http://eacea.ec.europa.eu/education/eurydice/documents/thematic_reports/101EN.pdf (date of addressing: 16.02.2018).

International Migration Report 2017: Highlights (ST/ESA/SER.A/404). Retrieved from: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (date of addressing: 26.06.2018).

Interrelations between public policies, migration and development. OECD Publishing, Paris. 2017. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264265615-en> (date of addressing: 04.02.2018).

Jacobs, D. The educational integration of migrants. What is the role of sending society actors and is there a transnational educational field? INTERACT Research Report 2013/03. Retrieved from: <http://www.interact-project.eu/docs/publications/Research%20Report/INTERACT-RR-2013-03.pdf> (date of addressing: 20.02.2018).

Jørgensen, M.B. Decentralising immigrant integration: Denmark's mainstreaming initiatives in employment, education, and social affairs. Migration Policy Institute. 2014. Retrieved from: <http://www.migrationpolicy.org/research/decentralising-immigrant-integration-denmarks-mainstreaming-initiatives-employment> (date of addressing: 11.02.2018).

Perspectives on global development 2017: international migration in a shifting world. OECD Publishing, Paris. 2016. Retrieved from: <http://www.oecd.org/dev/perspectives-on-global-development-22224475.htm> (date of addressing: 31.01.2018).

Spencer, S. and Hughes, V. (2015). Outside and in: legal entitlements to health care and education for migrants with irregular status in Europe. Compas, University of Oxford. Retrieved from: https://www.compas.ox.ac.uk/mediaPR.2015-Outside_In+Mapping.pdf (date of addressing: 16.02.2018).

Taguma, M., Kim, M., Brink, S., Teltemann, J. (2010). *Sweden. OECD Reviews of Migrant Education*. Retrieved from: <https://www.oecd.org/sweden/44862803.pdf> (date of addressing: 23.02.2018).

The learning generation: investing in education for a changing world. 2016. Retrieved from: http://report.educationcommission.org/wp-content/uploads/2016/09/Learning_Generation_Full_Report.pdf (date of addressing: 23.02.2018).

Waslin, M. Undocumented children face these challenges in accessing public education. 2016. Retrieved from: <http://immigrationimpact.com/2016/04/14/undocumented-children-public-education/> (date of addressing: 19.02.2018).

Education and Migration in the Context of the 2030 Agenda for Sustainable Development

Author. Omelchenko E., Director of the Centre for Historical and Cultural Studies of Religions and Inter-Civilizational Relations, Moscow Pedagogical State University. **Address:** 1/1, Malaya Pirogovskaya, Moscow, Russia. **E-mail:** etno1@dol.ru, ea.omelchenko@mpgu.edu

Abstract. Nearly 36 mln school age children and adolescents are international migrants, and this number continues to grow. Education of such children is an important strategic priority and investment into the future of the world. The author explores problems of the education of migrants' children in the context of Sustainable Development Goals, which are defined in the 2030 Agenda for Sustainable Development. There is an analysis conducted of the experience of different countries in the sphere of organizing access of migrants' children to pre-school, primary and secondary education, approaches to their teaching and adaptation, preparation of teachers and creation of comfortable integration-oriented environment. The choice of an integration model depends on the immigration history of each country. Some integration models promote multicultural society, others are aimed at the complete assimilation of migrants. The given models are reflected in the educational system and determine how it reacts to the growing number of children from migrants' families at schools.

Key words: international migration, right for education, education of migrants' children, access to education, adaptation and integration of migrants, sustainable development, educational achievements.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320184959>

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 339.924

Наталья КОНДРАТЬЕВА

ОТНОШЕНИЯ ЕС – ЕАЭС: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА

Аннотация. В статье дана характеристика отношениям ЕС и ЕАЭС с опорой на инструменты политологии и экономической науки. Автор критикует стороны за применение технологий радикального консерватизма и нечестной конкуренции в отношении друг друга. Отмечены объективные предпосылки для диалога, а также проблематичные элементы евразийской интеграционной модели, препятствующие интеграции интеграций. Автор предлагает очередные рекомендации к ЕАЭС по совершенствованию внутренней интеграционной стратегии и рассматривает возможность перехода отношений на стадию кооперативной конкуренции.

Ключевые слова: ЕС, ЕАЭС, радикальный консерватизм, нечестная конкуренция, интеграционные модели, кооперативная конкуренция, интеграция интеграций.

Что связывает Европейский и Евразийский экономический союзы (ЕС и ЕАЭС), Запад и Восток Большой Европы от Лиссабона до Владивостока? Научных работ, отвечающих на поставленный вопрос, дающих оценки и рекомендации, немного. До сих пор официальные контакты между двумя интеграционными союзами не установлены; нет позитивной, конструктивной повестки. А потому предмета для научного исследования будто бы и нет.

Между тем отсутствие официальных связей не отменяет исследовательскую тематику. Об отношениях рассуждают как о перспективном векторе; анализу подлежат экономические связи двух частей Большой Европы [Blockmans, Kostanyan, Vorobiov, 2012; Hancock, Libman, 2016; Заславская, 2017]. Совместные исследования направлены на сбор данных, но не на конструирование концепции взаимодействия¹. Задача настоящей

¹ New papers highlight economic benefits of European-Eurasian economic ties. 23 may. URL: <http://www.iiasa.ac.at/web/home/about/news/180523-eurasian-reports.html> (Дата обращения: 21.05.2018).

© **Кондратьева Наталья Борисовна** – кандидат экономических наук, доцент, учёный секретарь Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3; доцент НИУ “Высшая школа экономики”. **Адрес:** 101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., 20; зав. кафедрой европейских и интеграционных исследований Института мировых цивилизаций. **Адрес:** 107078, Россия, Москва, 1-й Басманный переулок, 3.1 **E-mail:** nkondratieva@inbox.ru

Статья выполнена при поддержке ПФИ Президиума РАН № 22 “Анализ и прогноз новых глобальных вызовов и возможностей России”, проект “Большое европейское пространство: геополитическая и социально-экономическая трансформация.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320186070>

статьи – оценка нынешнего этапа отношений, а также возможностей для выстраивания диалога с опорой на схожие элементы двух интеграционных моделей.

Отношения ЕС – ЕАЭС в терминах политологии и экономической науки

Следует отметить наличие отношений отрицательного типа. Две части Большой Европы связывают узы соперничества, что вызвано борьбой за доминирование на евразийском пространстве; стороны испытывают друг к другу взаимное недоверие, объяснимое незавершенностью стратегий модернизации их экономик. Порой, доходит до политического антагонизма, обусловленного тем, что каждая из сторон усматривает кризисные проявления во внутреннем социально-политическом развитии другой стороны.

Очевидно, что в отношении друг друга стороны придерживаются консервативно-радикальной политики (в методологическом плане полезны обобщающие труды по радикальному консерватизму [Иуков, 2011]). Признаки этой политики: опора на традиционных союзников, использование жёстких мер – экономического принуждения – к общим соседям, применение крайних форм протекционизма – санкций – друг к другу. На Востоке, в России, в частности, поставлена цель защиты суверенитета² (государственного, экономического и идеологического [Кучерявый, 2015]) после двух десятилетий его ослабления во имя создания Большой Европы. Со стороны отдельных акторов из ЕС реализуются такие технологии радикального консерватизма как провоцирование международной напряженности.

Большая Европа движется политическим курсом к реставрации ушедшей системы двух идеологических лагерей. Но есть ли в этом нужда?

Радикальный консерватизм – не новое явление. Феномен возник в Европе в первой половине XX века на почве крупного системного кризиса, геополитических и геоэкономических противоречий, активизации праворадикальных движений. Последствия развития радикально-консервативных идеологий подробно изучены. А потому, стоит задуматься, так ли уж масштабен нынешний кризис политических элит Евросоюза и так ли уж близка Россия с её сателлитами к авторитаризму и далека от либеральной модернизации, что единственной формой отношений должны быть крайние политические средства и технологии.

Для конфронтации нет веских оснований. Поэтому Запад перестал муссировать тему аннексии Крыма [Biscop, 2017], трагедии с малайзийским боингом, господдержки допинга, покушений на граждан, получивших убежище в Великобритании. Россия тоже не допускает сползания отношений двух частей Большой Европы в радикализм и экстремизм. Это заметно по тому, что Москва весьма сдержанно критикует официальный Брюссель за его очевидно примитивную политику в ряде регионов Европы, Африки, Востока.

Внимание западных мозговых центров к проблематике взаимодействия ЕС – ЕАЭС растёт. Немецкие, французские, греческие, чешские и др.³ политические фонды

² В Совете Федерации создана комиссия по защите госсuverенитета России. 14 июня 2017. URL: <http://tass.ru/politika/4334855> <http://tass.ru/politika/4334855> (Дата обращения: 21.05.2018).

³ Кроуфорд К., Романова Е. Евразийский союз – новый полюс в многополярном мире: амбиции и реальность. Представительство в России Фонда К. Аденауэра. 09.02.2016. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_41303-1522-6-30.pdf?160209103511 (Дата обращения: 21.05.2018).

и университеты активно обсуждают тему с участием коллег из стран ЕАЭС. Следует особо отметить форум в Салониках в сентябре 2017 г., организованный с целью реализации положений Совместной декларации о сотрудничестве ЕЭК и правительства Греческой Республики. Заметны контакты на деловом и исполнительном уровнях. Они служат как повышению информированности западных специалистов о ЕАЭС, так и продвижению совместных проектов. Части Большой Европы скреплены в 2017 г. соглашением между ЕС и Арменией (процедура ратификации еще не завершена). В повестке дня ЕАЭС логичен вопрос оформления соглашения Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) с Балканскими странами.

Что же касается официального Брюсселя, то в ответ на предложение председателя Коллегии ЕЭК В.Б. Христенко 2015 г. об установлении контактов с Европейской комиссией (ЕК) поступило письмо⁴, адресованное непосредственно президенту В. Путину. В послании председатель ЕК Ж.-К. Юнкер выразил готовность рассмотреть возможности взаимодействия с ЕАЭС в режиме консультаций с государствами-членами и при синхронизации с реализацией Минских соглашений. Он также сообщил, что поручил проработать соответствующий вопрос своему аппарату. Однако наладить отношения не получилось.

Не изменил ситуацию и приезд в Россию осенью 2017 г. нового посла Евросоюза Маркуса Эдерера, хорошо известного в российско-немецких бизнес-кругах. Зимой в Москве при его участии прошло несколько заседаний по исследуемой проблематике, например, в январе в рамках Гайдаровского форума⁵. Весна же 2018 г. запомнилась его отбытием в Брюссель для консультаций по делу Скрипалей.

Неспособность Брюсселя на позитивную повестку дня в отношениях с ЕАЭС объяснима. Первая причина – членство в составе ЕС большой группы стран Восточной Европы, намеренно разорвавших связи с соцлагерем [Bordachev T., 2017, Данилов Д.А., 2017]. Вторая – борьба за постсоветское пространство, порожденная политикой ЕС Восточного партнерства и обостренная ответным созданием ЕАЭС [Болгова, 2016].

Главная на наш взгляд причина – сопротивление ЕС появлению конкурирующей интеграционной группировки путём ограничения её деятельности и ослабления ресурсной базы. Интерес представляет именно оценка методов и сути конкуренции двух интеграций.

Примечательно в связи с этим то, что в Евросоюзе не изобилуют количественные оценки политики Восточного партнерства. Между тем математические модели должны

ЕАЭС – ЕС: молодые европейские экономисты и политологи призывают к сотрудничеству. 25.07.2017. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-07-2017.aspx> (Дата обращения: 21.05.2018). Форум “ЕАЭС – Греция: новый мост для сотрудничества и развития” поможет бизнесу наших стран. 10.08.2017 URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/pages/10-08-2017.aspx> (Дата обращения: 21.05.2018). Чешский бизнес выступает за установление полномасштабного диалога между ЕАЭС и ЕС 17.04.2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/pages/17-04-2018-2.aspx> (Дата обращения: 21.05.2018).

⁴ Юнкер направил письмо Путину с предложением о взаимодействии ЕС и ЕАЭС. 19 ноября 2015 г. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2454939> (Дата обращения: 21.05.2018).

⁵ ЕС – ЕАЭС: есть ли потенциал развития взаимодействия? URL: <http://eurasian-studies.org/archives/6595> (Дата обращения: 21.05.2018).

были облегчить ориентацию конкретных стран постсоветского пространства на европейский интеграционный полюс. В России требуемые исследования проводились при поддержке Евразийского банка развития. В частности, они осмысливали перспективы Украины и указывали ей направление в сторону ЕАЭС [Конфликт двух интеграций, 2015]. С углублением украинского кризиса обратили на себя внимание негативные стороны конкуренции интеграций. Отсюда характер ее влияния оказался недооценен. Вполне уместно говорить о том, что последствия нынешней фазы конкуренции носят авантюрный характер.

По поводу приёмов, которые использует Евросоюз, российские эксперты отмечают следующее. ЕС полагает себя в качестве эталона [Suslov D., 2015], ключевого актора, имеющего компетенцию структурировать европейское пространство. Сопротивление конкурирующей интеграционной группировке проявляется в политике Брюсселя через игнорирование полномочий институтов конкурента.

От себя добавим, что такое поведение напоминает злоупотребление доминирующим положением в терминах экономической науки. Отсюда назовем нынешний этап конкуренции интеграций фазой “нечестной конкуренции”. Напомним содержание понятия. Нечестной конкуренцией, если речь идёт о хозяйствующем субъекте, именуют поведение, порочащее соперника, в том числе распространение ложной или искажённой информации, способной причинить убытки, нанести ущерб деловой репутации конкурента, при этом предоставление неполной или недостоверной информации о себе, введение в заблуждение, создание препятствия для выбора, навязывание дополнительных условий, не относящихся к делу, уклонение от выполнения обязательств, как результат – деформация представления о возможных перспективах. Такие приёмы считаются запрещёнными.

По правде говоря, ЕС прекратил объяснять нежелание вести диалог с ЕАЭС списком сомнительных претензий: моноцентричностью ЕАЭС, имперскими амбициями России, неспособностью к созданию новых торговых потоков, ориентированностью на протекционизм. Но теперь официальный Брюссель не предлагает ЕАЭС даже критики.

В Евросоюзе признают, что ЕАЭС гарантирует преимущества более высокого качества [Biscop, 2013], нежели те, что заданы рамками внешней политики ЕС, например, военную защиту, энергетическую безопасность, возможность трудоустройства граждан. Неприбыльность Восточного партнёрства для тех, кому эта политика адресована, была доказана практикой. Облегчен сбыт европейских товаров и услуг на рынки аутсайдеров вместо упрощения поставок продукции в ЕС и ожидаемого встраивания в европейский бизнес. Хотя важным бонусом стало предоставление безвизового режима, в Молдавии и Украине недоумевают по поводу более высоких объемов финансовой помощи Палестине и Азербайджану. Индикаторы результативности⁶ политики по созданию демократичной и стабильной периферии Евросоюза – это политический кризис и гражданская война на Украине, факты дестабилизации социально-политической обстановки в Молдавии, Армении, Белоруссии. Причем европейские аналитики указывают,

⁶ Украина, согласно американскому мониторингу демократических изменений, находится в категории “полностью свободных” государств. См.: Freedomhouse. URL: <https://freedomhouse.org/reports> (Дата обращения: 21.05.2018).

что отсутствие перспективы членства в ЕС снижает мотивацию стран Восточного партнерства к проведению рыночных и демократических реформ.

Важно отметить, что перспективу конкуренции двух частей Большой Европы европейцы начали обсуждать ещё в начале 2000-х гг. на этапе, казалось бы, благоприятной конъюнктуры (напомним, тогда активно велась разработка концепции общих пространств сотрудничества РФ – ЕС). О своей политике соседства эксперты ЕС прямо заявляли: она эффективна в том случае, если нет надёжной альтернативы европейской интеграции [Schimmelfennig F. and Sedelmeier, 2004]. Отсюда – игнорирование институтами ЕС интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, позже – институтов ЕАЭС, несогласие на создание площадки для обсуждения, установления правил игры, взаимного продвижения интересов. Тактика ЕС заключена в том, чтобы получить дополнительные шансы от искусственного сдерживания евразийской интеграции, ослабления силы её притяжения, принуждения стран постсоветского пространства к работе в условиях неполной информации и деформации восприятия потенциала ЕАЭС.

Любой вариант возобновления партнёрства (на уровне ЕС – РФ или интеграция интеграций) положил бы конец хитроумному поведению ЕС, направленному на ослабление евразийского полюса.

Общее и особенное двух интеграционных моделей

Не секрет, что образцом для евразийской экономической интеграции была и остается европейская модель. Автор в ряде работ указывал на элементы, экспортированные в ЕАЭС из ЕС [Кондратьева, 2016]. Так, в базисе обеих моделей сегодня лежат одни и те же принципы либерализации рынков: создание новых торговых потоков, свобода передвижения факторов и результатов экономической деятельности – товаров, услуг, капиталов, труда, повышение качества жизни через повышение качества товаров и услуг, создание институциональной системы, независимой от воли государств-членов, для формирования общих норм и контроля их применения. Присутствие элементов сходства не всегда следствие заимствования интеграционных технологий. В ряде случаев сходство моделей проистекает из сходства ценностей. Так, общественность и бизнес стран – участниц ЕАЭС не возражают по поводу политики гармонизации внутренних стандартов, подтягивания отстающих норм к уровню передовых, охраны труда, защиты здоровья и окружающей среды, сохранения культурных ценностей (несмотря на то что для догоняющих экономик эта деятельность сопряжена с дополнительными расходами). Надо сказать также, что надгосударственные институты органично вписываются в ЕАЭС и опираются на традицию регулирования экономики его стран. В ранних работах мы указывали на то, что нельзя отождествлять модели ЕС и ЕАЭС даже при наличии общих элементов. Поэтому уместно продолжить список сходств, из которых вытекают объективные предпосылки для притяжения и взаимодействия двух группировок, а также отличия, которые могут препятствовать отношениям.

В повестке дня ЕАЭС – совершенствование порядка передвижения мобильных работников. Реализация принципа недискриминации в отношении мобильного населения более всего волнует Кыргызстан, потому что страна до сих пор лишь увеличивает свое значительное отставание от уровня развития России. Темпы сближения других стран ЕАЭС с Россией (по оценкам ЕАБР) составляют 1% в год в среднем за период с начала 1990-х гг., и мобильность их населения невелика. Действует принцип взаимного признания документов о профессиональной квалификации за исключением четырёх про-

фессий (педагог, медицинский работник, фармацевт, юрист), для которых разработана процедура подтверждения квалификации. Лучше было бы разработать нормы признания квалификации для специфических ниш, которые занимают мобильные работники (нянечки, воспитатели детских садов, медсестры, продавцы, строители, водители общественного транспорта), исходя из необходимости обеспечения безопасности оказания соответствующих услуг. Пока же важный положительный результат – устранение пенсионной дискриминации мобильных граждан. Проект соответствующего международного договора, предусматривающего выплату пенсии государством трудоустройства, прошёл процедуру одобрения Коллегии ЕЭК в конце 2016 г. Однако еще не решен вопрос о величине индивидуального пенсионного коэффициента (балла).

Предметом мониторинга стала практика применения скрытых количественных ограничений во взаимной торговле. Интерес представляет одно из ранних решений Коллегии ЕЭК⁷, отменившее постановление правительства РФ о закупке тканей для форменной одежды исключительно российского производства. Это решение выявило скрытую форму господдержки национальных предприятий и в конечном итоге позволило увеличить объёмы поставок из Белоруссии. Оно показывает общность смысла евразийской и европейской моделей. Цель Евразийской комиссии в данном решении – изжить фаворитизм в госзакупках, достичь экономии госрасходов. Оно может служить прецедентом, когда возникнут конфликты по поводу бытующих рекламных лозунгов типа “Покупай у отечественного производителя” и других замаскированных ограничений торговли между государствами-членами.

В ЕАЭС в отличие от ЕС отсутствует социально ориентированное регулирование в форме собственного бюджета, и нет финансовой поддержки регионального развития, сельского хозяйства, инфраструктуры, НИОКР. Однако возможно кредитование общих проектов, для чего функционируют Евразийский банк развития и Евразийский фонд стабилизации и развития. Но ЕАЭС, как и Евросоюз, практикует малозатратные формы регулирования – технические регламенты, направленные на устранение барьеров на пути передвижения товаров, услуг, капиталов и лиц. Эти меры обременительны только для экономических акторов, не предполагают деления государств-членов на доноров и иждивенцев и, соответственно, снижают риск диктата со стороны какого-либо государства. В планах – создание к 2025 г. наднационального финансового регулятора.

Торговые конфликты на почве скрытого протекционизма есть, как и в Евросоюзе. Но в отличие от ЕС в ЕАЭС нет “главного интегратора”; трудно уличить кого-либо из стран в продвижении своих подходов (в ЕС же эта роль отведена Германии, а европейская модель не что иное, как германская модель социально-рыночного хозяйства).

В ЕАЭС отсутствует представительный орган – парламент. Взаимодействие с общественностью и структурами бизнеса происходит в других формах. Во-первых, – в рамках анализа ежегодного мониторинга предпочтений граждан “Интеграционный барометр ЕАБР” и процедуры оценки регулирующего воздействия решений ЕЭК; во-вторых, по линии консультативного комитета по вопросам предпринимательства при коллегии ЕЭК, а также по линии делового совета ЕАЭС. Для оперативных контактов

⁷ Решение коллегии ЕЭК от 18 сентября 2012 года № 160 “Об отмене изъятий из национального режима, установленных Российской Федерацией, в соответствии с Соглашением о государственных (муниципальных) закупках”.

созданы интерактивные системы. Например, коммуникативная система “Функционирование внутренних рынков Евразийского экономического союза” позволяет пользователю обратиться в ЕЭК с жалобой на действия субъектов рынка, обратить внимание на препятствия на пути свобод передвижения. Наконец, ЕЭК реализует задачу – сделать евразийскую интеграцию понятной и социально-ориентированной. Для этого предприняты усилия по наполнению содержанием официальных сайтов. Весь свод законодательства ЕАЭС, официальных документов, пакеты отчётов о состоянии рынков, судебные решения, извещения и протоколы результатов электронных торгов по госзакупкам открыты для доступа широкому кругу пользователей в сети Интернет. Усилия по популяризации, улучшению имиджа, получению обратной связи носят символический характер, демонстрируют единство подходов ЕС и ЕАЭС. Через какое-то время они должны принести реальные плоды, а именно: вероятны дальнейшее увеличение трансграничных обменов товаров и труда, экономия затрат от открытых конкурсных торгов с использованием только двух критериев выбора подрядчиков – ценового и качественного (учитываются технические достоинства исполнения заказа).

Всё же нельзя игнорировать скептические оценки ЕАЭС со стороны бизнеса и общественности, обвинения в адрес ЕЭК в бездействии. Удивляет малое количество решений, принятых судебной инстанцией. В идеале практика суда, как и деятельность ЕЭК, должны быть нацелены на то, чтобы обеспечить недискриминационный доступ к рынкам, конкуренцию технических и торговых норм во имя создания новых торговых потоков и снижения издержек.

Если в строительстве пространства четырёх свобод евразийская интеграция продвинулась достаточно глубоко, то развитию второй опоры единства рынка – конкуренции – уделено сравнительно меньше внимания. Пока в научной литературе мало экспертных трудов, анализирующих состояние конкурентной среды и эволюцию конкурентного права ЕАЭС.

На европейском опыте доказано, что торговые барьеры – следствие не только различий в стандартах, но и нечестной практики ведения бизнеса и несогласованности экономических курсов. По идее, примирить рынок может общая конкурентная политика государств-членов. А потому предсказуем скептический настрой Евросоюза по отношению к ЕАЭС и неудивительна односторонняя трактовка европейцами функций государства в евразийской экономике. Ведь хорошо известно, что на постсоветском пространстве государства выступают главными инвесторами, защитниками интересов крупного бизнеса и монопольного положения госкомпаний своих стран. Российские власти обсуждают вопрос компенсации потерь крупному бизнесу (более 400 компаний), попавшему под американские санкции. За последнее время многие крупные российские банки (Банк Москвы, “Открытие”, Мособлбанк, “Уралсиб”, “Траст”, “Таврический” и др.) были фактически выведены из конкурентного поля. Обоснованность процедур ЦБ по финансовому оздоровлению и спасению банков, как и уместность золотых парашютов и компенсаций олигархам⁸, критикуется в российском информпространстве. Тем не менее господдержка лиц, приближенных к высшему руководству, налицо.

⁸ Кудрин не увидел необходимости в компенсации миллиардерам потерь от санкций США 21.04.2018. URL: <http://www.interfax.ru/business/609518> (Дата обращения: 21.05.2018).

Отсюда – недоверие со стороны ЕС к базовым ценностям экономической политики государств ЕАЭС.

Вопросы честной конкуренции, в перспективе, должны стать приоритетом отраслевых направлений евразийской интеграции и строительства соответствующих общих рынков. Функционирование транспортных магистралей, энергетических сетей, государственных и коммерческих предприятий, предоставляющие услуги общего экономического значения (электро-, водо- и газоснабжение, теле- и радиовещание, почта, транспорт, телефон, уничтожение отходов и др.) должны быть подчинены нормам конкурентного права в той степени, в какой применение этих норм не подрывает выполнение задач такого рода деятельности. В компетенцию ЕАЭС должна входить задача повышения качества и доступности таких услуг, разумного снижения их стоимости, свободы их передвижения через внутренние границы ЕАЭС, транспарентности в работе соответствующих предприятий. Перечисленные задачи должны лечь в основу либерализации энергетических, почтовых и других монополий.

На уровне принципов так и есть. Основы общей конкурентной политики были заложены в семи соглашениях о Едином экономическом пространстве, введенных в действие в январе 2012 г. (всего в рамках ЕЭП было принято 17 соглашений) – о единых принципах и правилах конкуренции, господдержки сельского хозяйства, предоставления промышленных субсидий, государственных закупок, регулирования деятельности субъектов естественных монополий и доступа к их услугам в сферах электроэнергетики и транспортировки газа, в том числе включая основы ценообразования и тарифной политики. Все они были перенесены в соответствующие разделы Договора о ЕАЭС.

Что касается практической реализации, то фактов немного, потому что подобные задачи невозможно решить быстро. Создание общего рынка лекарственных и медицинских изделий продлится до 2025 г. и предполагает разработку свода норм безопасного обращения товаров на открытом рынке: маркировки, информационных баз по вопросам обращения, практики надзора, контролю качества лекарств, дистрибуции. Часть вопросов оставили в компетенции государств – лицензирование организаций розничной продажи, реклама, ценообразование. Тем самым удалось преодолеть сопротивление со стороны государств рискам, связанным с грядущим повышением конкуренции.

Для объединения энергетических рынков государств ЕАЭС избрана тактика поэтапного продвижения к цели, подобная той, что зарекомендовала себя в Евросоюзе. Так, концепция формирования газового рынка предполагает следующие три этапа: первый, до 2020 г., – изучение потребностей рынка, в том числе инфраструктурных проблем, разработка единых правил доступа к газотранспортным системам и торговых правил; второй, до 2021 г., – обеспечение доступа к сетям и торгам на недискриминационной основе, увеличение инвестиционной активности и реализация совместных инфраструктурных проектов, организация биржевой торговли газом; третий, не позднее января 2025 г., – вступление в силу договора о формировании общего газового рынка. Задача строительства общего электроэнергетического рынка, согласно Договору о ЕАЭС, должна быть выполнена быстрее – в 2019 г.

До конца не решён вопрос открытости сделок в сфере госзаказов. Об этом можно судить по жалобам Белоруссии на ограничения со стороны Казахстана и России.

В итоге есть ряд свидетельств того, что модели не зеркальны либо находятся на разных стадиях развития интеграционного процесса.

Возможна кооперативная конкуренция

Сохраняющийся ценностный разрыв между Западом и Востоком Большой Европы и недостаток доверия к евразийским институтам – причина несостоятельности интеграции интеграций в ближайшей перспективе.

Однако, может быть, стоит подумать о внедрении в отношения принципов кооперативной конкуренции?

Де-факто если судить по экономике, то переход на стадию кооперативной конкуренции состоялся. Действуют совместные форматы экономической деятельности: акционерные формы собственности, вертикальные и горизонтальные соглашения между компаниями, относящимися к разным частям Большой Европы, межотраслевая и внутриотраслевая кооперации, формы концентрации производства и капитала. Работают бизнес-форумы, возобновлены отраслевые диалоги (по техническому регулированию, НИОКР, энергетике⁹). Но экономике нужны рамочные политические и конкретные юридические основания. Поэтому важно сформулировать принципы взаимодействия. Они вытекают из универсальных принципов кооперации:

- запрет на действия, которые могут блокировать деятельность или нанести ущерб интересам другой стороны;
- равенство условий с целью получения выгод для обеих сторон;
- обмен информацией или совместное принятие решений.

Необходимо также определить сферы, в которых стороны, сохраняя большую долю самостоятельности в принятии решений, могли бы использовать эффекты взаимодействия. Очевидно, это цифровизация таможенных процедур с целью минимизации конфликтов на почве определения страны происхождения того или иного товара, развитие транспортных коридоров, безопасность использования стратегических объектов инфраструктуры, регулирование трансграничной электронной торговли, обмен информацией о нетарифном регулировании, снятие геоблокировки, защита инвестиций, общая экологическая повестка дня. Кооперативная конкуренция необходима по многим причинам, причём обеим сторонам. Во-первых, грамотная и авторитетная европейская политика в таких сферах, как безопасность потребления и производства, защита окружающей среды, нуждается в союзнике в лице ЕАЭС. Отказ этого своеобразного двигателя, отвечающего за повышение качества жизни, чреват остановкой значительной части процессов наднациональной стандартизации, победой низших моделей и способов существования. Снять с ЕАЭС подозрение в протекционизме (наращивании технических барьеров в торговле) может только практика, доказывающая профессионализм его органов сертификации и испытательных лабораторий по оценке соответствия.

Во-вторых, Евросоюзу органично присуща генерация интеграционных идей и технологий. Он, безусловно, заинтересован в их передаче своим соседям с целью распространения приемлемых для него условий. Но до настоящего времени взвешенное применение европейских интеграционных технологий было на пользу и ЕАЭС. А сегодня большой интерес представляют уроки кризиса внутренней сплоченности ЕС и его тактика достижения международного признания. Так, на базе теории акторности [Scheler, 2014] ЕС выработал способы повышения своей глобальной роли и доверия к себе как

⁹ Сотрудничество в сфере энергетики между ЕС и ЕАЭС обсудили на площадке Сколково. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/pages/29-11-2017.aspx> (Дата обращения: 21.05.2018).

партнёру на внешнеполитической арене. Его институты неуклонно расширяют свою компетенцию, постоянно доказывают независимость от мнения государств-членов, последовательны в действиях; внутреннее совершенствование обеспечивает доверие на внешнеполитической арене. Этот опыт крайне полезен для евразийских институтов. Свой урок преподносит и так называемая гибкая интеграция. Её оборотная сторона – возможность на самостоятельную деятельность, привела к дезинтеграции и снижению веса группировки, в то же время применение этой технологии в ЕАЭС сделало возможным заключение соглашений с его государствами-членами.

Наконец, необходимо прервать спад во взаимной торговле и инвестиционной активности. Подводя итог рассуждениям, отметим следующее.

– В нынешней фазе отношений ЕС–ЕАЭС присутствуют радикально-консервативный настрой и нечестная конкуренция. Для первого нет достаточных оснований, второе следует трактовать как запрещенный прием. Устранить их негативные проявления и последствия возможно только через установление официального взаимодействия двух группировок.

– Наличие наднациональных институтов, приверженность одним и тем же принципам и методам интеграции рынков товаров, услуг и труда, высокая доля регулирования в экономике говорят о сходстве ЕАЭС с ЕС и способности ЕАЭС к адаптации опыта ЕС.

– Ряд аргументов против не позволяет концептуализировать идею интеграции интеграций. Однако есть поводы предложить Европейскому Союзу практическую кооперацию.

Список литературы

Болгова И.В. (2016) “Восточное партнёрство”: неоднозначные результаты. *Современная Европа*. №6. С. 63–71.

Данилов Д.А. (2017) Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор. *Современная Европа*. №1. С. 10–21.

Заславская Н. Г. Проблемы взаимодействия ЕАЭС и ЕС. (2017) *Управленческое консультирование*. № 11. С. 8–15.

Иуков Е.А. (2011). Феномен радикального консерватизма как фактор политической деятельности. *Вестник КемГУ*. № 3(47). С. 119–123.

Кондратьева Н.Б. (2016). Евразийский экономический союз: достижения и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. №6. С. 15–23.

Конфликт двух интеграций. (2015) М.: Изд-во “Экон-Информ”. 241 с.

Кучерявый М.М. (2015). Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира. *Управленческое консультирование*. №2. С. 8–15.

References

Bolgova I.V. (2016) “Vostochnoe partnerstvo”: neodnoznachnye rezul'taty. [“Eastern partnership: mixed results”]. *Sovremennaya Evropa*. № 6. S. 63–71.

Danilov D.A. (2017) Global'naya strategiya ES: vostochnyj vektor. [The global strategy of the EU: Eastern vector]. *Sovremennaya Evropa*. № 1. S. 10–21.

Zaslavskaya N. G. (2017) Problemy vzaimodeystviya EAEHS i ES. [The problems of interaction between the EAEU and the EU]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. № 11. S. 8–15.

Iukov E.A. (2011). Fenomen radikal'nogo konservatizma kak faktor politicheskoy deyatel'nosti. *Vestnik KemGU*. № 3(47). S. 119–123.

Kondrat'eva N.B. (2016). Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz: dostizheniya i perspektivy. [Eurasian economic Union: achievements and prospects]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. T. 60. № 6. S. 15–23.

Konflikt dvuh integracij. (2015) M.: “Ekon-Inform”. 241 p.

Kucheryavyy M.M. (2015). Gosudarstvennaya politika informacionnogo suvereniteta Rossii v usloviyah sovremennogo global'nogo mira. [The state policy of information sovereignty of Russia in the conditions of the modern global world] *Upravlencheskoe konsultirovanie*. № 2. S. 8–15.

Biscop S. (2013) “Europe and the world or snow white and the seven fallacies“, Royal Institute for International Affairs, Egmont paper 61, November 2013, P. 3. URL: <https://www.ies.be/files/private/24/%20Biscop%20-%20snow%20white%20and%20EU.pdf> (accessed: 04.05.2018).

Biscop S. (2017) The EU Global Strategy and the Great Powers or Realpolitik Revisited THE EU GLOBAL STRATEGY: IMPLICATIONS FOR RUSSIA. M.: P. 14. URL: [http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/EU-Global-Strategy\(IERAS-Egmont\).pdf](http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/EU-Global-Strategy(IERAS-Egmont).pdf) (accessed: 04.05.2018).

Blockmans S., Kostanyan H., Vorobiov I. (2012) Towards a Eurasian Economic Union: The challenge of integration and unity. CEPS special report № 75, December, 33 p.

Bordachev T. (2017) Not-so-United Europe and Greater Eurasia. 27.01.2017 URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/not-so-united-europe-and-greater-eurasia/> (accessed: 04.05.2018).

Hancock I., Libman A. (2016). Eurasia. In: Borzel T.A and Risse T. (eds.) The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, pp. 202–224.

Scheler R. (2014) The EU as a Global Actor: a Framework for Analysis // German Institute for International and Security Affairs, Berlin (SWP). 18 P. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/87c93b1f-cc56-4796-89d1-ddf8ad37bf0f.pdf> (accessed: 04.05.18).

Schimmelfennig F. and Sedelmeier U. (2004) “Governance by conditionality: EU rule transfer to the candidate countries of Central and Eastern Europe”, Journal of European Public Policy 11:4, August 2004, pages 669-687, p.674 URL: https://www.mzes.uni-mannheim.de/projekte/typo3/site/fileadmin/research%20groups/1/teamB-reader/Schimmelfennig%20%26%20Sedelmeier_Governance%20by%20conditionality.pdf (accessed: 04.05.2018).

Suslov D. (2015) Getting the EU and EAEU on a path to economic cooperation URL: <http://greater-europe.org/archives/2915> (accessed: 04.05.2018).

EU-EAEU Relations: Features of the Present Stage

Author: Kondratyeva N., associate professor, PhD (economics), leading researcher, scientific Secretary of the Institute of Europe RAS. **Address:** Russia, 125009 Moscow, 11 Mokhovaya str.; Head of the basic Department of European and integration research of the Institute of world civilizations. **Address:** Russia, 107078 Moscow, 1st Basmannyj lane, 3.1, **E-mail:** nkondratieva@inbox.ru

Abstract. The paper explores the state of relations between the EU and the EAEU, based on the tools of political science and economics. The author criticizes the parties for the primacy of radical conservatism technologies in relations with each other and unfair competition. The article summarizes objective preconditions for EU–EAEU relationships and common elements of two integration models as well as the problematic elements of the Eurasian integration model that prevent the integration of integrations. The author offers recommendations to the EAEU to improve the internal integration strategy and proposes a transition of EU–EAEU relations to the stage of cooperative competition.

Key words: EU; EEU; radical conservatism, unfair competition; integration models; cooperative competition, integration of integrations

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320186070>

УДК 314; 323.1; 342.725

Олег БУХОВЕЦ

Андрей БУЕВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ. ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ И РУССКОЯЗЫЧИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье на примере Республики Беларусь проанализирован в различных ракурсах большой комплекс вопросов, связанных с острейшими для постсоветских обществ и государств проблемами государственного языка, положения русских и характерных особенностей феномена русскоязычия. Дана оценка последствиям неформального альянса части бывшей партноменклатуры со сторонниками форсированной “белорусизации” в первый период существования независимой Белоруссии. Раскрыто значение референдума 1995 г. для выбора Белоруссией модели гражданско-политической нации. Дана интерпретация изменений в численности русских по результатам переписей населения республики 1999 г. и 2009 г. Авторами выявлены тенденции в русскоязычном пространстве Белоруссии. Показано то особое место, которое заняла Республика Беларусь в постсоветском пространстве после введения в стране государственного билингвизма. Для верификации участвовавших обвинений белорусского руководства в проведении им политики “ползучей белорусизации” проанализированы тренды белорусско- и русскоязычного образования за последние 12 лет.

В результате проведённого исследования авторы отмечают, что в современном белорусском обществе существует широкий консенсус относительно позитивной роли, которую выполняет русский язык в деле всестороннего информирования населения.

Ключевые слова: государственный билингвизм, этнические русские, белорусскоязычие, белорусизация, русскоязычие, нациестроительство, модель нации, иммиграция, эмиграция, рождаемость.

© **Буховец Олег Григорьевич** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра белорусских исследований ИЕ РАН. **Адрес:** 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3; профессор кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. **Адрес:** 220070, Республика Беларусь, г. Минск, просп. Партизанский, д. 26. **E-mail:** o_bukhovets@tut.by

Бувей Андрей Леонидович – кандидат экономических наук, заместитель декана учётно-экономического факультета, доцент кафедры статистики Белорусского государственного экономического университета. **Адрес:** 220070, Республика Беларусь, г. Минск, просп. Партизанский, д. 26. **E-mail:** bal_777@tut.by

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320187182>

Белоруссия в общем потоке постсоветского “нациестроительства”

Распад СССР дал возможность белорусскому национал-возрожденческому движению наладить сотрудничество с частью “растерянной партноменклатуры”, ставшей властной элитой теперь уже независимой Республики Беларусь [Буховец, Фурман, 1998]. Эта “старо-новая” элита вынуждена была в некоторой мере “выполнять программу национал-демократов (что до известной степени совпадало с её интересами, естественным стремлением освободиться от диктата Москвы)” [Буховец, Фурман, 1998: 187].

Данное обстоятельство позволило уравновесить совершенно очевидное количественное преобладание в белорусском обществе противников радикальной “белорусизации” новым формальным статусом республиканских властных структур как институтов именно *белорусской* государственности. Поэтому в первые годы своей независимости Республика Беларусь в целом развивалась в общей для новых независимых государств парадигме “форсированного нациестроительства”.

Нельзя в контексте рассматриваемой проблемы обойти вниманием то, что после обретения Республикой Беларусь независимости адептами радикальной “белорусизации” русский язык был просто-напросто объявлен “языком иностранной державы”, а получение в Белоруссии на нём образования означало для них примерно то же, что, как изъяснялись они, и требование “ввести в Испании обучение на китайском”! Во многих СМИ велась ожесточённая кампания против гарантированного законом о языках права свободного пользования русским языком и получения на нём образования. Равно как и против отстаиваемого, в их терминологии, “имперскими силами” белорусско-русского двуязычия [Буховец, 2010: 35].

А между тем социологические опросы начала 1990-х годов свидетельствовали, что большинство населения Белоруссии со всей определённоностью желало, чтобы русский язык наряду с белорусским также имел статус государственного языка. Радикальные “белорусизаторы” просто не могли или не желали понять, что выраженная индивидуальность и подлинная уникальность Белоруссии как раз и состояла в том, что в ней, в отличие от других республик экс-СССР, отсутствовала сколь-нибудь массовая база для *этнического национализма*. Как резонно заметил белорусский политолог В.В. Шимов, “попытки навязать белорусский язык в качестве единственного национального языка” спровоцировали обострение политической обстановки в стране и постоянно усиливавшееся общественное недовольство, которые и привели “белорусизацию” 1991–1994 гг. к фиаско [Шимов, 2012: 107].

Выбор модели гражданско-политической нации

Референдум по важнейшим вопросам государственного строительства в Республике Беларусь, состоявшийся 14 мая 1995 г., дал исчерпывающее представление о характерных особенностях восприятия большинством жителей Белоруссии ее исторического прошлого, о желательных для большей части белорусов путях развития страны и о приоритетных для нее партнерах. 83,3% проголосовавших на референдуме 1995 г. высказались за придание русскому языку статуса государственного (то есть за *уравнивание* его в этом качестве с белорусским) и также 83,3% – за экономическую интеграцию Белоруссии с Россией [Буховец, Фурман, 1998]. А ещё, на наш взгляд, *более показательным* следует считать то, что количество прогосо-

вавших против по данным вопросам составило всего-навсего 12,7% и 12,5% соответственно [Буховец, Фурман, 1998]!

После столь однозначно выраженного на референдуме 14 мая 1995 г. мнения подавляющего большинства белорусских избирателей 24 ноября 1996 г. была принята новая редакция Конституции Республики Беларусь, в которой русскому языку был присвоен статус государственного наравне с белорусским. Это в итоге сняло все имевшиеся в то время языковые барьеры для русских и русскоязычных граждан страны.

Именно референдум 14 мая 1995 года, а также прошедшие в последующие месяцы исследования белорусского общественного мнения привели к кардинальной смене вех в национальной политике белорусского государства. Если, условно говоря, в “эпоху Шушкевича” власть ориентировалась на создание в постсоветской Белоруссии *этнокультурной* нации, то новый политический режим сделал окончательный выбор в пользу модели нации *гражданско-политической*.

Упор на последнее обстоятельство приходится делать в связи с тем, что в научной литературе нередко приходится сталкиваться с *неадекватной* интерпретацией характера референдума 1995 г. В частности, с редуccionистским толкованием его лишь как инструмента, использованного Александром Лукашенко “для значительного *расширения своих полномочий* и *подавления оппозиции* (выделено нами. – **О.Б., А.Б.**)” [Европейский Союз, 2015: 113]. Похоже, что авторы, утверждающие это, просто *перепутали* данный референдум с референдумом, *состоявшимся полтора года спустя* – 24 ноября 1996 г....

Следует расценивать как нечто удивительное и то, что спустя годы *даже специалисты-этнологи и политологи* не смогли по достоинству оценить белорусский референдум 1995 г. и последовавшее за ним введение в Белоруссии государственного двуязычия как *этапное* для постсоветского мира событие. Ведь даже в начале следующего, XXI века, можно было прочесть, что “*ни одно из новых государств за пределами России не смогло пока одержать верх над силами радикального этнического национализма...*, не пересмотрело в спешке принятые в начале 1990-х годов основные законы и другие положения в сторону признания хотя бы *официального* двуязычия...” (курсив наш. – **О.Б., А.Б.**) [Тишков, 2001: 136].

Статистическая интрига: как трактовать изменения в численности русских в Республике Беларусь?

Переписи населения Республики Беларусь 1999 г. и 2009 г. содержат материал, отображающий противоречивые процессы в этнонациональной сфере постсоветского белорусского общества. Так, в частности, перепись 2009 г. зафиксировала увеличение доли белорусов на 2,5 п.п. по сравнению с 1999 г. (см. таблицу 1). В то же время удельный вес русских снизился с 11,4% в 1999 г. до 8,3%, поляков – с 3,9% до 3,1%, украинцев – с 2,4% до 1,7%, евреев – с 0,3% до 0,1% соответственно.

Что определило такой результат? Возвратная этническая миграция лиц нетитульной национальности в рамках переживаемого новыми независимыми государствами в постсоветский период “Великого переселения народов” [Буховец, 2000]? Или их возрастная структура и особенности естественного движения? А может быть, смена идентичности в независимой Белоруссии, продиктованная соображениями возросшего престижа принадлежности к титульной нации?

Таблица 1.

Динамика национального состава населения Белоруссии по переписям 1999 и 2009 г.

Год	Все население	в том числе:				
		белорусы	русские	поляки	украинцы	евреи
1999	человек					
	10 045 237	8 159 073	1 141 731	395 712	237 014	27 798
	в процентах к итогу					
	100,0	81,2	11,4	3,9	2,4	0,3
2009	человек					
	9 503 807	7 957 252	785 084	294 549	158 723	12 926
	в процентах к итогу					
	100,0	83,7	8,3	3,1	1,7	0,1
2009 в процентах к 1999	94,6	97,5	68,8	74,4	67,0	46,5

Источник: Собственная разработка на основании: Перепись населения 2009. Национальный состав населения Республики Беларусь. Статистический сборник. Том 3. http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-sborniki_2/page_2/ С. 8–9.

Для ответа на эти вопросы обратимся к соответствующим статистическим данным. Поскольку русские среди нетитульного населения занимают наибольший удельный вес, то разумно проверить соответствующие гипотезы именно применительно к ним.

Вначале проверим первую гипотезу и проанализируем, что происходило в межпереписной период с эмиграцией русских из Белоруссии и иммиграцией их в Белоруссию (см. таблицу 2).

Таблица 2.

**Иммиграция русских в Белоруссию
и эмиграция из Белоруссии в 1999–2009 гг. (человек)**

Годы	Прибыло в Белоруссию	Выбыло из Белоруссии	Миграционный прирост
1999	11 134	3 893	7 241
2000	9 407	3 926	5 481
2001 ¹	8 586	4 075	4 511
2002	6 638	3 780	2 858
2003	6 082	3 563	2 519
2004	4 866	3 348	1 518
2005	4 390	2 649	1 741
2006	4 772	2 021	2 751
2007	4 421	2 039	2 382
2008	4 747	1 767	2 980
2009	5 260	1 453	3 807
Всего	70 303	32 514	37 789

Источник: Собственная разработка на основании данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

¹ Данные по миграционному обмену со странами дальнего зарубежья интерполированы.
Современная Европа, 2018, №3

Приведённые в таблице 2 данные свидетельствуют, что убыль русского населения Белоруссии в период между двумя переписями невозможно объяснить эмиграцией русских. Наоборот, положительное сальдо миграции обеспечило их прирост на 37,8 тыс. человек. Впечатляет и непоколебимая устойчивость по годам тенденции превышения числа русских, прибывающих в Белоруссию на постоянное место жительства, над числом выбывающих из неё. Минимальное преобладание численности прибывших над выбывшими наблюдается в 2004 г. (1,5 тыс. человек), максимальное – в 1999 г. (7,2 тыс. человек). В среднем за счёт внешней миграции численность русских ежегодно увеличивалась на 3,4 тыс. человек.

В результате миграция *несколько снизила/компенсировала* общую убыль русского населения в Белоруссии. Не будь её, численность русских в конце 2009 г. составила бы не 785,1 тыс. человек, а на 37,8 тыс. человек меньше, то есть 747,3 тыс. человек, что в относительном выражении составило бы 7,9% от общей численности населения Белоруссии, скорректированной на миграционное сальдо русских (9 466 тыс. человек). В этом случае удельный вес русских снижается за межпереписной период на 3,5 п.п. (с 11,4% до 7,9%). Объяснить этот феномен можно двумя причинами: более ускоренной естественной убылью русских по сравнению с остальным населением или/и переидентификацией русских в другие национальности.

Лица старше трудоспособного возраста среди белорусов в 1999 г. составляли 21,1%, среди русских – 21,4%¹. При этом половая структура старшего поколения белорусов мало отличается от русских: мужчины-белорусы в возрасте 50 лет и старше составили 38,3% от белорусов данной возрастной группы, в то время как русские мужчины – 41,3% от русских обоих полов данной возрастной группы².

К сожалению, Белстат не публикует показатели смертности по отдельным национальностям. Поэтому оценить национальные особенности данного демографического процесса можно лишь приблизительно, сравнив возрастные коэффициенты смертности в России и в Белоруссии. В первом случае коэффициенты будут аппроксимировать смертность русских (поскольку они составляют наибольший удельный вес в населении России), во втором случае – смертность белорусов. В результате среднее значение возрастных коэффициентов в 2000 г. (для сопоставимого интервала 5–69 лет) в России – 10,9 промилле³, а в Белоруссии – 8,8 промилле⁴. Поэтому ни структурные факторы, ни интенсивность смерт-

¹ Перепись населения 2009. Национальный состав населения Республики Беларусь. Статистический сборник. Том 3. http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-sborniki_2/page_2/ с. 133.

² Национальный состав населения Республики Беларусь, его демографические характеристики и образовательный уровень. Статистический сборник. Том 2. – Минск: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2001. – 497 с., с.8-9.

³ Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 397 с.
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 с. 165.

⁴ Демографический ежегодник Республики Беларусь. 2012: Стат. сб. / ИВЦ Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Минск, 2012. – 500 с.

ности не могли существенно ускорить вымирание представителей одной национальности по сравнению с другой.

Удельный вес женщин в возрасте 20–49 лет среди белорусок в 1999 г. составил 41%, среди русских женщин – 48,2%, то есть русское население Беларуси было в более выгодном положении с точки зрения репродукции и могло прирастать более быстрыми темпами по сравнению с белорусами при прочих равных условиях¹. Впрочем, если снизить верхнюю возрастную планку до 39 лет (20–39 лет – возраст наибольшей рождаемости), то разница между славянками будет уже не столь существенной (27,2% у белорусок и 29,4% у русских). Учитывая группу девушек от 10 до 20 лет (15,7% у белорусок и 11,5% у русских), которые вступили в активную фазу репродуктивного возраста в течение межпереписного периода, влияние структурного фактора на рождаемость и вовсе элиминируется.

Проанализируем теперь интенсивность рождаемости русских и белорусов (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Число рождённых детей в расчёте на 1000 женщин соответствующего возраста и национальности²

Национальность	Возраст, лет						
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Белорусы	28	334	878	1302	1519	1656	1773
Русские	35	332	843	1252	1464	1585	1685

Источник: Собственная разработка на основании: Итоговые данные переписи населения Республики Беларусь 2009 года. Отчёты общие.
<http://census.belstat.gov.by/Reports.aspx?page=174122>

По данным таблицы 3 прослеживается превышение рождаемости белорусов по сравнению с русскими по всем пятилетним интервалам, кроме первого. Однако если сравнить число детей, рождённых всеми женщинами репродуктивного возраста, то обнаружим обратную тенденцию: 1064 детей у белорусов против 1200 у русских. Объясняется это тем, что русские женщины старше белорусских (средний возраст соответственно 35 и 32 года) и к моменту переписи успели родить больше детей.

В результате проведённого анализа можно утверждать, что национальные особенности естественного движения русских и белорусов не могли существенно изменить структуру населения Беларуси по указанным национальностям за период с 1999 до 2009 года.

Значительное абсолютное и относительное сокращение в Белоруссии численности русских логичнее всего объяснить сменой идентичности, “переходом в белорусы” тех, кто в ходе предыдущей переписи позиционировали себя русскими.

http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/metodologiya-otvetstvennye-za-informatsionnoe-s_2/index_299/ с. 321.

¹ Национальный состав населения Республики Беларусь, его демографические характеристики и образовательный уровень. Статистический сборник. Том 2. – Минск: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2001. – 497 с., с. 8–9.

² Женщины, не указавшие число детей, распределены пропорционально лицам, указавшим число рождённых детей.

Тренды и парадоксы русскоязычного пространства Республики Беларусь

Какую картину дают переписи по лингвистическим признакам (“родному языку” и “языку, на котором обычно разговаривают дома”)?

Таблица 4.

Население Белоруссии отдельных национальностей, указавшее в качестве родного языка русский (в процентах к итогу)

Национальность	1999	2009
Все население	24,1	41,5
белорусы	14,3	37,0
русские	90,7	96,3
поляки	16,2	33,9
украинцы	42,8	61,2
евреи	77,0	86,1

Источник: Собственная разработка на основании: Перепись населения 2009. Национальный состав населения Республики Беларусь. Статистический сборник. Том 3. http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-sborniki_2/page_2/c.318.

Чтобы по достоинству оценить открывшуюся картину, нужно напомнить, что по своей качественной природе “родной язык”, будучи признаком базовой национально-культурной идентичности, как правило, не подвержен изменениям. В ходе переписи при затруднении респондента самостоятельно определить свой родной язык, таковым считался язык, который был усвоен первым в раннем детстве. Поэтому-то и удивительна столь выраженная динамика данного показателя между переписями 1999 и 2009 годов.

Сравнение показателей таблиц 1 и 4 дает разительную, просто парадоксальную картину *разнонаправленности* процессов, происходящих в постсоветском обществе. В данном случае на примере Белоруссии. Численность тех, кто назвал “родным языком” русский, на уровне всего населения настолько выросла, что их доля увеличилась в 1,73 раза. Особенно впечатляет рекордный рост этого показателя у белорусов – титульного этноса суверенной Белоруссии – в 2,6 раза. Высок данный показатель также у поляков – в 2,1 раза.

Резюмируя сюжет, связанный с “родным языком”, подчеркнём, что перепись 2009 г. зафиксировала в общей сложности почти четыре миллиона жителей Белоруссии (3 948 тыс. человек), назвавших русский “родным языком”. Это составляет 41,5% всего населения и в пять раз превышает численность собственно русских (785 тыс. человек). Данный феномен даёт основание констатировать *трансформацию* этого базового признака национально-культурной идентичности в *показатель межэтнической культурной интеграции на основе русского языка*. О подобном потенциале данного показателя один из авторов этих строк писал ещё в далёком 1993 г. [Buchowjez, 1993].

Теперь обратимся к другому лингвистическому показателю, включаемому в программу переписей: “язык, на котором обычно разговариваете дома” (см. таблицу 5).

Таблица 5.

**Население Белоруссии отдельных национальностей,
разговаривающее дома обычно на русском языке
(в процентах к итогу)**

Национальность	1999	2009
Все население	62,8	70,2
белорусы	58,6	69,8
русские	95,7	96,5
поляки	37,7	50,9
украинцы	83,6	88,4
евреи	95,7	95,9

Источник: Собственная разработка на основании: Население Республики Беларусь. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 г. Стат. сб. – Минск, 2000. – 197 с., с. 151; Перепись населения 2009. Национальный состав населения Республики Беларусь. Статистический сборник. Том 3. http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-sborniki_2/page_2/ с. 355.

Качественная природа отражённого в таблице 5 показателя существенно отличается его от предыдущего. Он не столь “идеологичен” и не нагружен нормативной идентичностью, которая особенно характерна для новых государств. И, конечно, он более функционален.

Употребление того или иного языка дома означает практически *повседневное пользование им*: и дома и вне дома. Поэтому-то его ареал гораздо шире. В 1999 г. более трёх пятых жителей Беларуси заявили об использовании русского языка в качестве *повседневного*. А в 2009 г. их доля достигла уже 70,2%.

На сей раз по приросту впереди оказались поляки – 13,2 п.п., а на втором месте – белорусы (11,2 п.п.). Заметно выросла и доля украинцев, использующих русский язык – на 4,8 п.п.

Итак, в случае с русским языком как *языком повседневного использования*, разрыв между *сократившейся* к 2009 г. численностью русских и *возросшей* численностью русскоязычных – в общей сложности их стало 6 672 964 чел. – увеличился до 8,5 раза, то есть чуть ли не на порядок. И это очередной парадокс.

**Государственный билингвизм и реалии сферы образования
в современной Белоруссии**

После придания русскому языку государственного статуса Республика Беларусь заняла совершенно особое место в постсоветском мире, став *единственным* государством в этом огромном регионе, где в *правовом отношении* оба языка – титульный белорусский и русский – *абсолютно равны*. Гражданам страны, в частности, предоставлена полная свобода в выборе языка обучения.

О том, как распорядились этим правом граждане в первые годы после принятия в 1998 г. новой редакции Закона “О языках в Республике Беларусь”, достаточное представление даёт соответствующая статистика. Так, к примеру, на начало 2001/2002 учебного года удельный вес обучающихся в школах страны на русском

языке составил 72,1%, в 2009 г. – 80,7%¹. Это означает, что подавляющее большинство жителей Республики Беларусь выбирают русский, то есть *нетитульный*, в качестве языка обучения. При этом считают себя белорусами по национальности: 81,2% – в 1999 г., 83,7% – в 2009 г.²

Вместе с тем в последние несколько лет нынешний белорусский политический режим неоднократно уже обвинялся некоторыми российскими СМИ и общественными деятелями в исподволь проводящейся политике *белорусизации*: “мягкой”³, по терминологии одних, и даже “ползучей националистической”⁴, по утверждению других. Общим для тех и для других является обвинение администрации президента А. Лукашенко в том, что при её потворстве “в стране усиливается [белорусский] национализм, в том числе и на государственном уровне”, а среди госчиновников становится “всё больше носителей националистических убеждений”⁵.

Нельзя не отметить, что А. Лукашенко уже не раз публично, на самом высоком уровне, решительно отвергал подобные обвинения. В частности, он сделал это в своём “Послании белорусскому народу и Национальному собранию” 21 апреля 2016 г., а также в недавнем выступлении на II съезде учёных Белоруссии 13 декабря 2017 года⁶.

Чтобы установить, чья точка зрения в этой острой полемике о “белорусизации” ближе к истине, обратимся к соответствующим массовым данным. Особо ценной, в контексте *разгоревшегося спора*, нам представляется возможность проанализировать ситуацию с языками обучения в современной Белоруссии как раз в *динамике* (см. таблицу 6).

Приведённая таблица характеризуется весьма высокой степенью информативности. Первое. Вопреки утверждениям “озабоченных белорусизацией”, за 12 лет наблюдения, с 2005 по 2016 г., в каждой из четырёх категорий обучающихся произошло *сокращение* доли *белорусскоязычия*. По всем учреждениям образования данный показатель за 2016 г. оказался на 6,6 п.п. ниже, нежели в 2005 году.

¹ Сінюк, К. Ці патрэбны беларусам беларускамоўныя школы? <http://news.tut.by/society/246883.html>

² Перепись населения 2009. Национальный состав населения Республики Беларусь. Статистический сборник. Том 3. http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-sborniki_2/page_2/

³ Тимаров, А. Белорусизация: миф или реальность? <http://www.dw.com/ru/белорусизация-миф-или-реальность/a-17791982>

⁴ Баранчик, Ю. Как в Беларуси идёт ползучая националистическая белорусизация <https://regnum.ru/news/2223991.html>.

⁵ Юринцев, П. Уже не мальчик <https://lenta.ru/articles/2016/04/25/luka/>; Зотов, В. Не опять, а мова <https://lenta.ru/articles/2017/07/01/mova/>

⁶ Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь “От уверенного старта – к успеху нового пятилетия”. 21 апреля 2016 г. <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P016p0001>; Выступление на II Съезде учёных Беларуси 13 декабря 2017 г. http://president.gov.by/ru/news_ru/view/plenarnoe-zasedanie-ii-sjezda-uchenyx-respubliki-belarus-17654/

Таблица 6.

**Численность детей/учащихся/студентов в Республике Беларусь
по языку обучения (в процентах к итогу)**

Язык обучения	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
<i>все учреждения образования</i>								
белорусский	15,9	12,0	11,2	10,5	10,2	9,8	9,5	9,3
русский	73,5	78,3	78,0	79,0	80,4	80,9	82,2	83,1
белорусский и русский	10,5	9,7	10,8	10,5	9,4	9,3	8,2	7,5
<i>учреждения дошкольного образования</i>								
белорусский	12,7	12,8	11,6	11,4	11,1	10,5	10,1	9,7
русский	76,7	87,2	83,6	84,8	88,9	89,5	89,9	90,3
белорусский и русский	10,6	...	4,8	3,8
<i>дневные учреждения общего среднего образования</i>								
белорусский	23,3	19,0	17,8	16,6	15,5	14,5	13,7	13,3
русский	76,7	80,9	82,1	83,3	84,4	85,4	86,2	86,6
<i>учреждения среднего специального образования</i>								
белорусский	0,9	1,9	1,0	0,9	0,8	0,2	0,1	0,1
русский	82,3	83,6	84,9	84,5	83,7	82,9	85,5	84,4
белорусский и русский	16,8	14,5	14,1	14,6	15,5	16,9	14,4	15,5
<i>учреждения высшего образования</i>								
белорусский	1,9	0,4	1,0	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2
русский	57,1	62,8	62,1	62,4	61,4	58,8	60,3	61,9
белорусский и русский	41,0	36,8	36,9	37,4	38,5	41,1	39,4	37,6

Источник: Собственная разработка на основании: Культура в Республике Беларусь 2012. Статистический сборник http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/kult/statisticheskie-izdaniya_2/index_658/, с. 58, 61, 67, 69; Культура в Республике Беларусь 2017. Статистический сборник. http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/kult/statisticheskie-izdaniya_2/index_7879/, с. 58, 65–68.

С другой же стороны, в полном противоречии с алармистскими заявлениями о “наступлении” на русский язык в Беларуси доля русскоязычия в каждой из категорий обучающихся за этот период *существенно выросла*. Если взять в целом все учреждения образования, то показатель русскоязычия в 2016 г. по сравнению с 2005 г. оказался почти на 10 п.п. выше!

Второе. Не меньший интерес представляет также возможность сопоставить удельный вес белорусско- и русскоязычия как по отдельным категориям учреждений образования, так и в целом по народному образованию Белоруссии. В нынешнем “деликатном” контексте, это ведь тоже чрезвычайно актуально.

Как следует из приведённых в таблице 6 данных, за последние 12 лет доля белорусскоязычного образования во *всех* четырёх категориях образовательных учреждений последовательно и неуклонно снижалась. В результате в 2016 г. в дошкольных учреждениях она не достигает уже и 10% и едва лишь превышает 13% в дневных учреждениях общего среднего образования. В учреждениях же среднего

специального и высшего образования эта доля к 2017 г. снизилась просто-напросто до *околонулевой* отметки – 0,1% и 0,2% соответственно!

Параллельно снижению доли белорусскоязычного образования значительно более высокими темпами рос в народном образовании удельный вес русскоязычия. Особенно устойчиво этот тренд проявил себя в дошкольных учреждениях и дневных учреждениях общего среднего образования. Сравнительно менее устойчивым от года к году он был в учреждениях среднего специального и высшего образования.

Следовательно, из проанализированных выше данных вытекает, что в Республике Беларусь созданы, по всей видимости, наилучшие для постсоветского пространства возможности получения образования на русском языке. Даже организации российских соотечественников в Республике Беларусь, выражающие тревогу в связи с сокращением в школах количества часов на изучение русского языка и литературы, отмечают, что это касается *не только Белоруссии, но и самой России*.

Итак, в 2016 г. по всем учреждениям образования Республики Беларусь удельный вес русскоязычия (83,1%) превышал в итоге аналогичный показатель белорусскоязычия (9,3%) без малого *на порядок* – в 8,94 раза! *Можно ли*, как говорится, положить руку на сердце говорить в свете этого о какой-то “дискриминации” русских и вообще русскоязычия в Белоруссии?! Вполне очевидно, что нет, так говорить нельзя. Впрочем, если в качестве *подтверждения белорусизации* прибегать к таким “аргументам”, как выступление А. Лукашенко в День Независимости 3 июля 2014 г. *на белорусском языке* (то есть на одном из двух *государственных!*), тогда, пожалуй, можно...

Заключение

В белорусском обществе, если брать его *в целом*, в совокупности, а не отдельные его сегменты, существует широкий консенсус относительно той позитивной роли, которую выполняет русский язык в деле оперативного и всестороннего информирования населения. Ареал русскоязычия в Белоруссии в том виде, в котором он сейчас существует, явление уникальное для постсоветского мира. Те или иные колебания нынешнего или будущего политического курса страны уже не могут существенно повлиять на белорусское *массовое сознание*, дабы склонить его к ограничению использования русского языка как языка *повседневной жизни, образования, науки, культуры*.

Да, в последние годы названия улиц в белорусских городах стали белорусскоязычными. Остановки общественного транспорта объявляются на белорусском языке, а бегущая информационно-рекламная строка на электронных табло в метро, автобусах, троллейбусах и трамваях теперь – белорусскоязычная. Появилась и наружная реклама на белорусском. Но всё это отнюдь не блокирует давно уже сложившуюся и отчётливо выраженную белорусскую специфику – *неэтническое* отношение подавляющего большинства населения к русскому языку. И именно благодаря этой специфике *современный* Минск, равно как и все другие крупные белорусские города – Гомель, Витебск, Могилёв, Брест, Гродно – несмотря на нынешнюю “секторальную” белорусизацию, – всё равно *более русскоязычные*, нежели, к примеру, *современные* Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск или Владивосток.

Список литературы

Буховец, О. (2000) Постсоветское “Великое переселение народов”: Беларусь, Россия, Украина и другие. – М.: “АИРО–XX”. – 70 с.

Буховец, О. (2010) Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация “ремифологизации” // *Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя* / Под редакцией Ф. Бомсфорда, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. с. 15–50.

Буховец, О., Фурман, Д. (1998) Электоральное поведение белорусских регионов // *Белоруссия и Россия: Общества и государства*. Вып. 2. М.: Права человека. с. 184–224.

Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под общей ред. Ал.А. Громыко и М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015. с. 592.

Тишков, В.А. (2001) Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука. 240 с.

Шимов, В. (2012) Белорусы и проблема “родного языка”. *Современная Европа*, №1, с. 97–107.

Buchowjez, O. (1993) Die belorussische Idee in Vergangenheit und Gegenwart: Vom “Aschenputtel” zur “Prinzessin”? // *Nationalismusformen und Entwicklungsdynamiken nationalistischer Konflikte in den-jungen Staaten der GUS*. Teil 1: Kaukasus, Belarus, Ukraine. Berlin, s. 31–43.

References

Bukhovets, O. (2000) Postsovetskoye “Velikoye pereseleniye narodov”: Belarus', Rossiya, Ukraina i drugiye. M.: “АИРО–XX”. 70 s.

Bukhovets, O. (2010) Istoriopisaniye postsovetskoy Belarusi: demifologizatsiya “remifologizatsii” // *Natsional'nyye istorii na postsovetskom prostranstve – II. Desyat' let spustya* / Pod redaktsiye F. Bomsforda, G. Bordyugova. M.: Fond Fridrikha Naumanna, АИРО-XX, 2010. с. 15–50.

Bukhovets, O., Furman, D. (1998) Elektoral'noye povedeniye belorusskikh regionov // *Belorussiya i Rossiya: Obshchestva i gosudarstva*. Vyp. 2. M.: Prava cheloveka. с. 184–224.

Yevropeyskiy soyuz v poiske global'noy roli: politika, ekonomika, bezopasnost'. Pod obshchey red. Al.A. Gromyko i M.G. Nosova. M.: Ves' mir, 2015. s. 592.

Tishkov, V.A. (2001) Etnologiya i politika. Nauchnaya publitsistika. M.: Nauka. 240 s.

Shimov, V. (2012) Belorusy i problema “rodnoy yazyka”. *Sovremennaya Yevropa*, №1, s. 97–107.

Buchowjez, O. (1993) Die belorussische Idee in Vergangenheit und Gegenwart: Vom “Aschenputtel” zur “Prinzessin”? // *Nationalismusformen und Entwicklungsdynamiken nationalistischer Konflikte in den-jungen Staaten der GUS*. Teil 1: Kaukasus, Belarus, Ukraine. Berlin, s. 31–43.

State Bilingualism. Conditions of Russians and Russian-speaking in the Republic of Belarus

Authors: Bukhovets O. Doctor of History, Professor, Head of the Center for Belarusian Studies IE RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; professor of Political Science Department, Belarus State Economic University. **Address:** 26, prosp. Partizansky, Minsk, Belarus, 220070. **E-mail:** o_bukhovets@tut.by

Buyeu A. Candidate of Science (History), Deputy Dean of the Faculty of Accounting and Economics, Associate Professor, Department of Statistics, Belarus State Economic University. **Address:** 26, prosp. Partizansky, Minsk, Belarus, 220070. **E-mail:** bal_777@tut.by

Abstract. The author analyzes a wide range of issues related to the problems of the state language that are relevant for post-Soviet societies and states, the Russian language and specific features of the phenomenon of Russian-speaking. The consequences of the informal alliance of a part of the former party nomenclature with supporters of forced “Belarusization” in the first period of independent Belarus history are assessed. The significance of the 1995 referendum for the model of a civil-political nation in Belarus is revealed. The interpretation of changes in the number of Russians in the censuses in 1999 and 2009 is provided. The authors identify the trends in the Russian-speaking areas of Belarus. It is shown that Belarus occupies a special place in the post-Soviet space after the introduction of state bilingualism. To verify the accusations of the Belarusian leadership in pursuing the policy of “creeping Belarusianization,” the trends of Belarusian and Russian-language education over the past 12 years have been explored. The authors point out that in the Belarusian society there is a broad consensus on the positive role played by the Russian language.

Key words: state bilingualism, ethnic Russians, Belarusian-speaking, Belarusianization, Russian-speaking, nation construction, model of the nation, immigration, emigration, birth rate.

DOI: <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope320187182>

УДК 339

Владимир ФАЛЬЦМАН

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СУВЕРЕНИТЕТЫ РОССИИ. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация. Предложен индикатор технологического суверенитета. За период 2000–2016 гг. проанализирована динамика суверенитета России для машиностроительной продукции в целом, металлорежущих станков, вычислительных машин, для легковых автомобилей, авиационной и судостроительной техники, высокотехнологичной продукции. Показано влияние роста, а затем обрушения цен на нефть, динамики расходов на оборону, экономических санкций, состояния рынков стран ЕС, Китая, Украины, Казахстана. Сформулированы предложения по восстановлению технологического суверенитета страны.

Ключевые слова: технологический суверенитет, импорт, экспорт техники, цена нефти, оборонные расходы, экономические санкции.

В эпоху дорогой нефти Россия успешно использовала сырьевую модель развития, получала импортную технику и овеществленные в ней технологии в обмен на экспорт энергоресурсов. Основной площадкой для этого обмена был рынок стран Большой Европы. После 2014 г. ситуация в корне изменилась: обрушились цены на нефть, экспорт и импорт страны, замаячило сокращение добычи нефти из-за оскудения её запасов, Китай серьёзно потеснил Европу как мастерскую мира, для России были введены экономические санкции [Фальцман, 2017а]. Поэтому на Совете по науке, технологиям и образованию президент поставил вопрос о научно-технологическом суверенитете. Речь шла не о том, чтобы делать все самим, не о технологической и научной автаркии. Интеллектуальная изоляция способна привести лишь к отсталости. А о способности России обеспечить лидерство по ряду ключевых направлений, быстро впитывать и использовать чужие наработки, сделать российские технологии востребованными партнёрами быть способной, Владимир Путин призвал быть готовыми к такой конкуренции, подчеркнув, что это вопрос о нашем научном и технологическом суверенитете.

Под технологическим суверенитетом в статье понимается способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества, пусть даже частично за счёт её импортных поставок, но

© Фальцман Владимир Константинович – д. э. н. профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института прикладных экономических исследований РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации. Адрес: РФ, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д.82. E-mail: m975032@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320188391>

при обязательном условии возмещения импортных затрат за счёт поступлений от реализации собственного экспорта. Тот вид экономической деятельности, внешнеторговый оборот которого отвечает сформулированному условию технологического суверенитета, обменивает на мировом рынке лидерство по одним видам продукции на заимствования в форме импорта по другим её видам, не нагружая нефтегазовый сектор. **Для измерения научно-технологического суверенитета отрасли (вида экономической деятельности) можно использовать следующий индикатор:**

$$\alpha = 100(\mathcal{E} - \mathcal{I}) / (\mathcal{E} + \mathcal{I}),$$

где: \mathcal{E} – экспорт продукции как признак лидерства,

\mathcal{I} – импорт продукции как форма заимствования зарубежных достижений.

В числителе показателя – чистый экспорт продукции ($\mathcal{E} - \mathcal{I}$). Он свидетельствует о лидерстве страны по данному виду экономической деятельности. Причём лидерстве, подтверждённом мировым рынком. В знаменателе предложенного индикатора стоит внешнеторговый оборот продукции ($\mathcal{E} + \mathcal{I}$), который свидетельствует об уровне интегрированности страны по данному виду продукции в мирохозяйственные связи либо, наоборот, о “научной автаркии” и “интеллектуальной изоляции” данного вида экономической деятельности. Чистый экспорт – величина отрицательная ($\mathcal{E} - \mathcal{I} < 0$) в том случае, когда экспорт продукции меньше её импорта. В этом случае отрасль не полностью выполняет свои народнохозяйственные функции. Часть из них приходится заменить импортной продукцией, оплачивая её за счёт экспорта других отраслей. В российской экономике в качестве такого донора выступает нефть и другое сырьё. При этом отрицательное значение чистого экспорта является вычетом из ВВП страны. Положительная величина чистого экспорта – это вклад в экономический рост. Положительный чистый экспорт является свидетельством высокой конкурентоспособности продукции отрасли, преобладанием лидерства над заимствованиями, подтверждённым мировым рынком².

Значение показателя научно-технологического суверенитета (далее – Т-суверенитет) изменяется в пределах от – 100% до + 100%. $\alpha = - 100\%$, когда продукция абсолютно, на 100% неконкурентоспособна и весь внешнеторговый оборот представлен одним импортом. $\alpha = + 100\%$ в том случае, когда импорт отсутствует, весь внешнеторговый оборот представлен экспортом, продукция на мировом рынке абсолютно конкурентоспособна. В российской экономике такой абсолютный суверенитет сложился, например, для сырой нефти.

По мере продвижения от полного отсутствия Т-суверенитета к абсолютному его преобладанию, продукция проходит критическую точку, где $\alpha = 0$. Это и есть точка достижения Т-суверенитета, когда поступлений от экспорта продукции достаточно для оплаты её импорта. Страна достигла лидерства в одной из ниш мирового рынка, получив за счёт этого возможность впитывать через импорт зарубежные достижения. Перспективы достижения Т-суверенитета зависят не только от научных и производственных достижений поставщика в повышении конкурентоспособности продукции, но и от состояния рынков, покупательной способности населения, от инвестиционной активности как на внутреннем, так и на внешних рынках. Поэтому, говоря о конкурентоспособности продукции, мы имеем в виду соответствие ее цены и качества запросам конкретного рынка. Основываясь на изложенных методологических соображениях, при-

² Внеэкономические причины изменения экспорта и импорта в данном контексте не рассматриваются.

ступим к измерению Т-суверенитета машин, оборудования и транспортных средств (далее – техники), на долю которых в стоимостном выражении приходится почти половина всего российского импорта. Для анализа, кроме специально оговоренных случаев, использованы официальные банки данных³. В таблице 1 приведён расчёт индикатора Т-суверенитета для **машиностроительной продукции в целом**.

Таблица 1.

	(млрд долл.)					
	2000	2010	2013	2014	2015	2016
Экспорт	9,1	21,3	28,8	26,5	25,4	24,3
Импорт	10,6	101,7	152,8	136,4	81,9	86,3
Чистый экспорт	- 1,5	- 80,4	- 124,0	-110,1	- 56,5	-62,0
А	- 7,6%	- 65,4%	- 68,3%	- 67,5%	- 52,7%	- 56,0%

В период дорогой нефти (2000–2013), когда её экспортная цена выросла в 4,2 раза, экспорт машиностроительной продукции тоже вырос почти в три раза. Но импорт этой продукции увеличился в 15 раз. В итоге индикатор Т-суверенитета упал до своего минимума – 68%. В 2013 г. чистый экспорт по продукции машиностроения достиг – 124 млрд долл. – 3,6% ВВП этого года. На оплату этого “убытка” страна истратила примерно третью часть поступлений от экспорта нефти, газа и нефтепродуктов. В период 2014–2016 гг. экспортная цена нефти упала в 2,5 раза. Как следствие всего за два года вдвое снизился импорт в Россию техники: со 153 млрд долл. в 2013 г. до 82 млрд в 2015 г. К этой беде добавилось еще некоторое сокращение экспорта машиностроительной продукции из-за свертывания рынков традиционных внешнеторговых партнёров – Украины и Казахстана. В последнем случае – вследствие подешевевшей нефти. Показатель Т-суверенитета, конечно, улучшился. Но какой ценой? За рост Т-суверенитета пришлось заплатить снижением инвестиционной активности страны, инновационной насыщенности рубля. Из-за снизившихся реальных доходов населения обрушился рынок автомобилей. В два раза сократился импорт техники из Германии. Из Китая – в 1,4 раза. Изменилась география импортных поставок техники в Россию. На первом месте в 2016 году оказался Китай (35,6%). Германия поставляет 11,4% машин, оборудования и транспортных средств. Италия – 5%, Франция – 3,1%, остальные европейские страны – ещё меньше.[Хесин, 2014].

Будущее неизбежное повышение Т-суверенитета должно базироваться не на проявлениях кризисного шока, а на упреждающем росте конкурентоспособности отечественной продукции, импортозамещения и несырьевого экспорта. Между тем, несмотря на наличие незагруженных производственных мощностей, российское машиностроение далеко не всегда готово занять рыночные ниши, освободившиеся от импортной продукции. Пример тому – **металлорежущие станки**, являющиеся основ-

³ Базы данных: [Российский статистический ежегодник. 2017; Россия в цифрах. 2017].

ным технологическим оборудованием машиностроения. Станки – это основа основ развития оборонной промышленности страны. В таблице 2 показана удручающая картина с Т-суверенитетом этой важнейшей для страны продукции (тыс. шт.).

Таблица 2.

	2010	2013	2014	2015
Экспорт	2,6	0,2	0,1	6,9
Импорт	562	845	788	406
Производство	2,9	3,0	4,1	3,6
α	- 99,1%	- 99,9%	- 100%	- 96,6%

В годы дорогой нефти в России начался процесс восстановления обороноспособности страны, едва ли не потерянной в 1990-е годы. Он продолжился и после обрушения цен на нефть. Модернизация оборонной промышленности практически целиком базировалась на импорте станков. Отечественное производство станков почти не увеличивалось, несмотря на предельно низкий уровень загрузки действующих производственных мощностей (17%). Их импорт превысил 800 тысяч. В результате индикатор Т-суверенитета по металлорежущим станкам оказался на предельном минимуме (- 100%). В области поставок металлорежущих станков суверенитет у России отсутствует полностью. Не несёт ли такая высокая импортозависимость по продукции двойного назначения угрозу для обороноспособности страны? Вопрос, бесспорно, есть. Единственно, что можно на него ответить, это указать на высокую диверсификацию импорта станков, распределенного между различными странами и компаниями, затрудняющую применение санкций. В таблице 3 приведены показатели Т-суверенитета России по **легковым автомобилям** (тыс. шт.).

Таблица 3.

	2000	2010	2013	2014	2015	2016
Экспорт	116	45,4	138	129	97,7	68
Импорт	71,7	710	894	704	350	267
Производство	969	1210	1925	1695	1215	1122
α	+ 23,6%	- 88,0%	- 73,2%	- 69,0%	- 56,3%	- 59,4%

Двухтысячные годы явились для легковых автомобилей годами высокой турбулентности, подъёмов и спадов производства, импорта и экспорта. Пожертвовав крупным автозаводом АЗЛК, отечественный автопром в годы подорожавшей нефти нарастил к 2013 г. производство легковых автомобилей примерно с одного до двух миллионов машин и стал заметен на мировом уровне. Наряду с ростом объёмов производства отечественных машин, повысивших качество во многом за счёт использования зарубежных достижений, большую роль в увеличении объёмов производства сыграли крупнейшие автопроизводители Европы и остального мира, основавшие свои сбороч-

ные производства. Рост импорта легковых машин в Россию успешно соревновался с собственным производством. За 2000–2013 г. импорт иномарок вырос в 12 раз, в то время как собственное производство – в два раза. Эта пропорция и определила динамику Т-суверенитета, так как экспорт автомобилей в этот период, если и рос, то неустойчиво и незначительно. В итоге значение индикатора Т-суверенитета поменяло свой знак с плюса на минус. В 2013 г. Т-суверенитет на российском рынке автомобилей составил – 73%.

В 2014–2016 гг. показатель суверенитета, хотя и несколько улучшился, но оставался в минусовой зоне. Под влиянием кризиса производство средств легкового автотранспорта вновь упало до отметки одного миллиона. Импорт машин сократился к 2016 г. более чем в три раза. Вдвое сократился скромный объем экспорта, особенно на традиционные рынки Украины и Казахстана. В этих условиях на мировом рынке отечественный автопром вновь оказался в режиме ожидания, привлекая ненасыщенностью рынка, потенциалом развития экспорта в страны ближнего зарубежья, перспективами развития сборочных производств и их локализации.

Не менее трагично складывалась судьба Т-суверенитета по **вычислительным машинам и их блокам** (таблица 4).

Таблица 4.

(млрд долл.)						
	2000	2010	2013	2014	2015	2016
Экспорт	0,1	0,1	0,3	1,1	0,4	-
Импорт	0,2	4,8	4,9	5,1	4,0	3,8
α	- 33,3%	- 95,9%	- 88,5%	- 64,5%	- 81,8%	- 100%

Из всех видов техники вычислительные машины единственный вид, индикатор Т-суверенитета которого на протяжении всего периода с 2000 по 2016 г. стремился к своему минимуму (- 100%) и в конце концов достиг его в 2016 г. Подъем цен на нефть, а затем их обрушение, на этом тренде заметно не отразился, в чем-то повторяя траекторию металлорежущих станков. Возможно, сказались закупки оборонных отраслей, которые в этот период продолжали расти даже при снижающейся цене нефти. В таблице 5 приведены данные для анализа Т-суверенитета **авиационной техники** (млрд. долл.).

Таблица 5.

	2000	2010	2013	2014	2015
Экспорт	0,5	3,9	5,9	7,6	3,4
Импорт	1,2	4,9	5,4	4,1	5,5
α	- 41,2%	- 11,4%	+ 4,4%	+ 29,9%	- 23,6%

Импорт авиационной техники – это преимущественно продукция гражданского и двойного назначения. Готовые вооружения Минобороны за рубежом, как правило, не закупает. В отличие от этого в экспорте авиапрома преобладают истребители и другая военная техника.

В период дорогой нефти динамику Т-суверенитета определил рост экспорта авиационной техники, преимущественно военной, – с 0,5 млрд долл. в 2000 г. до 5,9 млрд долл. в 2013 г., заметно опережающий рост импорта. Вследствие этого индикатор Т-суверенитета изменил свой знак с минуса на плюс. В 2014 г. он вырос почти до + 30%. Начавшееся обрушение цен на нефть не могло остановить процесс роста суверенитета, так как расходы на оборону, от которых зависит финансирование авиапрома, продолжали расти.

Оборонные расходы России до определённых пределов более автономны от цен на нефть, чем в некоторых других нефтезависимых странах: в годы падения цен на нефть (2009, 2014–2015) расходы на оборону в нашей стране продолжали расти [Фальцман, 2017б].

В 2015 г. показатель Т-суверенитета обрушился до уровня – 23,6%. Причина – в обрушении экспорта авиационной техники с 7,6 до 3,4 млрд долл. Если бы объём экспорта в 2015 г. оставался на уровне 2014 г., индикатор Т-суверенитета оставался бы величиной положительной. При том что оборонные расходы в 2015 г. продолжали расти, причину обрушения экспорта следует искать не в производстве, а во внешней среде, со стороны спроса.

В таблице 6 приведены данные для анализа индикатора Т-суверенитета **продукции судостроительной промышленности – судов и других плавучих средств** (млрд долл.).

Таблица 6.

	2000	2010	2013	2014	2015
Экспорт	1,0	2,3	2,3	1,4	1,9
Импорт	0,2	1,0	2,1	1,7	2,2
α	+ 66,7%	+ 39,4%	+ 4,5%	- 9,7%	- 7,3%

Во внешней торговле продукцией судпрома импорт, как и в авиапроме, прежде всего ассоциируется с гражданской продукцией, рыболовческими судами, пассажирскими лайнерами, яхтами, продукцией двойного назначения. В экспорте судостроительной продукции велик удельный вес военной техники.

К началу благополучных 2000-х годов импорт судов и других плавучих средств был намного меньше экспорта. Благодаря этому отрасль располагала высоким положительным индикатором Т-суверенитетом.

В годы дорогой нефти (2000–2013) импорт судостроительной продукции рос быстрее экспорта, Индикатор Т-суверенитета, оставаясь величиной положительной, убывал в сторону нуля.

В 2014–2015 гг. судьбу Т-суверенитета определило сокращение экспорта. Оставшись экспорт на уровне предыдущего года, индикатор Т-суверенитета в 2015 г. был бы величиной положительной. Но фактически значение показателя стало отрицательным (– 9,7%). Если исходить из сохранения уровня финансирования оборонных предприятий судпрома в 2015 г. не ниже предыдущего года, то причины сокращения экспорта должны, по-видимому, находиться на стороне снижения

спроса на внешних рынках. В таблице 7 приведены показатели внешней торговли России **высокотехнологичной продукцией** (млрд долл.).

Таблица 7.

	2010	2013	2014	2015
Экспорт	13,6	18,3	18,8	18,0
Импорт	27,2	34,7	36,9	25,8
α	- 33,3%	- 30,9%	- 32,5%	- 17,8%

В соответствии с рекомендациями ОЭСР, в состав высокотехнологичной продукции включены товары авиакосмической продукции, компьютерно-офисная техника, электроника и телекоммуникационное оборудование. Фармацевтическая продукция, которая по классификации ОЭСР также относится к высокотехнологической продукции, исключена из данных таблицы 7, так как суверенитет страны в области обеспечения лекарственными средствами заслуживает самостоятельного рассмотрения, выходящего за рамки настоящей статьи.

Обеспечение народного хозяйства страны в решающей мере зависит от импорта высокотехнологичной продукции. Поэтому её импорт рос в годы дорогой нефти и сократился в 2015 г., когда обрушились доходы от продажи нефти за рубеж. Пожалуй, эту закономерность можно считать определяющей для динамики индикатора Т-суверенитета высокотехнологической продукции в рассматриваемом периоде.

Экспорт российской высокотехнологической продукции, вдвое уступая по стоимости импорту, вырос в 2014 г. до 18,8 млрд долл. Россия демонстрировала успехи на мировом рынке благодаря экспортным поставкам программных продуктов, разработок в области кибербезопасности. Однако для страны, нацеленной на реализацию цифровой экономики, этого явно не хватает. Об этом свидетельствует сохраняющееся отрицательное значение индикатора Т-суверенитета. Видимо, требуется усилить господдержку разработок высокотехнологичной продукции, обеспечив её суверенитет от турбулентности цен на нефть.

* * *

Анализ динамики Т-суверенитета позволяет сделать следующие выводы.

1. Доминирующим фактором, определившим снижение индикатора Т-суверенитета, явился рост экспортных цен на нефть в 2000–2013 гг. За этот период импорт техники в Россию увеличился с 11 до 153 млрд долл. Индикатор суверенитета упал существенно ниже нулевой отметки, а для металлорежущих станков и некоторых других видов техники приблизился к своему нижнему пределу (- 100%).
2. Обрушение цен на нефть привело в 2014–2016 гг. к падению объемов импортных поставок машин, оборудования и транспортных средств, в основном за счет снижения инвестиционной активности, а также спроса населения на автомобили и бытовую электронику. Импорт снижался вследствие кризиса, а не в ходе импортозамещения техникой отечественного производства. Продолжение роста оборонных расходов в условиях обрушившихся цен на нефть позволило частично демпфировать воздействие сокраще-

ния природной ренты на закупки оборонными предприятиями импортных станков, вычислительных машин и другой техники.

В целом индикатор Т-суверенитета для машиностроительной продукции свидетельствует о том, что зависимость страны от импорта техники остаётся недопустимо высокой по отношению к перспективам получения природной ренты.

3. Импорт техники способствовал ликвидации накопленной в прошлом технологической отсталости ряда отраслей, а в ряде из них – росту Т-суверенитета. Например, показатель Т-суверенитета по металлургическому оборудованию находился на низком уровне, опускаясь до – 78%. Но при этом импорт металлургического оборудования позволил успешно провести модернизацию черной металлургии. Качество продукции повысилось. Появилась возможность отказаться от “проекта века – трубы в обмен на газ”, от импорта труб большого диаметра для строительства газопроводов, холоднокатаного автомобильного листа. Рос экспорт металлургической продукции. В итоге индикатор Т-суверенитета для чёрных металлов повысился до + 70%.

4. Вместе с тем преобладание низкого Т-суверенитета техники содержит угрозу будущему страны. Низкий Т-суверенитет – это высокая нагрузка на добычу нефти и других полезных ископаемых. Но запасы нефти скудеют и в обозримом будущем иссякнут. По прогнозам, у нас они иссякнут раньше, чем у других стран, экспортирующих нефть. Поэтому переключившись на импорт техники и свертывая собственное её производство, Россия “рубит сук, на котором сидит”: через 10–15 лет страна, образно говоря, может оказаться и без нефти, и без собственного производства техники и даже без ее импорта. Поэтому импортозамещение – это не доброе пожелание, а объективная необходимость. Причём реализовать импортозамещение и развитие несырьевого экспорта нужно с упреждением по отношению к снижению добычи нефти.

5. В 2000-е годы изменилась география внешнеэкономических связей России. Европа стала терять в этом ведущую роль. Например, такой традиционный поставщик техники в Россию, как Германия, занимает на российском рынке всего 11%, а Китай – уже 36%. Китайский экспорт растёт. Цены на импортную технику год от года снижаются. Спасибо Китаю. Но при этом Китай способен задавить своими товарами Россию, как это он демонстрирует во многих странах Европы и мира.

6. В 2014–2016 гг. экспорт техники отечественного производства снизился с 29 до 24 млрд долл. Повлияли начавшийся в стране кризис и неблагоприятные изменения на внешних рынках. Негативное влияние на экспорт российских товаров оказали потери рынков Украины, трудности сбыта техники на рынках Казахстана. Самые значительные снижения российского экспорта демонстрировали легковые автомобили (со 138 до 68 тысяч машин) и авиационная техника (с 5,9 до 3,4 млрд долл.). Воздействие девальвации рубля на росте экспорта техники пока не отразилось.

7. Экономические санкции, по-видимому, не повлияли на общую картину динамики Т-суверенитета России, но могли оказать локальное воздействие на импорт научных приборов из США, бурового оборудования для добычи нефти на шельфе, некоторых видов продукции двойного назначения.

8. В перспективе рост Т-суверенитета, импортозамещения и несырьевого экспорта российской продукции может быть достигнут при условии повышения её конкурентоспособности. Основываясь на прошлом опыте России и Китая, можно предложить три пути к технологическому суверенитету:

- новый социальный заказ российской науке на разработку конкурентоспособной продукции;
- использование предстоящей диверсификации оборонных предприятий с доведением к 2030 г. доли гражданской продукции до 50%;
- кооперация с зарубежными производителями.

В преддверии оскудения континентальных залежей нефти и прогнозируемого снижения её добычи, страна нуждается в разработке **Комплексной программы повышения конкурентоспособности продукции и Т-суверенитета на период до 2030 года**. Это должна быть широкомасштабная межотраслевая и межрегиональная программа под патронатом государства, регионов и муниципалитетов. Объект программы – продукция, конкурентоспособность которой подтверждена внутренним и внешними рынками. Её участники – крупные отечественные, а также зарубежные корпорации гражданских и оборонных отраслей, НИИ и организации НИОКР, средний и малый бизнес.

Список литературы

- Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. Сб. (2017) / Росстат. М. 686 с.
Россия в цифрах. 2017: Крат. Стат. Сб. (2017) / Росстат-М. 511 с.
Фальцман В.К. (2017а) Кризис ВЭД России: пути преодоления. // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, том 61, №5 с. 17-25.
Фальцман В.К. (2017б) Зависимость оборонно-промышленного комплекса от цены на нефть: конверсия. // *Проблемы прогнозирования*, 2017, №5, с. 31-38.
Хесин Е.С. (2014) Становление Европы как мастерской мира. // *Современная Европа*, 2014, №1, с. 17-25.

References

- Faltsman V.K. (2017a) Krizis VEHD Rossii: puti preodoleniya. // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, tom 61, №5, s. 17-25.
Faltsman V.K. (2017b) Zavisimost' oboronno-promyshlennogo kompleksa ot ceny na neft': konversiya. // *Problemy prognozirovaniya*, 2017, №5, s. 31-38.
Hesin E.S. (2014) Stanovlenie Evropy kak masterskoj mira. // *Sovremennaya Evropa*, 2014, №1, s. 17-25.
Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2016: Stat. Sb. (2016) / Rosstat. M. 725 s.
Rossiya v cifrah. 2017: Krat. Stat. Sb. (2017) / Rosstat-M. 511 s.

Statistical Measurements of Russia's Technological Sovereignty

Author. Faltsman V., Doctor of Sciences (Econ.), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Principal Research Scientist, *Institute of Applied Economic Research*, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Address:** 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571. **E-mail:** m975032@gmail.com

Abstract. The indicator of technological sovereignty is proposed. The dynamics of Russia's sovereignty in the machine-building in general as well as in the production of metal cutting equipment, computing machinery, light motor vehicles, marine and aircraft engineering and advanced technology products are analyzed and demonstrated for the period of 2000—2016. The impact of several factors on the level of Russia's technological sovereignty is shown, including the oil prices rise and subsequent collapse, military expenditure, economic sanctions imposed on Russia and the market conditions in EU countries, China, Ukraine and Kazakhstan. Suggestions on how to regain the country's technological sovereignty are presented.

Keywords: technological sovereignty; import; technical export; oil price; defence expenditures; economic sanctions.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320188391>

УДК 334.02, 65.016.7

Екатерина РАШИДИН

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СТРАТЕГИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Аннотация: В статье сравниваются корпоративные стратегии французских автопроизводителей с точки зрения роли, которую играет корпоративная социальная ответственность в деятельности компаний. Эта задача решается путём сравнения годовых отчётов PSA Group и Renault Group за 2007–2017 гг., в частности, используемых ими матриц КСО. Автор ранжирует каждую категорию КСО по приоритетности и обобщает характеристики, присутствующие стратегиям обоих производителей, а также выявляет их индивидуальные практики. Установлено, что наиболее значимая роль в компаниях отводится устойчивой мобильности, а также отношениям с сотрудниками и поставщиками. При этом явные различия в оценке значимости наблюдаются по трём направлениям – это развитие местных сообществ в странах присутствия автопроизводителей, управление отходами и безопасность персональных данных клиентов. Опыт французских автопроизводителей свидетельствует о том, что разнородность приоритетных направлений может наблюдаться в сферах наименьшей приоритетности для компании и заинтересованных лиц, однако наиболее важные направления совпадают.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность (КСО), долгосрочные стратегии развития, Renault Group, PSA Group, заинтересованные лица, устойчивая мобильность, инклюзивность.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) приобретает всё большую значимость вследствие мирового финансового кризиса и в условиях замедления темпов роста мировой экономики. Обострение социальных проблем (рост безработицы и уровня бедности), недостаточный прирост налоговых поступлений и падение доверия к государству как регулятору приводят к необходимости того, чтобы часть общественных функций брал на себя бизнес. В условиях экономической нестабильности также и крупный бизнес всё больше нуждается в устойчивости, и КСО становится для него не только элементом управления репутационными рисками, но и фактором стабилизации хозяйственной деятельности.

В автомобильной отрасли происходит укрупнение масштабов компаний за счёт слияний и поглощений (объединение *Renault*, *Nissan* и *Mitsubishi* в альянс, покупка *Opel* компанией *PSA Group*), которое выводит их из-под юрисдикции отдельно взятых стран. Более крупные группы играют большую роль на мировых рынках, увеличивает-

© Рашидин Екатерина Андреевна – соискатель, Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3.

E-mail: Ekaterina.rashidin@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope3201892101>

ся значимость их политик. Автомобилестроение как одна из ключевых отраслей мировой экономики по-прежнему находится в центре внимания общественности. Социальные практики автопроизводителей напрямую влияют на общественное благополучие в тех странах, в которых расположены их производства. Развитие КСО в этой отрасли становится необходимым для сохранения стабильности целых регионов.

Крупнейшие французские автопроизводители *PSA Group* и *Renault Group* отреагировали на мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. по-разному. *Renault Group* вернулась к докризисному уровню продаж уже в 2010 г. (2,6 млн автомобилей по сравнению с 2,5 млн в 2007 г.) [Renault, 2007: 2; Renault 2016–2017: 84], однако до сих пор не восстановила предкризисный уровень стоимости простых акций на закрытии (в 2007 г. стоимость простой акции на закрытии составила 97 евро, а в 2017 г. – только 83,9 евро) [Bloomberg, 2018]. В сложном положении оказался лидер французского автопрома *PSA Group*, до сих пор не восстановивший докризисный уровень продаж (по итогам года было продано 3,2 млн автомобилей против 3,4 млн автомобилей в 2007 г.) [PSA, 2007: 2; PSA, 2017: 3], а цена простых акций на закрытии упала с 37,4 евро в 2007 г. до 17 евро в 2017 г.) [Bloomberg, 2018]. Необходимым инструментом выхода из кризиса для автопроизводителей стало более глубокое стратегическое планирование, особое место в котором отводится устойчивому развитию. Обе группы выпускают документы стратегий, определяя приоритеты своего развития на следующее десятилетие.

КСО в долгосрочной стратегии развития Renault Group

В ответ на кризис 2008–2009 гг. компания *Renault Group* представила в 2010 г. стратегический план *Renault Group 2016 – Drive the Change*, целью которого являлось обеспечение повсеместно доступной устойчивой мобильности², а также рост доходности компании [Renault, 2011].

Программа основывалась на пяти принципах: активном внедрении инноваций, обновлении и улучшении модельного ряда автомобилей, росте узнаваемости бренда *Renault Group*, развитии лояльности клиентов и увеличении международного присутствия компании.

В рамках стратегии *Drive the Change Renault Group* ставила перед собой задачу занять к 2017 г. второе место среди европейских автопроизводителей [Renault, 2013]. Однако реализовать её не удалось: на конец 2017 г. *Renault Group* занимала третье место в Европе по числу зарегистрированных автомобилей (10,4% рыночной доли), уступая *Volkswagen Group* (23,8%) и *PSA Group* (12,1%) [Car Sales...]. Тем не

² Термин Sustainable mobility широко распространен среди международных автопроизводителей, и на русский язык зачастую переводится как “устойчивый транспорт”. Тем не менее автор статьи придерживается перевода “устойчивая мобильность”, так как он наиболее достоверно передает интересы автопроизводителей. Термин “устойчивый транспорт” охватывает все способы передвижения, позволяющие сократить влияние на окружающую среду в городе (электромобиль, велосипед, трамвай). В свою очередь, “устойчивая мобильность” подразумевает комплекс мер, предпринимаемых автопроизводителями для сокращения воздействия на окружающую среду (сокращение выбросов CO₂ бензиновыми двигателями, развитие электродвигателей и аккумуляторных технологий, внедрение систем безопасного вождения, запуск программ каршеринга и т.д.)

менее, к 2016 г. были достигнуты планы *Drive the Change* по увеличению оборота группы на 30%, а также росту операционной прибыли с 2,8% до 6,4% за отчетный период [Renault, 2016: 6].

В конце 2016 г. компания анонсировала новый этап стратегии *Drive the Future*, действующего вплоть до 2022 г. Планируется, что к этому времени продажи группы вырастут на 40%, превысив 5 млн автомобилей, а годовая выручка составит более 70 млрд евро [Renault, 2017a]. Четыре из шести элементов обновленного стратегического документа можно отнести к социально-ответственным: развитие услуг роботизированного такси и каршеринга, расширение линейки электромобилей и развитие лояльности клиентов, инвестиции в персонал и снижение выбросов CO₂.

В своей презентации стратегии *Drive the Future* глава компании Карлос Гон (Carlos Ghosn) приводит следующие преимущества обновленного курса компании для заинтересованных сторон (Табл. 1): рост прибыли для акционеров, высокое качество обслуживания для покупателей, наем, обучение и перепрофилирование сотрудников, а также сокращение выбросов CO₂ в интересах общества.

Таблица 1.

Преимущества стратегии *Drive the Future 2022* для заинтересованных сторон

Заинтересованные стороны	Преимущества стратегии <i>Drive the Future</i>
Акционеры	Рост прибыли и привлекательная политика выплаты дивидендов.
Покупатели	Компания в тройке лидеров по качеству обслуживания клиентов.
Сотрудники	Найм 35 тыс. новых сотрудников и перепрофилирование 3 тыс. сотрудников.
Общество	Сокращение выбросов CO ₂ каждым автомобилем на 25% (по сравнению с 2010 г.)

Источник: Renault Group. Strategy Presentation 2016. P. 20. URL: <https://drivethefuture.groupe.renault.com/en/> (Дата обращения: 10 марта 2018 г.)

КСО воспринимается в *Renault Group* как инновационный инструмент управления, позволяющий создавать дополнительную ценность и одновременно укрепляющий имидж компании. В условиях глобализации и неопределённости именно КСО позволяет укрепить отношения с широким кругом заинтересованных лиц и сократить репутационные риски [Renault, 2017b: 130].

Дорожная карта КСО в рамках обновленной стратегии получила название *Mobilize* и состоит из двух элементов: *развития инклюзивности* и *приверженности принципам устойчивой мобильности* [Ibid.]. В 2017 г. раздел КСО стратегии *Drive the Future* был дополнен семью задачами:

1) строго следовать нормам этики и придерживаться добросовестной деловой практики; гарантировать приверженность своих поставщиков принципам КСО;

2) создавать мотивирующие условия труда для сотрудников во всех странах; поощрять разнообразие и равные возможности;

3) обеспечивать конкурентоспособность сотрудников, проводя постоянное обучение;

4) сокращать влияние производимых автомобилей на экологию на каждом этапе их жизненного цикла;

5) содействовать достижению общественных целей в области здравоохранения, в том числе, сокращению уровня смертности на дорогах, особенно в развивающихся странах, и защите здоровья сотрудников, потребителей и местных общин;

6) предлагать решения устойчивой мобильности как можно большему кругу потребителей;

7) оказывать содействие экономическому и социальному развитию в странах присутствия группы [Ibid.: 131].

Таким образом, приращение в области КСО к основному документу стратегии состоит в политике в адрес поставщиков, а также акценте на массовый доступ к результатам социально-ответственного поведения. Исторически большинство мер по КСО было направлено на заинтересованные стороны во Франции, теперь же акцент смещается на все страны присутствия группы, а также на расширенный круг потребителей.

В 2017 г. *Renault Group* публикует результаты анализа приоритетных направлений КСО, которые были систематизированы и проранжированы в результате опроса сотрудников и топ-менеджмента компании, а также внешнего круга заинтересованных лиц и независимых экспертов (Рис. 1). Круг этих направлений был сперва определен на основе рекомендаций Глобальной инициативы по отчётности (*Global Reporting Initiative*)³ и Совета по стандартам отчетности устойчивого развития (*Sustainability Accounting Standards Board*)⁴, а затем дополнен в соответствии с приоритетами и корпоративной культурой самой группы [Ibid.: 223].

Тридцать направлений деятельности в области КСО были проранжированы по степени значимости для бизнеса и по степени влияния на поведение и мнение заинтересованных лиц. При этом они были условно разделены на три категории – “Инклюзивность”, “Устойчивая мобильность” и “Этика и вопросы управления”. По итогам опроса заинтересованных сторон были выделены пять наиболее приоритетных направлений (правый верхний круг – Рис. 1), к которым относятся выбросы CO₂ на всем жизненном цикле автомобиля, воздействие автотранспорта на качество воздуха, безопасность автомобиля, деловая этика и соблюдение нормативных требований, кибербезопасность и конфиденциальность данных. Три из пяти относятся к категории “устойчивая мобильность”, заявленной как основа новой стратегии КСО, и ещё два – к категории “этика и вопросы управления”.

³ Global Reporting Initiative (GRI) – некоммерческая международная организация, разрабатывающая принципы экологической и устойчивой отчетности для международного бизнеса. Организация была основана в 1997 г. в Нидерландах. К 2018 г. к ней присоединилось более 7,4 тыс. компаний.

⁴ Sustainability Accounting Standards Board (SASB) – некоммерческая организация, разрабатывающая принципы отчетности по устойчивому развитию в США, основана в 2011 г.

Рис. 1.

Матрица приоритетных направлений КСО в Renault Group

Составлено автором по: Renault Group. Registration Document 2017. P. 139.

КСО в долгосрочной стратегии развития PSA Group

PSA Group впервые представила среднесрочный стратегический план развития в 2014 г. с приходом на пост главы компании Карлоса Тавареса (Carlos Tavares). К тому моменту практически полная зависимость от европейского рынка и высокая себестоимость производства привели к убыткам почти в 8 млрд евро только за 2012–2014 гг. [Ведомости, 2016]

Стратегия *Back in the Race* на период 2014–2018 гг. была нацелена на повышение эффективности производства и на возвращение компании к прибыльности к 2018 г., причём план был реализован уже по итогам 2015 г. Положительный денежный поток был восстановлен уже к концу 2014 г., а к 2015 г. он достиг 3,8 млрд евро [PSA, 2014: 2]. Уровень операционной прибыли по итогам 2015 г. составил 5% (против прогнозируемых 2% к концу 2018 г.) [Ibid.]. Вслед за этим успехом в конце 2015 г. группой был представлен обновленный план развития группы *Push to Pass*, рассчитанный на период с 2016 по 2021 год. Так же, как и основной конкурент, PSA Group планирует инвестировать в развитие новых технологий, в том числе в запуск гибридных и четырёх полностью электрифицированных автомобилей. Основные усилия будут сосредоточены и на развитии в области новых потребительских технологий, таких как каршеринг и автономное вождение.

В стратегии *Push to Pass* поставлена задача стать “выдающимся глобальным автопроизводителем с беспрецедентным уровнем эффективности, которому отдают предпочтение клиенты по всему миру на протяжении всего времени пользования автомобилями” [Push...Official website].

Помимо делового аспекта, в этой формулировке прослеживается намерение нести ответственность перед потребителями. Речь идёт о долгосрочных отношениях с водителями, которые могли бы доверять автомобилям группы на протяжении долгого времени или даже всей жизни. В стратегическом документе упоминается КСО, в рамках которой действия должны вестись по трём направлениям: 1) приверженность устойчивой мобильности; 2) участие в развитии регионов, на рынках которых действует компания и 3) разработка новые практик социальной ответственности [Ibid.]. По словам Тавареса, “...долгосрочная эффективность возможна только в том случае, если компания может предложить устойчивые решения своим заинтересованным сторонам: клиентам, сотрудникам, акционерам, инвесторам, поставщикам и принимающим странам. Обновленная стратегия *Push to Pass* отражает их ожидания в долгосрочной перспективе, а наша ответственность перед ними является главной причиной нашей работы” [PSA 2016].

Матрица приоритетов компании по вопросам КСО была разработана в *PSA Group* ещё в 2016 г. Этот инструмент позволил группе систематизировать свои усилия в области социальной ответственности, выделив наиболее важные направления деятельности. Эксперты компании определили 28 направлений работы, каждое из которых относится к одной из следующих групп: общество, устойчивая мобильность, кадровая политика, закупки, экологичность производства, этика и практика управления.

Каждое из 28 направлений было проранжировано по двум признакам в соответствии с рекомендацией *Global Reporting Initiative* – по целесообразности для компании и по важности для заинтересованных лиц (рис. 2). Из данной матрицы следует, что наиболее значимые задачи относятся к направлению устойчивой мобильности, а именно: контроль за объёмом выбросов CO₂ производимыми автомобилями, развитие технологий и инноваций, безопасность выпускаемых автомобилей, удовлетворённость покупателей, управление переработкой материалов и автомобилей в конце их жизненного цикла. Также к наиболее приоритетным направлениям работы производитель относит ответственное управление сотрудниками и безопасность на производстве, социальные и этические аспекты закупок и отношений с поставщиками, а также вклад компании в развитие местных сообществ.

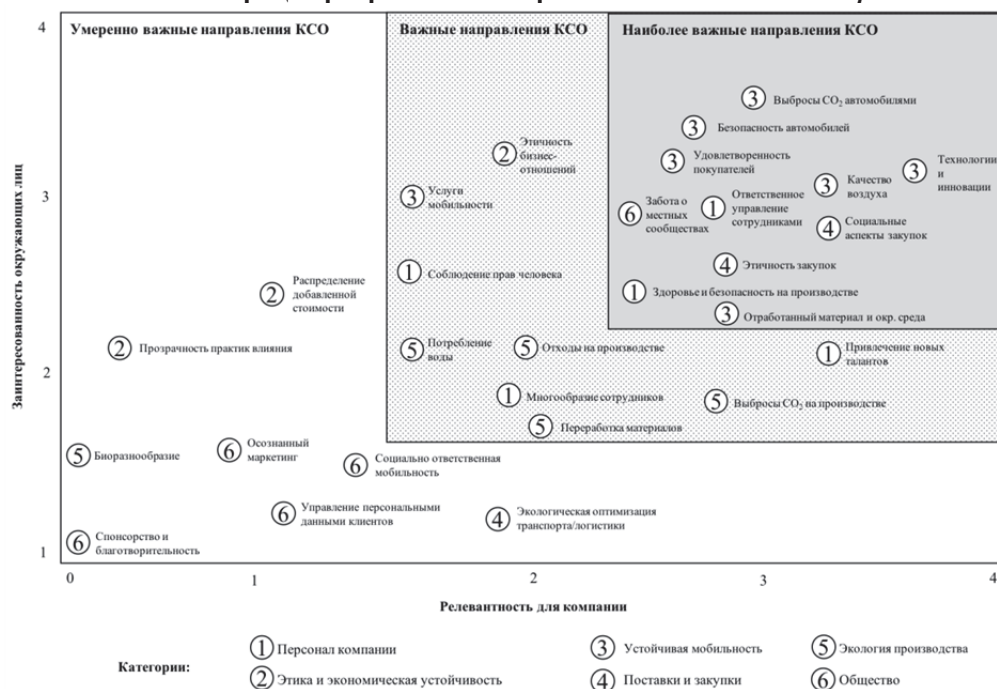
Автор проанализировал приоритетные категории КСО *PSA Group* при помощи методов ранжирования и группировки (табл. 2). Для этого было подсчитано, какое количество из 28 направлений приходится на каждую из шести категорий матрицы. При этом каждому направлению было присвоено значение в диапазоне от 1 до 3 (в зависимости от его расположения в матрице – среди умеренно важных, важных или наиболее важных).

Так, на категорию “устойчивая мобильность” пришлось семь направлений, шесть из которых находятся в квадрате наиболее высокой важности. Выявлено, что эта категория является наиболее актуальной для *PSA Group* как по общему количеству набранных баллов, так и по удельному весу каждого направления. Второй по значимости стала категория “персонал компании” с пятью направлениями работы и

удельным весом каждого в 2,4 балла (в сравнении с 2,9 баллами по устойчивой мобильности).

Рис. 2.

Матрица приоритетных направлений КСО в PSA Group

Составлено автором по: PSA Group. Corporate Social Responsibility 2016. P. 18.

В текстовом описании стратегии *Push to Pass* отсутствует явное указание на приоритетность этого направления. Более того, польза от эффективной кадровой политики не заявлена и в основном перечне преимуществ КСО. При этом количественный анализ матрицы приоритетов КСО компании явно указывает на то, что сотрудникам отводится значительная роль в устойчивости группы.

Таблица 2.

Ранжирование приоритетных категорий КСО PSA Group

Категории КСО	Количество направлений	Общее количество баллов	Удельный вес каждого направления	Место по значимости
Устойчивая мобильность	7	20	2,9	1
Персонал компании	5	12	2,4	2
Поставки и закупки	3	7	2,3	3
Экология производства	5	9	1,8	4

Общество	5	7	1,4	5
Этика и экономическая устойчивость	3	4	1,3	6

Напротив, забота об обществе, заявленная как один из трёх приоритетов новой стратегии, по результатам расчетов занимает лишь пятое место, уступая третье и четвертое место категориям “поставки и закупки” и “экология производства”. Забота о местных сообществах (в странах присутствия компании) действительно расположена в квадрате наиболее актуальных направлений работы, при этом все остальные общественные направления находятся в наименее значимом квадрате. Этот результат соответствует общемировой тенденции, при которой бизнес стремится к стратегическому подходу к КСО. Общественные проекты принято относить к благотворительности, так как они не всегда приносят прямую выгоду или стратегическую пользу бизнесу.

Взаимоотношения с поставщиками сравнимы по значимости с персоналом, так как влияние первых на автопроизводство неуклонно растёт. Так, по данным французской аудиторской фирмы *Mazars*, на долю произведённых поставщиками запчастей в 2010 г. приходилось 78% от выпускаемого автомобиля. Для сравнения, аналогичный показатель составлял 69% в 2000 г. и 61% – в 1990 г. [Mazars, 2013: 6]. В *PSA Group* данный показатель составляет 70% [PSA, 2013: 28], и группа осознаёт важность устойчивых отношений с поставщиками, что следует из матрицы: два из трех направлений расположены в квадрате наибольшей значимости. Замыкает рейтинг категория “этика и экономическая устойчивость”, на которую приходится три направления с наименьшим удельным весом каждого.

Для того чтобы выявить схожие тенденции в КСО французского автопрома, автор проранжировал приоритетные категории в *Renault Group* (Табл. 3) и сравнил их с результатами по лидеру отрасли (Табл. 2). Прямое сравнение между категориями в двух компаниях затруднено тем, что направления, которые входят в их состав, различаются. Так, отношения с поставщиками в *Renault Group* относятся к категории “этика и вопросы управления”, а в *PSA Group* они выделены в отдельную группу, несмотря на наличие аналогичной категории “этика и экономическая устойчивость”. Таким образом, различия в методологии производителей не позволяет сгруппировать шесть категорий *PSA Group* до трёх, как в *Renault Group*.

Таблица 3.

Ранжирование приоритетных категорий КСО *Renault Group*

Категории КСО	Количество направлений	Общее количество баллов	Удельный вес каждого направления	Место по значимости
Устойчивая мобильность	15	27	1,8	1
Инклюзивность	9	15	1,7	2
Этика и вопросы управления	6	13	2,2	3

Источник: составлено автором.

Тем не менее результаты анализа матрицы *Renault Group* позволяют сделать вывод о том, что заявленные в дорожной карте *Mobilize* приоритеты в точности нашли свое отражение и в матрице. Так, первое место по значимости в ней отводится категории “устойчивая мобильность” и второе – инклюзивности. Трактовка устойчивой мобильности в обеих компаниях практически совпадает, включая такие направления, как объём выбросов CO₂, качество воздуха, безопасность автомобилей и дорожного движения, новые технологии и др. Более того, категория “инклюзивность” по своему составу на 2/3 является аналогом категории “персонал” в *PSA Group*. Дополнительным важным направлением для *Renault Group* в рамках этой категории является физическая и финансовая доступность своих товаров и услуг для покупателей, на чём её конкурент акцент не делает. К особенностям матрицы *Renault Group* можно отнести и состав категории “этика и вопросы управления”: при наименьшем количестве направлений их удельный вес оказался наиболее значимым. Фактически в неё вошли разнородные направления КСО, имеющие отношения к корпоративному управлению, поставщикам и обществу. При этом в отличие от *PSA Group* направление по работе с поставщиками в *Renault Group* всего одно, но находится оно в зоне высокого влияния на бизнес компании и мнение заинтересованных лиц. Высокий удельный вес категории “этика и вопросы управления” объясняется наличием в ней направлений первостепенной важности для бизнеса – соблюдения законодательных и нормативных требований, а также корпоративного управления. При этом их актуальность для этой матрицы представляется спорной, так как в классическом понимании теории КСО они к ней не относятся. Таким образом, методологию *PSA Group* можно назвать более проработанной и удобной для разработки дальнейших действий.

Явные различия между двумя матрицами прослеживаются по следующим направлениям: развитие местных сообществ в странах присутствия и управление отходами (эти задачи носят максимально важный характер для *PSA Group* и минимальный из трёх возможных для *Renault Group*). Безопасность персональных данных клиентов, напротив, вошла в круг наиболее приоритетных задач для *Renault Group* и минимально приоритетных для второго производителя.

Выводы

Оба французских автопроизводителя внедряют программы среднесрочного планирования уже после мирового финансового кризиса, *Renault Group* – в 2011 г. и *PSA Group* тремя годами позже, в 2014 г. При этом подход к КСО, прописанный в двух документах, во многом схож. Так, обе группы определяют устойчивую мобильность главным приоритетом в своих дальнейших действиях. Кроме этого, *Renault Group* также прописывает на стратегическом уровне развития инклюзивности, а *PSA Group* – участие в развитии регионов присутствия и разработку новых практик социальной ответственности.

Кроме того, в обеих группах (сначала в *PSA Group* и, следом, в *Renault Group*) был проведен структурный анализ хозяйственной деятельности компании в сравнении с запросами заинтересованных лиц. На базе этого анализа направления деятельности в области КСО были проранжированы по значимости для обеих сторон.

Анализ матриц позволяет сделать вывод о том, что два главных направления КСО совпадают – это устойчивая мобильность и отношения с сотрудниками. Третье место с некоторыми допущениями автор отводит отношениям с поставщиками. При этом явные различия в оценке значимости наблюдаются по трем направлениям – это развитие местных сообществ в странах присутствия, управление отходами и безопасность персональных данных клиентов.

Обосновывая необходимость социально ответственных практик для своего бизнеса, оба производителя ссылаются на повышенную степень доверия, которым они могут пользоваться со стороны всего круга заинтересованных лиц. В *PSA Group* также уточняют, что долгосрочная эффективность компании напрямую зависит от КСО. Этот довод косвенно подтверждают обе компании, выделив второе по важности место в матрицах КСО отношениям с персоналом. Ни один из производителей не выносит это направ-

ление работы как приоритетное в текстах долгосрочных стратегий развития, однако их практические наработки свидетельствуют именно об этом.

Опыт французских автопроизводителей свидетельствует о том, что разнородность приоритетных направлений может наблюдаться в сферах наименьшей приоритетности для компании и заинтересованных лиц, однако наиболее важные направления совпадают. Залогом своего стратегического успеха *PSA Group* и *Renault Group* считают устойчивую мобильность и эффективные отношения с персоналом.

Список источников

Ведомости. 18 мая 2016 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/characters/2016/05/18/641501-ya-skazal-sebe-eto-poslednii-shans> (Дата обращения: 11 марта 2018 г.).

References

Vedomosti. 18 May 2016. Available at: <https://www.vedomosti.ru/auto/characters/2016/05/18/641501-ya-skazal-sebe-eto-poslednii-shans> (Accessed 11 March 2018).

Bloomberg Professional. [Online]. Available at: Subscription Service (Accessed 22 May 2018).

Car Sales Statistics. Available at: <https://www.best-selling-cars.com/europe/2017-full-year-europe-best-selling-car-manufacturers-and-brands/> (Accessed 10 March 2018).

La Matrice. Available at: <http://www.lamatrice.com/FR/barometre-posternak-ifop-top-10.html> (Accessed 14 March 2018).

Mazars. Blazing the trail. German & French Automotive Suppliers Survey 2013. P. 6.

PSA Group. Annual Results 2007. P. 2. 2017. P. 3.

PSA Group. Back in the Race Operational Framework. Strategic plan for 2014-2018. April 14, 2014. P.2. Available at: <https://www.groupe-psa.com/en/publication/back-in-the-race/> (Accessed 29 May 2018).

PSA Group. Corporate Social Responsibility – Strategic Guidelines 2013. P. 3. 2016. P. 3–18.

PSA Group. Official website. Available at: <https://www.groupe-psa.com/en/automotive-group/responsibility/#prev> (Accessed 14 March 2018).

Push to Pass. Official website. Available at: http://pushtopass.groupe-psa.com/index_en.php (Accessed 11 March 2018 г.).

Renault Group. Annual Report 2007. P. 2. 2013. P. 39. 2016-2017. P. 84.

Renault Group. Official website. Available At: <https://group.renault.com/en/finance-2/financial-information/share-price/> (Accessed 22 May 2018).

Renault Group. Press Release “Drive the change 2016”. February 10, 2011. Available at: <http://media.Renault Group.com/global/en-gb/renaultgroup/media> (Accessed 29 April 2017).

Renault Group. Press Release “Drive the Future 2017–2022”. Oct 6, 2017 (a). Available at: <https://media.group.renault.com/global/en-gb/groupe-renault/media/pressreleases/21197704/drive-the-future-2017-2022-le-nouveau-plan-strategique-sappuie-sur-des-resultats-records-et-vise-une> (Accessed 10 March 2018).

Renault Group. Registration Document 2017 (b). P. 130–131, 223.

Renault Group. Strategy Presentation 2016. P. 6. Available at: <https://drivethefuture.group.renault.com/en/> (Accessed 10 March 2018).

Corporate Social Responsibility in Strategies of French Carmakers

Author: Rashidin E., research student, Institute of Europe (RAS). **Address:** 11/3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** Ekaterina.rashidin@gmail.com

Abstract. The article explores the role of Corporate Social Responsibility in long-term strategies of French automakers. The author compares annual reports for 2007-2017 of PSA Group and Renault Group and their CSR matrices in particular. As a result, each CSR category is ranked according to its importance for business performance as well as for stakeholders. Furthermore, the author provides summary of the CSR practices that both manufacturers have in common, and of those, that vary. Top three priorities for both companies include sustainable mobility, relations with employees and purchasing practices. At the same time the least significant categories in each company differ.

Keywords: Corporate Social Responsibility (CSR), long-term strategies, Renault Group, PSA Group, stakeholders, sustainable mobility, inclusivity.

DOI:<http://dx.doi.org/10.15211/soveurope3201892101>

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

УДК 261.8:327

Роман ЛУНКИН

Сергей ФИЛАТОВ

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЕВРОПЕ И НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Аннотация. В статье проанализированы основные черты двух идеологических подходов, противоборство которых становится все более очевидным в современном западном обществе, в первую очередь в европейском. Авторы выделяют “новый либерализм” (в отличие от классического либерализма), основными принципами которого являются абсолютизированные политкорректность, плюрализм, приоритет прав разного рода меньшинств. Эту идеологию авторы называют новолиберальной. Этому идейному подходу противостоит традиционализм или идентизм, основанный на признании ценностей традиционной семьи, национальной, культурной и религиозной идентичности и государственного суверенитета (и связанного с ними патриотизма), значимости религии в обществе. Существо этих двух мировоззренческих подходов и характер конфликта между ними рассматривается в большей степени в религиозной плоскости, а не с точки зрения политической философии. Анализ проведен на основе социологических опросов о религиозной принадлежности и национальной идентичности в Европе. В понимании обществом религиозной идентичности наиболее резко видны мировоззренческие различия более общего характера. В статье отмечается, что границы двух идеологий пока размыты и у них нет чётко определённых и признаваемых всеми принципов, как нет системного антагонизма и однозначных авторитетов. Но кристаллизация двух мировоззренческих лагерей - лишь вопрос времени.

Ключевые слова: либерализм, традиционализм, проблемы идентичности, секуляризация, религиозность в Европе, межконфессиональные отношения.

© **Лункин Роман Николаевич** – ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, заместитель главного редактора журнала “Современная Европа”. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. **E-mail:** romanlunkin@gmail.com

© **Филатов Сергей Борисович** – к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, руководитель проекта “Энциклопедия современной религиозной жизни России”. **Адрес:** 07031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12. **E-mail:** sfilatov2006@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018102114>

Мировоззрение, чаще всего именуемое либерализмом, сложилось медленно и незаметно к началу XXI века. Основные его черты заключаются в стремлении к преодолению всякой идентичности, заданной природой или обществом. Либералы склонны отождествлять справедливость с отстаиванием особых интересов разнообразных меньшинств – национальных, религиозных, сексуальных, расовых, ибо эти меньшинства самим своим существованием бросают вызов заданным от рождения идентичностям. Развитие либерализма (от воплощения либеральных идей в политическую практику в XVIII-XIX вв. до того, что мы называем «новым либерализмом» современности) привело к обострению таких его черт как стремление к преодолению идентичности, заданной природой или обществом, что отразилось в отказе от признания единственно нормальными традиционных семейных и сексуальных отношений, в оправдании гомосексуальных и внебрачных сексуальных связей, в отказе или же редуцировании религиозной морали и религии вообще до уровня «частного дела». Одно из следствий этой позиции – политкорректность, запрет на негативные (а часто и просто критические) высказывания об испивших горькую чаша страданий от доминирующего большинства меньшинствах, что само по себе нарушает принципы классической либеральной демократии. Одно из частных проявлений политкорректности – ограничения и запреты на присутствие в публичном пространстве каких-либо проявлений христианской религии, как религии доминирующего большинства¹.

Своими корнями новый либерализм и основанная на его ценностях глобализация уходят между тем в само христианское мировоззрение, основанное на представлении о достоинстве каждой личности, о равенстве людей перед Богом, для которого нет ни немца, ни сомалийца, ни мужчины, ни женщины, ни гения, ни посредственности, но могут быть разные уровни национальной и наднациональной идентичностей.

В той или иной степени истоки современного либерализма можно найти и в католицизме, и в протестантизме, и в православии. Однако самый значительный импульс к развитию христианского сознания в сторону формирования именно такой либеральной мировоззренческой идеологии была протестантская Реформация. Она дала всем людям равные возможности спасения только верой, а затем, в ходе секуляризации, иметь право отказаться и от веры (эта мировоззренческая эволюция проанализирована в книге Ч. Тэйлора “Секулярный век” [Тэйлор, 2017]). Равенство заведомо во многом не равных людей перед Богом превратилось в мечту об их тотальном равенстве. Вслед за “расколдовыванием” мира от христианской религии,

¹ Одним из самых известных дел, которое привлекло правительства и церкви десятков европейских стран в защиту христианской символики, стало дело в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ) «Лаутси против Италии»: вначале, в 2009 г., суд запретил вывешивать распятия в школе, но затем в 2011 г. принял решение, что наличие распятия не нарушает Европейской Конвенции. Целый ряд дел возникал и на национальном уровне – в Великобритании запрещали медсестре и стюардессе носить крест на шее, в Германии в некоторых городах отменяли рождественские гуляния из-за стремления быть политкорректными к туркам-мусульманам. См.: Пуппинг, Грегор. Лаутси против Италии: союз против секуляризма. Оссерватор Романо, 28 июля 2010 г. URL: http://eclj.org/pdf/Lautsi_v_Italy_RUSSIAN.pdf (дата доступа: 29.06.2018).

требовавшей в идеале от верующего достижения святости, пришло “околдовывание” новыми мифами, требующими от своих сторонников преодоления всяких идентичностей. Один из путей к отказу от прежних идентичностей - преодоление различий между мужчиной и женщиной, между гением и идиотом, между инвалидом и здоровяком, между немцем и сомалийцем, где люди со своими «особенностями» становятся равными. Это, как минимум, задача не менее сложная (можно сказать фантастическая), чем достижение святости.

Как отмечает И.С. Семененко, «Размывание “больших” идеологий, дробление смыслов и торжество логики относительности в рамках постмодернистского мировосприятия, утверждение абсолютной ценности собственной свободы без нравственной ответственности за свободный выбор других, все это действительно ставит под вопрос саму значимость для индивидуального сознания национальной идентичности в ее привычном понимании – соотнесения себя с ценностями и символами страны рождения или постоянного проживания» [Семененко, 11]. Тенденции утверждения идентичностей также вписываются в «логику повышения гетерогенности миропорядка и вступают в противоречие с вектором утверждения универсалистских тенденций в развитии глобального мира» [Семененко, 17].

Современный либеральный тип общественного сознания, сравнительно недавно возникший в результате секуляризации, был редчайшим явлением ещё в середине XX века и воспринимался как безумие и безнравственность подавляющим большинством населения. Идея либеральной демократии, основы которой заложены Дж. Локком, воплотились в Западной Европе и США, и стали основой программ большинства политических партий современности. Как отмечает Ю.А. Борко, именно либеральная демократия сделала Европу «зоной безопасности, мира и сотрудничества», а утверждение норм права в качестве регулятора общественных и личностных отношений стало намного более эффективным инструментом, чем «Вера и церковные каноны» [Борко]. Однако новый тип идеологии и общественного сознания называют то секулярным гуманизмом, то либерализмом, то либеральной демократией. Носители нового секулярного сознания сами себя называют либералами, но это самоназвание вносит некоторую путаницу, так как словом “либерализм” на протяжении десятилетий и даже веков называлась идеология, существенно отличная от нынешнего антипода традиционных ценностей. Последнее время получает распространение еще один термин – “глобализм”. Однако “глобализм” совсем не отражает сути этой идеологии. Её сторонники приветствуют глобализацию, когда они в ней побеждают. Если бы во всемирном масштабе сейчас побеждал исламизм, традиционный католицизм или марксизм-ленинизм, либеральные демократы, скорее, выступили бы против глобализации. Для обозначения этой новой идеологии мы будем пользоваться термином “новый либерализм”, таким образом, мы недалеко уйдём от самоназвания, но при этом отделим наших героев от, например, Дж. Локка, Джона Стюарта Милля, Шарля де Монтескье, лорда Актона и Павла Милюкова. Уж слишком сильно принципиально нынешние либералы от них отличаются.

Среди современных «новых либералов» нет однозначных идейных лидеров, но ярких личностей, которые выражают идеологию преодоления идентичностей или отказа от них, можно найти практически в каждой сфере общественной деятельно-

сти. В науке это философы, социологи, теоретики культуры – Мишель Фуко, Пьер Бурдьё, Михаил Эпштейн. Одним из протагонистов политического либерализма является Джон Ролз, который обосновал необходимость “нейтральности” государства как основы справедливости [Ролз, 1995: 190–191].

Среди «новолиберальных» писателей можно назвать Людмилу Улицкую и британского актера и писателя Стивена Фрая, защитников прав и свобод самых разных меньшинств. В политико-экономической сфере самым заметным идеологом ценностей «нового либерализма» является бизнесмен Джордж Сорос. В сфере поп-культуры носителями новолиберальных принципов являются многие певцы и актеры, к примеру, Мадонна, которая принимала участие в марше “розовых шапочек” против Трампа в Вашингтоне в 2017 году, и многие другие. Ярким показателем существующих в либеральной среде стереотипов о традиционализме как отрицательном явлении стал “тест на фашизм” писателя Умберто Эко из его эссе “Вечный фашизм”: среди 14 пунктов есть “культ традиции”, неприятие модернизма (иррационализм), национальная идентификация [Эко, 1997: 192]. Носители поп-культуры являются главными миссионерами новой идеологии.

В отличие от «новых либералов» их противники защищают и утверждают ценность традиционной семьи против размывания моральных ценностей, национальной самобытности в противовес глобализации, государственного суверенитета (и связанного с ними патриотизма) против размывания границ, значимости религии в обществе в противовес её вытеснению в «частную сферу». В России традиционалисты представлены как отдельными личностями, такими как актёр и режиссёр Никита Михалков, так и движениями в лице консервативных христиан – православных, католиков, протестантов. Русская православная церковь является единственным институтом, который выступает в качестве общероссийской общественно значимой силы – носителя идеологии традиционализма. Право на собственную традицию за Россией признавали и американские политические философы консервативного направления, такие как Джордж Ф. Кеннан, Джеймс Биллингтон и Дэниел Патрик Мойнихен.

Большая ценность идентичности по сравнению с новолиберальными ценностями – ключевая идея тех, кого можно назвать традиционалистами (точнее можно сказать идентистами). На протяжении этого столетия мы и наши дети станут свидетелями битв между двумя этими мировоззренческими подходами.

Практически в каждой европейской стране и в США можно найти сторонников и противников «нового либерализма». Несмотря на произошедшую мирную мировоззренческую революцию и внешнее господство «нового либерализма» в руководстве большинства стран Европы и Америки (респектабельный политик должен проявлять себя как крайне политкорректный «новый либерал», иначе может быть обвинен в «ксенофобии» или «популизме») в каждом государстве есть силы, которые сопротивляются либеральной идеологии и стремятся сохранить традиционные ценности. Даже в США, имеющих имидж ведущей державы «нового либерализма», навязывающей его всему свету, существует сильное и очень активное антилиберальное христианское лобби, состоящее в основном из протестантов-евангеликов – именно это лобби в значительной степени поддерживало президента Д. Трампа и его риторику. В США и в ещё большей степени скандинавских странах, Германии,

странах Бенилюкса и некоторых других странах Западной Европы значительная часть политической, академической и культурной элиты разделяет ценности «нового либерализма». Таким образом, традиционалисты в этих странах не имеют своих выразителей и защитников в таком же объеме, как «новые либералы». Их вес в обществе, поэтому, значительно меньше, чем их численность. В то же время в православных странах и некоторых католических странах Европы (Польше, Словакии, Венгрии, Италии) традиционалисты имеют значительное представительство в элитах. Соответственно и влияние их в обществе гораздо более заметно.

По существу в христианском (постхристианском?) мире складываются два общества и две идеологии, которые можно условно назвать новолиберальным миром и традиционалистским миром. Однако в отличие от противоборства коммунизма и капитализма в XX в. эти две идеологии (или мировоззренческих подхода) не представляют из себя антагонистические системы с законченным и логичным содержанием, и та и другая может подавлять личность или, наоборот, предоставлять возможности для свободного развития. В данной статье мы попытаемся на примере межхристианских различий в Европе выявить доминанту глобального развития, но такого же рода идейный конфликт вполне может существовать в других формах и с другой аргументацией, но в той же логике двух подходов, и в общественном дискурсе других стран с совершенно иной культурой (в Индии или Китае, Африке и Латинской Америке).

Особенности религиозности

Религиозная культура разных народов и стран есть фундамент их мировоззренческого своеобразия. Религия включается в политический процесс уже не только как институт, но и как форма коллективной и индивидуальной идентичности [Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание, 2017: 338]. Для того чтобы понять мировоззренческие различия народов христианской культуры мы будем опираться на исследования Центра Пью (Pew Research Center) о религиозных, моральных и политических ценностях в европейских странах 2017 года. Наиболее значим для решения наших задач опрос «Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе» [Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe]. Главные исследователи: Нейха Сайгал, заместитель директора исследовательской группы, Алан Куперман, директор исследовательской группы по религиозным вопросам). Помимо этого, исследование «Пять веков после Реформации, католическо-протестантское разделение исчезло» [Five Centuries after Reformation, Catholic-Protestant divide in Western Europe Has faded. Pew Research Center] затрагивает страны Западной Европы, а исследование «Православное христианство в XXI веке» [Orthodox Christianity in the 21st Century. November 8, 2017. Pew Research Center] посвящено различиям между православными европейскими стран, а также между католиками и православными. В отличие от большинства исследований о религии, социологи Пью не выделяли более или менее существенные (естественно, по мнению исследователей) параметры религиозности, но использовали разные вопросы о религии как равные и самодостаточные. Такой подход зримо и грубо сделал явными черты двух идеологических подходов.

Социологические опросы показывают особенности религиозности большинства населения, а не узкой группы практикующих верующих. В понимании религиозной идентичности обществом наиболее резко видно мировоззренческие различия в целом, которые становятся значимыми именно в последние годы.

Православные в России, Белоруссии, Молдавии, на Украине, в Греции, Сербии, Румынии, Болгарии, несмотря на все различия между ними, демонстрируют много общего, что отличает их от народов католической и протестантской культуры. Примечательно, что не подвергавшаяся насильственной атеизации Греция, демонстрирует те же особенности, что и подвергшиеся коммунистической атеизации государства православной традиции Советского Союза, Сербия, Болгария и Румыния.

Православные “верят в Бога”, но мало молятся, ходят в церковь, читают Библию и другую православную религиозную литературу. Их религиозность в наибольшей степени выражается в стремлении сохранить национально-религиозную идентичность (личную и государства), связи веры с патриотизмом. Католики больше молятся, ходят в церковь, читают религиозную литературу.

Доля православных христиан, посещающих церковь каждую неделю, довольно мала: медиана по православным странам Центральной и Восточной Европы составляет 10%. Признались в том, что молятся ежедневно только 17% респондентов (для сравнения: в католической Польше – 27%, в США – 55%). Доля католиков, которые участвуют в таинствах и совершают религиозные обряды (например, ходят к причастию и соблюдают Великий пост), гораздо больше аналогичной доли среди православных. Кроме того, католики более склонны, чем православные, делиться с другими людьми своими мыслями о Боге, а также читать или слушать тексты Священного писания вне религиозных служб и обрядов. Католики более склонны верить в ад и рай, нежели православные.

В католических и протестантских странах Запада, с одной стороны, легко усваивается либеральное мировоззрение в условиях, когда большинство населения не желает отождествлять себя с какой-либо религиозной традицией. С другой стороны, оставшаяся религиозной часть населения намного более, чем в православных странах, вовлечена в церковную жизнь.

Семейная и сексуальная мораль и религия

Отношение к вопросам семьи и секса в современном мире в большей степени зависят от господствующих в окружающем обществе представлений, нежели от верности религиозной доктрине. Стоит также подчеркнуть, что представленные в опросах “католики” и “православные” – это люди, которые называют себя таковыми по своей самоидентификации. Таким образом, речь идёт о взглядах большей части населения. Вера православных выражается в верности традиционной сексуальной морали (эта верность, впрочем, во многом носит теоретический характер – статистические данные об абортах, разводах, рождаемости у несовершеннолетних не ниже, чем у протестантов и католиков).

Православные страны отличаются социальным консерватизмом – в этом отношении у России самые высокие показатели: в России 85% считают гомосексуализм недопустимым и лишь 12% выступают за легализацию однополых браков. Но по

взглядам на гендерные роли в браке (жена должна подчиняться мужу) россияне где-то посередине между православными и католическими странами – 36% придерживаются домостроевских правил. Аборты морально неправильным считают 45% опрошенных в России, аморальным секс до брака считает 36%, а развод только 16% (также как в Белоруссии и в Венгрии, на Украине – 26% осуждают развод).

Протестантизм отличается тем, что конфликт между новыми либералами и традиционалистами разгорается между различными протестантскими деноминациями и даже внутри некоторых деноминаций. В протестантизме чрезвычайно резко выражены различия между либералами и консерваторами. Либеральные протестантские церкви, в первую очередь это лютеранские церкви стран Скандинавии и Англиканская церковь Соединённого королевства (то есть церкви государственные или бывшие долгое время государственными и приобретшие самостоятельность лишь недавно), а также церкви истеблишмента в США (епископальная, пресвитерианская, конгрегационалистская и др.). Они не только впитали в себя принципы нового либерализма, но в некоторых случаях выступают в роли их создателей. Эти принципы стали частью их идеологии.

В то же время евангелические церкви (в первую очередь это пятидесятники, большинство баптистов и др.), как и православные, являются идейной противоположностью нового либерализма. Наиболее влиятельны евангелики в США, но и там они не составляют большинства. В Европе, в том числе и в России, евангельские движения (баптисты, пятидесятники, адвентисты) являются заметным меньшинством, и их мировоззрение содержит те же ценности традиционной семьи, российского патриотизма и традиционализма, что и мировоззрение православных.

Своеобразно положение в католических обществах: церковь выступает с традиционалистских позиций, а в наиболее либерально продвинутых странах большинство народа (и в первую очередь элиты) игнорирует церковную позицию и придерживается новолиберального мировоззрения¹.

Национальная (этническая) и государственная идентичность и религия

Этническая и государственная идентичность в Восточной Европе и России жёстко соединены в христианском сознании с религиозностью. Патриотизм в первую очередь для православных – сакральное чувство, связанное с верой в Бога. Низкий уровень религиозной практики православных компенсируется более тесной взаимосвязью между религиозностью и патриотизмом в православных государствах, чем в странах с католическим большинством. 57% респондентов в Рос-

¹ Самыми яркими примерами игнорирования мнения традиционалистов является легализация однополых союзов в Германии, Ирландии, «третьего пола» в Австрии, эвтаназии в целом ряде стран, к примеру, в Люксембурге или Швейцарии. Герцога Люксембургского ограничили в полномочиях, когда он из-за своих католических убеждений, отказался подписывать закон об эвтаназии. В Швейцарии католический епископ Витус Хоундер в 2016 г. запретил причащать тех, кто уходит из жизни таким образом. Католический епископ запретил совершать таинства над теми, кто решился на эвтаназию. Православие.Ru. Москва, 9 декабря 2016 г. URL: <http://www.pravoslavie.ru/99302.html> (дата доступа: 29.06.2018).

сии считают, что православное исповедание важно для того, чтобы быть истинным гражданином страны (причём среди ответивших так четверть мусульман и тех, кто не принадлежит ни к какой религии). Надо сказать, что по этому показателю россияне далеко отстали от Армении, Грузии, Сербии, Греции, где более чем 70% населения полагает, что православие имеет значение для того, чтобы быть гражданином. В Западной Европе лишь около 30% отвечают, что принадлежность к христианству важна для национальной идентичности. В православных странах большинство считает, что их национальная культура превосходит все остальные.

Религиозная идентичность также тесно связана с государством, признанием необходимости государственной идеологии, основанной на религии. Православные больше, чем католики, думают о том, что государство должно оказывать финансовую поддержку национальной церкви и способствовать распространению религиозных ценностей и верований. Католики в большей степени выступают за отделение церкви от государства, что объясняется и историческими особенностями развития отношений православия с властью и надгосударственным статусом католической церкви.

При этом политическая поддержка православия в России не абсолютна. 42% полагают, что государство должно поддерживать распространение религиозных ценностей (аналогично в Белоруссии, Болгарии, Литве). 50% опрошенных считают, что государство должно оказывать финансовую поддержку Русской православной церкви.

Традиционная религиозная идентичность, вопреки распространенным в либеральной прессе стереотипам, прямо не связана с антидемократичностью (пренебрежительно относиться к демократическим принципам, как показывает практика, могут и новые либералы, и традиционалисты). К примеру, в вопросе об отношении к демократии российское общество более поляризовано, чем население других стран. 41% россиян полагает, что иногда можно использовать недемократические методы, а 31% считает, что демократия – лучшая система правления. Между тем значительной разницы в отношении католиков и православных к демократии исследование Пью не выявило.

Высокая степень православности вполне сочетается с демократическим сознанием. В России 42% не согласны с тем, что выборы помогают повлиять на правительство, а 53% верят в выборы (60% выступают за свободный рынок). Причём более религиозные люди более сознательны в плане демократичности: среди утверждающих, что религия важна в их жизни, 59% считают, что выборы помогают повлиять на правительство. Так же, как самые религиозные люди более горды своей национальной принадлежностью и гражданством своей страны. Но это проявляется не только в абстрактном патриотизме. По уровню гражданского участия в жизни общества Россия находится на среднеевропейском уровне по региону Центральной и Восточной Европы – 20% населения являются волонтерами, 26% участвуют в благотворительности. Представления об общественном устройстве показывают, что защитники идентичности отнюдь не противопоставлены демократии в принципе.

Таблица 1.

Национальная идентичность и религия

Религиозная принадлежность и национальная идентичность в Центральной и Восточной Европе		
	Среднее по православным	Среднее по католикам
% тех, кто сказал, что быть православным/католиком важно для национальной идентичности	70	57
% тех, кто сказал, кто согласен с утверждением: “Наш народ несовершенен, но наша культура имеет превосходство перед другими”	68	45
% тех, кто считает, что государство должно поддерживать распространение религиозных ценностей и убеждений в своей стране	42	28
% тех, кто считает, что очень важно принадлежать к доминирующей религиозной группе, чтобы быть “истинным” патриотом своего государства	41	23
% тех, кто считает, что национальная церковь должна получать финансовую поддержку от государства	56	41
Статус религии в европейских странах		
	Страны с официальной или привилегированной религией	Страны, где нет официальной или привилегированной религии
% тех, кто полагает, что религия должна быть отделена от государственной политики	50	68
% тех, кто считает, что принадлежность к доминирующей религиозной группе важно для того, чтобы быть частью национальной идентичности	66	43

Восприятие России, перспективы традиционалистского фронта и религия

Все проанализированные нами особенности общественного сознания народов Европы и Америки приводят к выводу об уникальном состоянии российского общества, которое выглядит крепче и последовательнее всего сохраняющим в своем мировоззрении приверженность традиционным ценностям. Несмотря на то что ин-

ститут традиционной семьи в нашей стране находится уж никак не в меньшем кризисе, чем в других странах христианской культуры (число разводов и абортот превосходит среднеевропейские и американские показатели), россияне и большинство представителей элит являются сторонниками традиционной семьи и провозглашают Россию в качестве страны «традиционных семейных ценностей». Отрицательное отношение к ЛГБТ в России превосходит показатели других стран. Национальная (патриотизм) и государственная (признание приоритета государственного суверенитета и гордость за него) идентичности являются важнейшими ценностями российского общества.

Неудивительно, что в 2010-е годы Россию в общественном сознании как самой России, так и большинства стран христианской традиции начинают воспринимать лидером всемирного сопротивления новому либерализму. Опрос Пью (и ряд опросов в США¹) показал, что не только в странах православной культуры, но и в ряде стран Европы и Америки существует значительная часть населения, видящая в современной России защитника своих ценностей и идеалов. Больше – среди православных, меньше – католиков, но даже в Польше численность «промосковских» традиционалистов весьма заметна.

Православные в странах Центральной и Восточной Европы считают, что Россия необходима как противовес влиянию Запада: в России таких людей 85%, на Украине самый низкий процент ответивших так из всех исследуемых стран – 22%. С тем, что «сильная Россия необходима как противовес влиянию Запада», согласны даже 34% опрошенных в Польше и Литве. Многие полагают, что Россия обязана защищать православных христиан в других странах. В самой России таких 72%, на Украине – 38%, в Армении больше всего – 79%.

Но существует и более глубокое культурное столкновение с Западом, олицетворяющим новый либерализм. Мнение о том, что Россия служит буфером по отношению к Западу, более распространено среди тех, кто считает, что между традиционными ценностями их страны и западными ценностями существует конфликт (больше 50% опрошенных уверены в существовании такого конфликта в России, Сербии, Армении, Греции, Грузии, Молдавии, Румынии, Словакии, Польше, Боснии, Чехии). Россия же остаётся в общественном сознании Запада и в своём собственном страной, где идентичность и религиозность подпитывают друг друга. Исследования Пью в какой-то степени подтверждают секулярную исключительность Западной Европы. В целом в Западной Европе тех, кто соблюдает традиционалистские религиозные предписания, намного меньше, чем, например, в США. Если в Западной Европе религиозность христиан описывается как «вера без принадлежности», то ко многим жителям Центральной и Восточной Европы можно применить описание «вера и принадлежность без поведения».

Ориентация традиционалистов на Россию вполне естественна. В других странах христианской цивилизации традиционалисты раздроблены – одни группы выступают против абортов, но ничего не имеют против ЛГБТ, другие решительно отста-

¹ Несмотря на кризис в двусторонних отношениях в 2016 г., по данным Института Гэллага 30% американцев положительно относятся к России, а 22% хорошо относятся к Путину (хотя в 2002 г. 41% положительно относились в США к Путину и 62% – к России).

ивают национальную идентичность и выступают против массовой иммиграции из стран Ближнего Востока и Африки, но ничего не имеют против абортот и т. д. По сравнению с ними российский традиционализм намного последовательнее.

В общественно-политической жизни консервативные силы в большей степени заботятся о защите национальной, культурной иной идентичности, и меньше сил остается для объединения их на уровне Европы или мира в целом. Единство для консерваторов не является приоритетом (например, Европейскую народную партию трудно назвать сплоченным и влиятельным объединением всех сторонников традиции и идентичности). И это также ярко отражается в религиозной жизни.

Даже в тех странах Европы, где традиционалисты сильны и влиятельны, а политическая власть в данный момент принадлежит им (Польше, Венгрии, Словакии) существует мощная новолиберальная оппозиция, которая чувствует поддержку брюссельской бюрократии. Несмотря на частные колебания выборного маятника и отдельные победы политического, информационного или морального свойства, в основном традиционалисты чувствуют себя обороняющей и отступающей стороной.

Однако до создания межнациональных и межгосударственных союзов традиционалисты ещё очень далеки. Дело в том, что для консервативного христианства совершенно не свойственны экуменические союзы. Традиционалисты в своём поведении повторяют поведение, присущее воспитавшим их церквям. Либералы, объединяясь, легко переносят различия доктрин, они для них не очень важны. Консервативные христианские конфессии с большим трудом идут на союзы – многие католики и православные до сих пор видят в немногих и отвлечённых догматических различиях железобетонную стену, разделяющую спасённых от обречённых еретиков. К тому же между религиозными течениями и порождёнными ими светскими движениями существуют действительно принципиальные различия. Например, главные традиционалисты США евангелики (в основном пятидесятники и баптисты) не просто принципиальные сторонники демократии и прав человека, демократия и права человека для них – религиозная ценность. В России же РПЦ скептически относится к демократическим ценностям, в её пастве много людей, симпатизирующих самодержавию. Для американских традиционалистов самодержавие – отвратительная ересь. Тем не менее с середины прошлого века начинают складываться консервативно традиционалистские альянсы христианских деноминаций, имеющих различные (и даже очень различные) вероисповедные доктрины на уровне общественных и общественно-политических движений. Родиной таких, в прошлом считавшихся противоестественными, союзов стали США. Но даже сейчас в США степень взаимодействия традиционалистских, основанных на христианстве движений намного слабее, чем сотрудничество либеральных христиан и приверженцев нерелигиозных новолиберальных идеологий.

* * *

Противоборство двух мировоззренческих подходов нелинейно. Конфликта религии и секуляризации, религии и демократии в прежних видах (клерикализм против свободы совести, религиозный национализм (корпоративизм) против демокра-

тии и т.д.) уже не существует [Европа XXI века. Новые вызовы и риски, 2017: 100–122]. Так же, как уже нет прежнего противостояния капиталистической и коммунистической систем, где отношение к религии было политическим фактором. Как коммунистическая и социал-демократическая идеологии, противостоявшие христианскому мировоззрению, не являются его прямыми антиподами, его полной противоположностью, так и христианская идеология не является полной противоположностью нового либерализма. В XIX и XX вв. были единичные священники и даже в высоких санах, связывавшие христианскую веру с рабочим движением и даже коммунистическими идеалами, и социалисты с коммунистами, веровавшие в Бога. Так и сейчас есть верующие и даже священники-феминисты (особенно много их среди либеральных протестантов), борцы за права сексуальных и прочих меньшинств, активисты движения гомосексуалистов, осуждающие национализм-патриотизм и отрицательно относящиеся к принципу суверенитета отдельных государств, считающие себя христианами.

Границы двух идеологий пока размыты и у них нет чётко определённых и признаваемых всеми принципов и однозначных авторитетов. Можно предположить, что кристаллизация двух мировоззренческих лагерей - лишь вопрос времени. Но это не только не исключает, но увеличивает возможность появления синтетических концепций, где диалектика либеральная демократия и традиционализм будут сплетены в новых причудливых сочетаниях.

Список литературы

Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. – М.: Издательский Дом “Деловая литература”, 2003. – 464 с.

Европа XXI века. Новые вызовы и риски: [монография] (2017) / [Ал. А. Громыко, В. В. Журкин, В. П. Фёдоров и др.]; под общей редакцией Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. – М., СПб.: Нестор-История. С. 100–122.

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. (2017) Отв. ред. И.С. Семененко. ИМЭМО РАН. М.: Изд-во “Весь мир”. С. 338.

Ролз Д. (1995) Теория справедливости. Науч. ред. В.В. Целищев. Новосибирск. Изд-во Новосибирского университета. С. 190–191.

Семененко И. С. (2009) Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения. – Полис. Политические исследования. № 6. С. 17–19.

Тейлор Ч. (2017) Секулярный век / Пер. с англ. (Серия “Философия и богословие”). – М.: ББИ. – xiv + 967 с.

Эко У. (1997) Пять эссе на темы этики. Пер. Елена Костюкович. Corpus, Астрель. С. 192.

Five Centuries after Reformation, Catholic-Protestant divide in Western Europe Has faded. Pew Research Center. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/08/12120339/Europe-Protestant-Reformation-08-29-FOR-WEB.pdf>(дата доступа: 19.05.2018).

Many countries favor specific religions, officially or unofficially. October 3, 2017. Pew Research Center. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/09/29162847/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf>(дата доступа: 19.05.2018).

Orthodox Christianity in the 21st Century. November 8, 2017. Pew Research Center. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/12/06135709/Orthodoxy-II-FULL-REPORT-12-5.pdf>(дата доступа: 19.05.2018).

Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. May 10, 2017. Pew Research Center. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/15120244/CEUP-FULL-REPORT.pdf>(дата доступа: 19.05.2018).

References

Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski: [monografiya] (2017) / [Al. A. Gromyko, V. V. Zhurkin, V. P. Fyodorov i dr.]; pod obshej redakciej Al. A. Gromyko, V. P. Fyodorova. – M., SPb.: Nestor-Istoriya. S. 100–122.

Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie. (2017) Otv. red. I.S. Semenenko. IMEMO RAN. M.: Izd-vo "Ves' mir". S. 338.

Rolz D. (1995) Teoriya spravedlivosti. Nauch.red. V.V. Celishchev. Novosibirsk. Izd-vo Novosibirskogo universiteta. S. 190–191.

Semenenko I. S. (2009) Dilemmy nacional'noj identichnosti: politicheskie riski i social'nye priobreteniya. – Polis. Politicheskie issledovaniya. № 6. S. 17–19.

Tejlor Ch. (2017) Sekulyarnyj vek / Per. s angl. (Seriya "Filosofiya i bogoslovie"). – M.: BBI. – hiv + 967 s.

Eko U. (1997) Pyat' esse na temy etiki. Per. Elena Kostyukovich. Corpus, Astrel'. S. 192.

Five Centuries after Reformation, Catholic-Protestant divide in Western Europe Has faded. Pew Research Center. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/08/12120339/Europe-Protestant-Reformation-08-29-FOR-WEB.pdf> (data dostupa: 19.05.2018).

Many countries favor specific religions, officially or unofficially. October 3, 2017. Pew Research Center. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/09/29162847/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf> (data dostupa: 19.05.2018).

Orthodox Christianity in the 21st Century. November 8, 2017. Pew Research Center. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/12/06135709/Orthodoxy-II-FULL-REPORT-12-5.pdf> (data dostupa: 19.05.2018).

Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. May 10, 2017. Pew Research Center. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/15120244/CEUP-FULL-REPORT.pdf> (data dostupa: 19.05.2018).

Interconfessional Differences in Europe and New Ideological Withstandings

Authors. Lunkin R., Candidate of Science (Philosophy), Senior Fellow at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Head of Center for Religious Studies, Deputy Executive Editor of "Contemporary Europe". **Address:** 11/3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** romanlunkin@gmail.com

Filatov S., Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the project "Encyclopedia of religious life in Russia Today". **Address:** 12, Rozhdesvenka, Moscow, Russia, 07031. **E-mail:** sfilatov2006@yandex.ru

Abstract. The article analyzes basic features of two ideological systems. Their confrontation becomes more evident in the modern western society, especially in European countries. The authors underline the ideology of "new liberalism" with its principles of the political correctness, pluralism, priority of the rights of minorities in the society. This ideology is defined as universalism. This ideological system is confronted by traditionalism or identism that based on the recognition of the values of the traditional family, national peculiarity, the state sovereignty (and connected with it patriotism) and the significance of the role of religion in the modern society and politics. The essence of two worldviews and the character of the political and cultural conflict between them is analyzed on the ground of the sociological survey (by Pew Research Center) on the religious belonging and national identity in Europe. The attitude to religious identity is the best way to demonstrates differences in worldviews. The article emphasizes the idea that the frontiers of two ideologies are blurred. The conclusion is drawn that crystallization of the two ideological camps is a matter of time.

Keywords: Liberalism, traditionalism, problems of identity, secularization, traditionalism, religiosity in Europe, interconfessional relations.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018102113>

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 94(4)

Александр СИДОРОВ

ЕВРОПЕЙСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ФРАНЦИЯ: ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР (ОТ ДЕ ГОЛЛЯ ДО МИТТЕРАНА)

Аннотация. Во Франции в силу особенностей V-й республики президенты играют доминирующую роль в определении и сохранении преемственности внешней политики. Наряду с традиционным вниманием к отношениям Север–Юг и Восток–Запад возрастающее и самостоятельное значение для Франции приобретало европейское строительство. Именно этому аспекту французской внешней политики посвящена статья. Из-за усиления вовлечённости Франции в процессы европейской интеграции, относительного сокращения ресурсов влияния страны в меняющемся мире, всё большие требования предъявляются к личности президента и его окружению. Преемственность европейской политики Франции подверглась испытаниям при пятом президенте Пятой республики, Ф. Миттеране на фоне крушения Ялтинско-Потсдамской системы, объединения Германии, расширения Европейского Союза (ЕС). Решительность и воля Миттерана, связка Миттеран–Коль помогли Франции преодолеть этот этап. Сделан вывод о важности субъективных факторов, прежде всего личности руководителей государства, ответственных за выработку и проведение политики в этих уникальных условиях.

Ключевые слова: европейское строительство, интеграция, голлизм, постголизм, наднациональность, франко-германская ось.

Новоизбранный президент Франции Э. Макрон, в ещё большей мере, чем его выдающиеся предшественники Ш. де Голль и Ф. Миттеран, выделяет евростроительство в качестве краеугольного камня внешней политики. Но “голло-миттерандизм”, который приписывают Э. Макрону, недостижим в полной мере в современном международном контексте для Франции. Очевидно и то, что его европейский подход - апелляция к интересам Европы [Moisi D., 2018] - несёт в себе элементы политики его предшественников. Франция после Второй мировой войны стремилась не просто участвовать в интеграции, а определять её направленность и ставить на службу национальным интересам. Целью двух наиболее уважаемых президентов Франции - Шарля де Голля и Франсуа Миттерана, каждый из которых имел свой глобальный взгляд на политику, было превращение европейской группировки в “трамплин” для усиления влияния Франции. Оба в разных исторических условиях и с разными результатами опирались на франко-германскую ось. Нынешний президент Э. Макрон, вынашивая планы модернизации ЕС, стремится в новых условиях применить деголлевско-миттерановские подходы в европейском строительстве и в области обороны [Discours d'Emmanuel Macron, 2017].

Определяющим для послевоенного руководства Франции стал европоцентричный подход, который носил адаптивный характер, объективные и субъективные черты. В первом случае меняются внешние и внутренние условия, трансформируются старые или формируются новые цели политики. Во втором – проступает зависимость от характера высшей власти, личных качеств и убеждений её лидера. Так, во многом личностными проевропейскими установками Ж. Бидо и Р. Шумана, которые в 1946–1954 гг. руководили внешней политикой Франции, объяснялась преемственность в европейских делах, преобладание интеграционистских тенденций [Barre, 1989: 143].

Роль де Голля, Помпиду, Жискара д'Эстена в европейском строительстве

Господство интеграционистских тенденций конца 1940–начала 1950-х гг. постепенно заменяется тенденцией к координации, которая при первом президенте Пятой республики Ш. де Голле стала определяющей по всем аспектам западноевропейской интеграции, особенно политическим. Взгляды де Голля на европейскую интеграцию оставались в целом довольно устойчивыми. Он изначально был противником наднациональности, ратуя за “Европу отечеств”. В идее наднациональности де Голль видел угрозу суверенитету Франции, своим планам политической организации Западной Европы. Именно с Европой он связывал восстановление величия Франции.

Эта логика привела в середине 1965 г. к политическому кризису Сообщества, формально возникшему из-за общей сельскохозяйственной политики (наиболее затратной статьи бюджета ЕЭС). Фактически же кризис возник из-за разногласий по вопросу наднациональности, к идеям которой, как и к интеграции, де Голль относился с подозрением [Vaïsse, 2009: 18]. В конце президентства де Голля неприятие наднациональности и единогласия определяло подход Франции к любым аспектам сотрудничества.

Отношение де Голля к европейским делам обнаруживает внутреннюю противоречивость. Замкнутость на абсолютный национальный суверенитет, на “величие” Франции стали мощными ограничителями для достижения целей, которые де Голль сам же провозгласил [Uri, 1967: 263]. Парадокс состоял в том, что в политически единой Европе, за что ратовал де Голль и где решения принимались бы единогласно, возможно было лишь моральное лидерство. Результаты, достигнутые Францией на европейском направлении, особенно в конце правления де Голля, вызывали недовольство значительной части политической элиты в стране и за её пределами [Смирнов, 2017: 199–206]. В пост-деголлевский период проявились признаки демонтажа созданной им модели участия Франции в европейском строительстве вообще и её подхода к политическим аспектам этого процесса – в частности. Эти тенденции были менее выражены при Ж. Помпиду (он в большей степени был *вынужден* заниматься финансово-экономическим оздоровлением Франции) и более – при В. Жискара д'Эстене (в том числе в силу личной убеждённости последнего в необходимости развивать европейское строительство).

Накопленный де Голлем “запас жёсткости” в европейской политике позволил президенту Ж. Помпиду расширить поле взаимодействия с европейскими партнёрами по ЕЭС, проявить известную гибкость, в том числе по политическим аспектам евростроительства. Следует также учитывать, что Ж. Помпиду руководил страной уже при поддержке правительственной коалиции, куда входили правые центристы и независимые республиканцы. Избранный с помощью голосов последних, он в силу предварительной договорённости взял на себя инициативу оживления европейского строительства, блокированного Ш. де Голлем с 1965 г. В преодолении застоя интеграции положительную

роль сыграла созванная по инициативе Франции встреча на высшем уровне в Гааге (1969), давшая возможность распространить интеграцию на новые области, получила развитие система Европейского политического сотрудничества (ЕПС), было принято политическое решение о расширении Сообщества. Ж. Помпиду также учитывал, что вступление в ЕЭС Великобритании станет дополнительным препятствием распространению наднациональных тенденций. Стремясь в новых условиях сохранить максимум наследия Ш. де Голля, Ж. Помпиду прилагал усилия и для снижения эффективности создаваемых структур политической координации, попутно торпедируя инициативы европейских партнёров, например, голландской инициативы (1972) прямых выборов в Европейский парламент (ЕП). К тому же он, как и Ш. де Голль, был привержен идее о том, что Франция способна и в одиночку решать сложные военно-политические проблемы. Выборы 1974 г. означали не просто смену президента, провозгласившего “эру перемен” [Fabre-Luce, 1974: 26], а начало нового этапа политической жизни Франции, постголлизма.

Президент В. Жискар д’Эстен, убеждённый европеист, был настроен на развитие политической интеграции: преодолеть “Европу государств”, не доходя до наднациональной Европы [Gerbet, 1983: 438]. Он предложил своего рода третий путь, стремясь сочетать два подхода – межправительственный и на уровне Сообщества. Понятие независимости для него не имело такого “сакрального” смысла, как для Ш. де Голля и Ж. Помпиду: он выступал скорее против отношений зависимости [Cousté, Visine, 1974: 61; Giscard d’Estaing, 1976: 276]. При нём во внешней политике европейское строительство вышло на первый план. В. Ж д’Эстен отдавал себе отчёт, что любая инициатива по оживлению европейского строительства затрагивает вопросы суверенитета, свободы принятия решений, перераспределения полномочий. И Франция выступила с инициативой совершенствовать политико-институциональный механизм путём создания новой структуры вне рамок Римского договора, существенно не меняя принцип принятия решений и не отменяя Люксембургского компромисса. Так в декабре 1974 г. был создан единый высший орган с политическими и экономическими функциями – Европейский совет глав государств и правительств, что было несомненным шагом вперёд.

Технически можно было бы добиться прорыва в деле повышения эффективности существующих институтов Сообщества и достижения политического единства, например, поддержав инициативу премьер-министра Бельгии Л. Тиндемаса, где основой механизма принятия решений выступали средства принуждения [Tindemans, 1976: 16] и юридически обязывающий их характер. Доклад Тиндемаса, внешне сдержанный и реалистичный, глубоко затрагивал вопросы внешней политики и безопасности, обеспечивать которую Франция рассчитывала сама, руководствуясь своими оценками ситуации и степени риска. Франция при В. Жискар д’Эстене добилась перераспределения полномочий в пользу Европейского совета за счёт ослабления роли Комиссии европейских сообществ (КЕС), надолго закрепив в европейском строительстве принцип межправительственного сотрудничества (в духе де Голля), выводя из обсуждения на высшем уровне проблематику безопасности.

“Обезопасив” тем самым Францию от неблагоприятного для неё развития событий внутри Сообщества, В. Жискар д’Эстен проявил активность на других направлениях: осуществил ревизию официальной французской позиции, согласившись на проведение прямых всеобщих выборов в ЕП (сентябрь 1976) в расчёте на оживление процессов интеграции; на ослабление дезинтеграционных тенденций.

Наконец, учитывая “в высшей степени политический характер” построения валютной Европы [Biron, 1978], он вместе с канцлером ФРГ выступил в апреле 1978 г. с проектом создания Европейской валютной системы (ЕВС).

Миттеран: между преэминентностью и реалиями евростроительства

Президент Франсуа Миттеран - оппонент Ш. де Голля, вначале пытался поступать, исходя из деголлевского приоритета национального над общеевропейским. Недооценивая уже достигнутую степень вовлечённости Франции в процессы европейской интеграции (значительно большую, по сравнению с периодом Ш. де Голля), Ф. Миттеран стал действовать без учёта экономических и политических реалий [Сидоров, 2016]. Проводимая в рамках “социалистического эксперимента” политика оказалась в своего рода противофазе по отношению к европейским партнёрам. Масштабные национализации, резкий рост социальных расходов и другие подобные меры не улучшили положения в экономике Франции. Попытки её перезапуска без учёта международного контекста провалились [Франция, 2007: 112-113; Duchaussoy, Galeazzi, 2011]. Позже Ф. Миттеран признал, что это была неизбежная плата за реализацию лозунга “Изменить жизнь” [Attali, 2016: 161].

“Сиюминутный” подход Ф. Миттерана к европейской проблематике привёл к выдвиганию им идеи европейского социального пространства, казалось бы, выигрышной с точки зрения усиления европейской сплочённости, но не получил нужной поддержки европейских партнёров. О недооценке французским руководством в тот период положения дел в евростроительстве говорит и то, что рассмотрение социального измерения стало возможным лишь после заседания Европейского совета в Фонтенбло (1984); выпуска Белой Книги (1985), подписания Единого европейского акта (1986).

В марте 1983 г. Миттеран сделал трудный выбор, сохранив членство страны в ЕВС, несмотря на уговоры своих “вечерних посетителей” – Л. Фабиуса, Ж.-П. Шевенемана и др. – покинуть её [Noblecourt, 2013]. Это решение (после двух девальваций франка в 1981–1983) было личным политическим решением Ф. Миттерана, означавшим его окончательный выбор в пользу Европы, – решением направить усилия на поиски коллективного выхода из кризиса [Duhamel, 1989: 211]. Параллельно Миттеран привлекал политический потенциал других стран, особенно ФРГ, максимально задействуя личностный фактор. После его встречи с канцлером Германии Г. Колем (октябрь 1982) можно говорить о новом качестве франко-западногерманских отношений.

Рукопожатие Ф. Миттерана и Г. Коля в сентябре 1984 г. в Вердене при посещении воинских мемориалов символизировало не только духовно-нравственное схождение двух великих европейцев и политических прагматиков [L'Europe, 2010]. За этим жестом стояла накопленная критическая масса двусторонних проектов в военно-политической, технологической и других областях. В мае 1985 г. Ф. Миттеран заявил Г. Колю: “Ось политики Франции – это Европа, а ось Европы – это франко-германская дружба” [Attali, 2016: 291]. В 1980-е гг. соотношение сил Восток–Запад, идея европейского равновесия, по мнению ряда экспертов, целенаправленно подрывались [Schmidt, 1983: 305], и сам Миттеран очевидно разделял такие оценки.

Столкнувшись в процессе размещения евро ракет с внутривнутриполитическими трудностями, ростом напряжённости в обществе под воздействием мощной пацифистской кампании, кабинет Г. Коля получил решительную, “важнейшую”, по оценке Коля, поддержку со стороны Ф. Миттерана [Giesbert, 1996: 117]. В своей речи в Бундестаге (ян-

варь 1983) он подчеркнул, что именно равновесие сил служит здоровой основой отношений с восточноевропейскими странами. Франция своей поддержкой ФРГ способствовала тактичной, без потери лица последней, постановке её в общезападный, европейский строй.

По мнению французского политика и исследователя, президента Института Франсуа Миттерана Ю. Ведрина, Ф. Миттеран поддержал тогда Коля из соображений “европейского патриотизма”, заботясь скорее о безопасности Европы, нежели из соображений “атлантизма” [Témoignage, 2016]. Примечательно, что во многом из-за позиции Франции благоприятный для канцлера Г. Коля исход голосования по евроракетам на время блокировал излишне самостоятельную и активную в её глазах немецкую “восточную политику” [Симычев, 1988: 124]. Опасения эти, как показали дальнейшие события конца 1980-х гг., были небеспочвенны.

В речи в Бундестаге Ф. Миттеран отмечал также необходимость достижения внутренней сплочённости и солидарности европейцев; призывал оценивать значение Сообщества для его участников не только с финансовой стороны; предлагал выйти за рамки Европы экономической, не допустить её превращения “в рыхлую зону свободной торговли” [Discours... 20 janv. 1983]. Фактически Миттеран изложил там основы своего видения развития ЕЭС, обосновывал необходимость качественного рывка в европейском строительстве. Многие элементы этого видения перекликались с подходом Л. Тиндемманса, чей доклад был “положен под сукно” 8 лет назад. По мнению последнего, Европа будет на правильном пути лишь тогда, когда европейское измерение станет постоянно присутствовать в умах руководителей, когда будут преодолены “барьеры в головах” [Tindemans, 1976: 27]. Ф. Миттеран, очевидно, сумел преодолеть этот барьер.

Миттеран–Коля–Делор: от Фонтенбло к Единому Европейскому Акту

Общая ситуация в группировке оставалась сложной. К моменту прихода Ф. Миттерана к власти в 1981 г. она уже три года не могла найти решение проблемы британского взноса. Правительство М. Тэтчер блокировало под этим предлогом любые европейские инициативы, практически “взяв Европу в заложники” [Musitelli, 2004]. По исторической иронии, подход Великобритании к европейской проблематике, правда в новых условиях, напоминал деголлевскую политику “пустого кресла”. Именно Ф. Миттеран – руководитель страны, действия которой привели в 1965 г. к Люксембургскому компромиссу и восстановлению принципа принятия решений консенсусом [Борко, 2016: 224] – осудил избыточное применение правила единогласия (май 1984). Чтобы “вытащить Сообщество из трясины” [Guigou, 2004], требовался не просто решительный, а совместный франко-германский демарш. Успеха удалось добиться в 1984 г. в период председательства Франции в ЕС, в ходе июньского саммита в Фонтенбло. Франция согласилась на скидку с взносов в Общий бюджет Сообщества для Великобритании и (что афишировалось меньше) для ФРГ. Ф. Миттеран тактически переиграл “железную леди” при поддержке Г. Коля: именно его поддержка позволила пойти на риск и ничего не менять в заключительном тексте полупровального Брюссельского саммита (март 1984) [Saunier, 1984].

В результате совместного нажима Ф. Миттерана и Г. Коля в Фонтенбло М. Тэтчер была вынуждена пойти на компромисс, удалось снять разногласия по остальным шестнадцати проблемам (по бюджету, реформе общей сельскохозяйственной политики, финансированию программы Эсприт, расширению Сообщества и др.). По итогам саммита

в Фонтенбло Франция возглавила группу политически активных стран, определяющих темпы и глубину евростроительства. Личной заслугой Ф. Миттерана стало успешное продвижение путём личных неформальных контактов кандидатуры будущего председателя КЕС. К “невероятному совпадению” [L'Europe, 2010] личностей Ф. Миттерана и Г. Коля вскоре добавится фигура председателя КЕС (1985–1995) Ж. Делора, образовав уникальное трио политических тяжеловесов-европеистов – ситуация, которая более не повторялась. Ж. Делор в полной мере использовал эту исключительную ситуацию.

Европеизм Ж. Делора и Ф. Миттерана имел свои оттенки. Ж. Делор на посту председателя КЕС мог позволить себе “не отвлекаться” на интересы Франции. Проблемы внутривластной и внутрипартийной борьбы его затрагивали в меньшей степени, чем Ф. Миттерана. Европейский вектор Ж. Делора был скорее Европа–Франция, в то время как у Ф. Миттерана – Франция–Европа. Президент Франции предложил кандидатуру Ж. Делора на пост главы КЕС, выведя его из внутривластной жизни, где тот был неудобной, слишком независимой фигурой. Должность, например, премьер-министра, которую тот не принял в 1984 г. в такой форме, что вызвал раздражение Ф. Миттерана [Attali, 2016: 153–154]), в отличие от министра экономики или финансов, гораздо более политическая, со всеми вытекающими последствиями.

На посту председателя КЕС Ж. Делор развил активную деятельность, особенно заметную на фоне предыдущего невнятного руководства Комиссией. Правда, как он сам признавал, возрождение Сообщества путём создания единого европейского рынка проходило в условиях благоприятной экономической конъюнктуры и оптимизма: в 1985–1990 гг. там было создано 12 млн. раб. мест [Delors, 2012]. Промышленные инвестиции, которые в 1982–1984 гг. держались на одном уровне, в 1985–1987 гг. показали среднегодовой прирост в 3,5%, а в 1988–1990 гг. – 7,5% [Grant, 1994: 81]. При этом единый рынок был для Ж. Делора не самоцелью, а средством достижения цели более высокого порядка – политического союза. Эту свою убеждённость он, как и Миттеран, пронёс и защищал в течение всего срока своих полномочий. Связав выполнение задач Белой книги 1985 г. с институциональными изменениями (внесением поправок в Римский договор), Ж. Делор получил рычаг воздействия на правительства стран ЕЭС. Свою роль сыграло и его исключительное умение находить компромиссы. По предложению Ф. Миттерана была признана необходимость выработки договора о европейском политическом сотрудничестве и внесения изменений в Римский договор для принятия решением большинством голосов по всем законам, касающимся единого рынка.

В итоге главы десяти правительств одобрили два документа: обновлённый Римский договор о ЕЭС, с лаконичным пассажем об Экономическом и валютном союзе (ЭВС), и новый межправительственный договор о Европейском политическом сотрудничестве (ЕПС). Объединённые общей преамбулой, чтобы подчеркнуть общность задач ЕПС и Сообщества в строительстве союза, они стали именоваться Единым европейским актом (ЕЕА). ЕЕА изменил распределение полномочий, сместив их от национальных правительств к учреждениям Сообщества. И хотя там отсутствует перечисление целей, принципов и содержания внешней политики, при всех своих минусах это был юридически закреплённый шаг вперёд на пути к политической Европе. Именно так восприняли ЕЕА французские руководители. В речи Ф. Миттерана по случаю 40-летия Европейского конгресса (май 1988) выполнение положений ЕЕА было выделено в качестве первоочередной задачи евростроительства.

На пути к Маастрихту

В 1987 г. Ж. Делор предложил принять, а в 1988 г. добился одобрения комплекса мер по долговременной (на период до 5 лет) финансовой стабилизации ЕЭС (т.н. «Пакет Делора»). Он же убедил Г. Коля оплатить большую часть счёта по реализации этой инициативы. Франция активно лоббировала проект ЭВС на основе доклада Ж. Делора (апрель 1989): «ЭВС по своим конечным целям находится на пересечении экономической и политической интеграции»; выступает как обязательный фактор, способствующий оживлению европейского строительства и обеспечению его политического динамизма [Delors, 1989]. Ф. Миттеран позднее уточнил: «Поиск равновесия между экономическим и политическим союзом станет... мощным фактором политической интеграции, что приведёт нас к основательному пересмотру порядка функционирования наших институтов». Создание ЭВС «будет означать, что сделан шаг на пути к ясной цели – политическому союзу Сообщества» [Discours... 25 oct. 1989].

Планомерную работу (одобрение «пакета Делора» в 1988 г., подготовка к обсуждению создания ЭВС) нарушили радикальные геополитические изменения в Европе и мире – объединение Германии, развал СССР [Рубинский, 2017: 69]. Под их влиянием произошёл поворот Ф. Миттерана к форсированному политическому объединению стран ЕЭС. Падение берлинской стены (октябрь 1989) внесло коррективы в и без того плотный рабочий график Ф. Миттерана, Г. Коля и Ж. Делора. Предстояло практически одновременно решить ряд задач: реализовать ЭВС, преодолеть дуализм расширение/углубление ЕЭС, урегулировать проблемы, связанные с его политическим устройством.

Критики Ф. Миттерана, особенно после его ухода из политики, отмечали, что он не всегда успевал за событиями, особенно в начальный их период – событиями, которые, прямо скажем, случаются с политиками раз в жизни. Ф. Миттеран, однако, сумел главное: сделал германское объединение мощным мультипликатором процесса европейской интеграции (включая ЭВС) на самом сложном и ответственном этапе, конвертировав экономическую и финансовую мощь ФРГ в интересах Франции и Европы. Ещё со времён доклада Л. Тиндемана было очевидно, что политический союз автоматически не вытекает из интеграции экономик, за него надо бороться. В справедливости этого утверждения и Ж. Делор, и Ф. Миттеран имели возможность убедиться в ходе Межправительственной конференции (МПК) по политическим аспектам будущего Маастрихтского договора. В этой области не было подготовлено чего-либо похожего на чёткий доклад Ж. Делора по единой валюте, который можно было бы взять за основу, что стало одной из причин разногласий острой дискуссий. Возобладала точка зрения, в основе которой лежали франко-германские представления об общей внешней политике и политике безопасности – одной из опор Маастрихтского договора [Европейская... 2016: 414–441]. Переговорщики от Франции (в духе Ш. де Голля) подчёркивали, что в этих областях неприменимы обычные (большинством голосов) процедуры принятия решений. Межправительственный подход служил дополнительным аргументом для сомнеющихся.

Ж. Делор же в ходе МПК предлагал более амбициозный, с его точки зрения, проект политического договора, где институциональный центр тяжести смещался в сторону федерализма и наднациональности. Проект не был поддержан, в том числе и Ф. Миттераном (не говоря уже о М. Тэтчер), выступавшим за межправительственный принцип сотрудничества и усиление роли Европейского совета. Вместе с тем усиление прерогатив Европейского совета в условиях господства правила единогласия приводило к относительно низкой дееспособности общей внешней политики, особенно в условиях внешних кризисных ситуаций, что неоднократно подтвердилось позднее. Таким образом,

несмотря на усилия Франции, подкреплённые мощным германским потенциалом, группировке тогда не удалось получить мобильный и эффективный инструмент для осуществления коллективной воли. Скорее всего, учитывая, что на любой стадии развития политического союза будут существовать особые национальные интересы, во внешнеполитической области придётся довольствоваться совместными акциями, исключив понятие общей внешней политики из внешнеполитического арсенала. Ф. Миттеран, Г. Коль и Ж. Делор (последний был вынужден искать поддержку как у Ф. Миттерана – в переговорах по ЭВС, так и у Г. Коля – в дискуссиях по политическому союзу) внесли огромный личный вклад в то, чтобы Маастрихтский договор стал реальностью. Отдельной заслугой Ф. Миттерана стало утверждение на одном из последних заседаний Маастрихтской встречи даты введения евро – не позднее 1 января 1999 г. Историки, говорил Ж. Делор, считают фиксацию этой даты главным достижением Маастрихта [Delors, 2012].

В ходе продвижения Маастрихтского договора Франция шла на уступки. В их числе – согласие на свободное движение капиталов, на расширение полномочий ЕП и др. И всё-таки это был совместный “франко-германский ответ на проблему воссоединения Германии” [Bozo, 2005: 325], пусть и с признаками сделки. Ф. Миттеран проявил тогда такую настойчивость и силу убеждения, что и Г. Коль смог в 1991 г. произнести: “Германия – наша родина, Европа – наше будущее”, тем самым подтвердив приверженность идее политического союза, углублению интеграции. Коль перефразировал слова Ф. Миттерана: «Франция – наша родина, Европа – наше будущее», сказанные в 1986 г. и ставшие девизом его второго мандата. В 1996 г. Г. Коль подчёркивал невозможность решения глобальных проблем XXI в. на уровне национальных государств [Murray, 2017: 6]. Без личной вовлеченности Ф. Миттерана, для которого успех Франции и Европы были неразделимы, трудно представить благоприятный исход Маастрихтских соглашений: убежденность в правильности европейского выбора была одной из причин его успехов.

Случались и неудачи, например, с проектом европейской конфедерации (1989). В условиях объединения Германии и развала советской системы в Восточной Европе, породивших риски для углубления интеграции, проект (результат личного восприятия таких рисков Ф. Миттераном) был выдвинут им без участия ближайшего окружения, без предварительной консультации с Колем. Одним из главных мотивов такой инициативы, с точки зрения Ф. Миттерана, была необходимость исключить поспешную интеграцию новых стран в существующие, но недостаточно окрепшие структуры ЕЭС-12. “Новые расширения не должны тормозить развитие Союза или подвергать его опасности”, – утверждалось ещё в докладе Л. Тиндемманса [Tindemans, 1976: 36]. Того же мнения придерживались Ф. Миттеран и Ж. Делор. Последний, в отличие от большинства членов КЕС, лично поддержал этот проект. Г. Коль же верил, что ЕЭС способен одновременно и расширяться, и углублять сотрудничество.

Ф. Миттеран предлагал создать новую общеевропейскую структуру, не подменяющую собой существующие, где 12 членов играли бы роль активного ядра в ходе переходного периода и адаптации для стран Восточной Европы. Идея таким образом и в этом аспекте отвечала представлениям Ж. Делора о Европе “концентрических окружностей”. Отдал ей должное и нынешний председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер [Livre Blanc, 2017: 20-21]. Идея не потеряла актуальность, учитывая стремление президента Франции Э. Макрона придать новое качество сотрудничеству в рамках существующей еврозоны.

Проект Миттерана, всё же не получил развития, несмотря на основательную дипломатическую и организационную подготовку: в 1990 г. были урегулированы проблемы объединения Германии, сняты германо-советские и германо-польские разногласия,

проведена Парижская встреча СБСЕ, знаменующая конец холодной войны. Деструктивную роль, однако, сыграли негативная позиция США, торпедировавших саму идею европейской конфедерации; скорее нейтральная позиция Германии; опасения конкуренции со стороны существующих европейских структур. Главным фактором, как представляется, было непонимание Ф. Миттераном – западноевропейским политиком, в отличие от молодых восточноевропейских, – боязни восточного соседа. С точки зрения последних, сделать изменения необратимыми, а свободу – реальной, могли только США и НАТО. Так проект европейской конфедерации – персональный французский ответ на события в Восточной Европе – ушёл в политическое небытие.

* * *

Личности президентов оказывали решающее влияние на отношение Франции к европейскому строительству. Ш. Де Голль выступал за преобладающий межгосударственный подход, что на определённом этапе вошло в противоречие с ходом событий в самой Франции и Европе. Эволюция в направлении интеграции шла постепенно: менее выражено у Ж. Помпиду, более явно – у В. Жискара д'Эстена. Однако при них Франция не продемонстрировала качественного рывка в евростроительстве. Ситуация стала меняться с приходом Ф. Миттерана, особенно в период его второго мандата, и с появлением наряду с ним фигур Ж. Делора и Г. Коля. Длительное взаимодействие трёх этих политических деятелей само по себе явление уникальное и ассоциируется с самым динамичным и продуктивным этапом евроинтеграции. После Маастрихтского договора ситуация стала меняться. С последовавшими расширениями (от ЕС-12 до ЕС-27), политической автономизацией (Вышеградская группа и др.) уменьшался к.п.д. Союза, трансформировалась природа первоначально успешного, мобилизующего проекта. Поиск рационального общего решения продолжается до сих пор.

Список литературы

Борко Ю.А. (2016). Франция в европейской интеграции: эволюция концепций и политики (1950–2015) / Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН.

Европейская интеграция (2016). Под ред. О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова. М.: Деловая литература.

Рубинский Ю.И. (2017). Франко-германский тандем: прошлое и будущее. М.: Институт Европы. Доклад № 340.

Сидоров А.С. (2016). Участие Франции в европейской политической интеграции в период президентства Франсуа Миттерана. ЭНОЖ “История”. Т. 7. Вып. 10 (54). URL: <https://history.jes.su/s207987840001737-9-1>

Симычев М.К. (1988). Соседи по Рейну вчера и сегодня. Очерк истории франко-германских и франко-западногерманских отношений. М.: Междунар. отношения.

Смирнов В.П. (2017). Образы Франции. История, люди, традиции. М.: Ломоносовъ.

Франция. В поисках новых путей (2007). Под ред. Ю.И. Рубинского. М.: Весь мир.

References

Attali J. (2016). C'était François Mitterrand. P.: Pluriel.

Barre R. (1989). Au tournant du siècle. Principes et objectifs de politique étrangère. P.: PLON.

Biron D. (1978). Le mark souverain. Le Monde diplomatique. Novembre.

Bozo F. (2005). Mitterrand, la fin de la Guerre froide et l'unification allemande: de Yalta à Maastricht. P.: Odile Jacob.

Costé P.B., Visine F. (1974). Pompidou et l'Europe. P.: Librairies techniques.

Delors J. (2012). Les 20 ans du traité de Maastricht. Bruxelles. 7 février.

Discours d'Emmanuel Macron sur la Défense le 18 mars 2017. URL: <https://en-marche.fr/articles/discours/emmanuel-macron-discours-sur-la-defense-programme-hotel-arts-et-metiers>

Discours de M. François Mitterrand... devant le Parlement Européen... 25 octobre 1989. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/897023500.html>

- Discours de Jacques Delors (Bruges, 17 octobre 1989). URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2002/12/19/5bbb1452-92c7-474b-a7cf-a2d281898295/publishable_fr.pdf
- Duchaussoy V., Galeazzi F. (2011). Le gouvernement de la gauche face aux difficultés économiques. La lettre. 22 août. URL: <http://www.mitterrand.org/Le-gouvernement-de-la-gauche-face.html>
- Duhamel A. (1989). Les habits neufs de la politique. P.: Gallimard.
- “L'Europe est face à son test le plus important” – L'appel de Jacques Delors aux Européens. Challenges. 06.05.2010. URL: https://www.challenges.fr/magazine/l-europe-est-face-a-son-test-le-plus-important-l-appel-de-jacques-delors-aux-europeens_348031
- Fabre-Luce A. (1974). Les cent premiers jours de Giscard. P.: Laffont.
- Grant Ch. (1994). Delors: Inside the House that Jacques Built. Nicholas Brealey Pub.
- Gerbet P. (1983). La construction de l'Europe. P.: Imprimerie nationale.
- Giscard d'Estaing V. (1976). La démocratie française. P.: Broché.
- Guigou E. (2004). Le Traité de Maastricht: la dernière grande œuvre européenne de François Mitterrand. URL: <http://www.mitterrand.org/Le-Traite-de-Maastricht-la.html>
- Livre Blanc sur l'avenir de l'Europe (2017). Mars.
- Moisi D. (2018). Macron à l'épreuve de la complexité du monde. Les Echos. 14.01.2018.
- Murray D. (2017). The Strange Death of Europe: Immigration, Identity, Islam. L.: Bloomsbury Continuum.
- Musitelli J. (2004). François Mitterrand, l'europeen. La lettre de l'Institut François Mitterrand. Publ. trimestr. No 8. Juin. URL: <http://www.mitterrand.org/francois-mitterrand-l-europeen.html>
- Noblecourt M. Mort de Pierre Mauroy, figure de la gauche socialiste. Le Monde. 07.06.2013.
- Schmidt H. (1983). Une stratégie pour l'alliance. Politique étrangère. A. 48. No 2.
- Saunier G. (2004). Les retrouvailles de Fontainebleau: la politique européenne de François Mitterrand de 1981 à 1984. La Lettre No 8. URL: <http://www.mitterrand.org/Les-retrouvailles-de-Fontainebleau.html>
- Témoignage d'Hubert Védrine sur François Mitterrand et la Russie (2016). Международная научная конференция “Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания XVIII–XX вв.”. Москва, ИВИ РАН, 9–11 ноября.
- Tindemans L. (1976). L'Union européenne. Rapport au Conseil européen (29 décembre 1975). Bulletin des Communautés européennes. Suppl. 1/76.
- Uri P. (1967). Pour gouverner. P.: R. Laffont.
- Vaïsse M. (2009). La puissance ou l'influence? La France dans le monde depuis 1958. P.: Fayard.

European Construction and France: Personal Factor (From De Gaulle to Mitterrand)

Author. Sidorov A. Independent military politologist. P.G. Demidov Yaroslavl State University. **Address:** ul. Sovetskaya, 10, Yaroslavl 150000, Russia. **E-mail:** alexandres.sidorov@gmail.com

Abstract. In France, due to the peculiarities of the Fifth Republic, presidents play a dominant role in determining and maintaining the continuity of foreign policy. Along with the traditional attention to the North–South and the East–West relations, the European construction gained increasing and independent significance for France. The article deals with this aspect of French foreign policy. Increasing demands have been applied to the personality of presidents and their entourage due to the growing involvement of France in the European integration processes and to the relative decrease in the resources at the country's disposal. The continuity of France's European policy was tested under the fifth president of the Fifth Republic F. Mitterrand during the collapse of the Yalta-Potsdam system, the unification of Germany, the enlargement of the European Union. The determination and will of Mitterrand and the Mitterrand-Köhl bond helped France to overcome these difficulties. The author draws a conclusion about the importance of subjective factors, first of all – the personality of the leaders of the State, responsible for the development and implementation of the policy.

Key words: European construction, Integration, Gaullism, Post-Gaullism, supranationality, Franco-German axis.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018115124>

УДК 327, 339.9

Владислав БЕЛОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Весной 2018 г. в Германии был избран федеральный канцлер, сформировавший новое правительство, в России – президент, обновивший кабинет министров. Оба лидера заявили о необходимости продолжения конструктивного диалога между нашими странами. Эти события произошли на фоне существенного ухудшения отношений РФ с коллективным Западом, в первую очередь, с США. Одновременно обострились проблемы в торгово-экономическом трансатлантическом сотрудничестве. Наряду с введением Соединёнными Штатами заградительных пошлин на сталь и алюминий появилась угроза применения американских экстерриториальных санкций к немецким и другим европейским компаниям. Автор анализирует перспективы российско-германских отношений в условиях новых и прежних вызовов и даёт рекомендации по их дальнейшему развитию.

Ключевые слова: Россия, Германия, Евросоюз, США, российско-германское сотрудничество, Минские соглашения, санкции.

Март 2018 г. стал особенным для российско-германских отношений. 12 марта был подписан (согласованный ещё в начале февраля с.г.) коалиционный договор между блоком ХДС/ХСС и СДПГ. 14 марта по представлению федерального президента Ф.-В. Штайнмайера бундестаг избрал А. Меркель главой правительства ФРГ, которое она сформировала в соответствии с партийными договорённостями. Спустя 4 дня граждане России проголосовали за В.В. Путина как президента страны. Для обоих лидеров – это возможность проявить себя в четвёртый раз: для немецкого – как федерального канцлера, российского – как главы государства, в т.ч. в сфере сотрудничества между РФ и ФРГ. От их личного вклада во многом зависит его дальнейшее поступательное развитие.

Эти события произошли на фоне резко ухудшившихся отношений между Россией и Западом, обусловленных так называемым “делом Скрипалей”, бомбарди-

ровкой Сирии в связи с мнимой химической атакой и усилением санкционного давления со стороны США на высшую российскую политическую и экономическую верхушку. Фактически исчезли красные линии в диалоге РФ с коллективным Западом, стороны перестали слышать друг друга и воспринимать посылаемые сигналы. Жёсткие секторальные санкции Министерства финансов США от 6 апреля с.г. в отношении ряда российских гражданских и юридических лиц ещё больше обострили ситуацию. Впервые они напрямую затронули интересы компаний из третьих стран, в первую очередь, европейских. Опасения немецкого бизнеса в связи с принятием 2 августа 2017 г. Закона США САATS подтвердились - его субъекты попали под прямое влияние ограничительных мер Америки, в связи с чем резко выросли риски экономического сотрудничества с Россией. Российско-германская хозяйственно-политическая кооперация неожиданно стала составной частью германо-американского дискурса. А. Меркель во время короткой встречи с Д. Трампом 27 апреля 2018 г. по просьбе своего предпринимательского сообщества обсудила возможности введения исключений для нового санкционного режима, но не встретила понимания американского президента.

Россия в коалиционном договоре

Принципы отношений нового правительства Германии с РФ изложены в пункте 4 раздела XII коалиционного договора [Ein neuer Aufbruch für Europa, 2018]. В нём указывается, что ФРГ заинтересована в хороших отношениях с нашей страной и в тесном взаимодействии для обеспечения мира и урегулирования важнейших международных вызовов. Особо подчёркивается наличие большого потенциала сотрудничества в торгово-экономической области и существенный интерес к кооперации в гражданско-общественной сфере. Социал-демократам удалось настоять на том, чтобы наряду с упоминанием необходимости выполнения Минских соглашений речь шла и о возможном смягчении санкций по мере их реализации. Не исключено, что именно благодаря СДПГ внесено положение об общем экономическом пространстве от Лиссабона до Владивостока – идея, высказанная в своё время Р. Проди, всегда поддерживалась российской стороной.

У партнёров по правительственной коалиции существуют внутрипартийные особенности восприятия восточного вектора внешней политики. Их сближает уход из бундестага и активной политической жизни корифеев остполитик, определявших в последние годы содержание российско-германского диалога на разных уровнях, и приход молодого поколения, объективно не пропитанных духом Московского договора и разрядки времён Вилли Брандта. Снизился профессиональный уровень восприятия сути отношений между нашими странами. Одновременно существенно вырос прагматизм. Примером является назначение на пост уполномоченного федерального правительства по отношениям с Россией, странами Восточного партнёрства и Средней Азии Дирка Визе – молодого социал-демократа (34 года), для которого восточный вектор ауссенполитик выглядит как чистый лист бумаги.

Партии коалиции различает подход к России – у блока он более жёсткий в сравнении с социал-демократами, в целом сохраняющих верность принципам остполитик. Не случайно, они подвергли критике своего однопартийца Х. Мааса, нового министра иностранных дел за явный отход в первые недели своей деятельно-

сти от этих принципов. Кстати, он учёл это при рабочем визите в Россию – в ходе переговоров 10 мая с.г. с коллегой С.В. Лавровым было достигнуто взаимопонимание по большинству международных вопросов. После этого руководство партии выразило поддержку относительно жёсткой позиции главы внешнеполитического ведомства.

Важно, что в коалиционном знаменателе – стремление к последовательному улучшению отношений с важнейшим политическим и экономическим игроком на постсоветском пространстве евразийского континента, сокращению конфронтационного потенциала и усилению взаимодействия по всем важнейшим направлениям.

Политические аспекты сотрудничества

Рабочая встреча российского и немецкого лидеров в Сочи 18 мая 2018 г.¹ подтвердила этот факт – и А. Меркель, и В.В. Путин охарактеризовали взаимные отношения как хорошие и положительно оценили перспективы их развития во всех сферах. Это произошло на фоне отрицательной оценки многими отечественными и немецкими экспертами состояния двустороннего сотрудничества, которые как накануне встречи, так и после неё состязались в уровне негативности характеристик – от “глубокого кризиса” до “полного взаимного непонимания и недоверия” [Андрей Кортунов; Дмитрий Тренин; Дмитрий Стратиевский; Штефан Майстер, Liana Fix, 2018]. И, если российские СМИ, начиная с мая 2017 г., в целом занимают нейтральную позицию по отношению к Германии и её политическому истеблишменту, то в германском общественно-политическом дискурсе преобладают негативные оценки и критический настрой к освещению событий в России.

У РФ и ФРГ всегда было своё отношение к большинству вопросов международной безопасности, особенно к причинам возникновения конфликтов и путям их разрешения. Но всегда присутствовало стремление к взаимному обсуждению и пониманию позиций друг друга. На разных этапах нашего сотрудничества степень взаимопонимания существенного различалась. Низшей точки она достигла весной-осенью 2014 г. и стала постепенно возрастать с февраля 2015 г. В Сочи это проявилось в оценке сирийского, иранского и украинского кризисов. При ряде принципиальных различий были найдены точки соприкосновения, которые должны послужить для продолжения диалога на политическом и экспертном уровне. Например, прозвучала необходимость возрождения контактов по линии НАТО-Россия.

Немецкий политический истеблишмент по-прежнему не признаёт Крым в качестве субъекта РФ, считает его переход в другую государственную юрисдикцию аннексией и грубым нарушением норм международного права, осуждает участие России в поддержке непризнанных республик Донбасса. Большинство его представителей настаивает на ведущей роли нашей страны в выполнении Минских соглашений, к которым привязана основная часть санкционного режима Евросоюза. Во многом с этим связана жёсткая позиция А. Меркель в отношении невозможности возврата России в клуб ведущих мировых держав.

¹ Примечательно, что в этот день В.В. Путин утвердил новый состав правительства РФ. В Сочи А. Меркель также пообщалась с Д.А. Медведевым и С.В. Лавровым.

Отметим различия в подходах к РФ представителей оппозиционных партий в бундестаге. Традиционно наиболее жёсткую позицию занимают “зелёные”, делающие упор на демократических ценностях и правах человека и призывающих сохранить санкционный режим. Либералы занимают относительно сдержанную позицию. Придерживаясь ценностного подхода, они выступают за постепенное смягчение санкций по мере выполнения Минских соглашений. Во многом про-российски настроены представители партий “Левая” и “Альтернатива для Германии”. Последняя призывает признать Крым частью Российской Федерации. Депутат Робби Шлунд от “АдГ” (у этой партии – крупнейшая оппозиционная фракция) возглавил рабочую группу по отношениям между бундестагом и Государственной думой („Группа дружбы“). Данный факт ставит под вопрос эффективность её функционирования со стороны нижней палаты немецкого парламента – большинство членов бундестага не хотят сотрудничать с российскими коллегами под руководством “Альтернативы”.

Экономическая кооперация

Непосредственно со сферой политики связана экономика – в 2017 г. был достигнут явный прогресс: почти на 20% вырос российско-германский внешнеторговый оборот, увеличились взаимные капиталовложения в форме прямых инвестиций [Белов В.Б. Хозяйственно-политические успехи, 2018]. В экономической сфере приоритет объективно принадлежит энергетике. Здесь у обеих сторон есть профессиональное понимание основ энергетической безопасности России, Германии и Евросоюза, а также стремление исключить из неё политические факторы. Руководство ФРГ с весны 2018 г. проявляет себя явным лоббистом Украины. Оно неоднократно обращалось к России с просьбой наряду с будущими поставками газа через “Северный поток – 2” сохранить транзит через украинскую газопроводную систему. В.В. Путин, вполне корректно и положительно отреагировав в Сочи на просьбу А. Меркель, подчеркнул, что в этом вопросе решающим должна быть экономическая обоснованность транзитных поставок газа. Одновременно он выразил понимание позиции американского президента, открыто лоббирующего интересы своих углеводородных компаний на европейских рынках. Контекст понятен: в этих целях Д. Трамп использует политический инструментарий (через санкционное давление), против которого выступает Европа [Владислав Белов, 2018].

Негативно оценив последствия возможных экстерриториальных американских санкций, оба лидера констатировали, что на сегодняшний день у Германии, ЕС и России нет адекватных ответов на них. Накануне сочинских переговоров председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер в Софии заявил о задействовании с 18 мая с.г. так называемого Блокирующего Статута ЕС от 1996 г., призванного нейтрализовать экстерриториальные эффекты ограничительных мер США. Россия подготовила свой Закон о противодействии, вступивший в силу 5 июня с.г. Его проект вызывал серьёзные опасения и отечественного и европейского бизнеса. По запросу немецких компаний федеральный канцлер обратилась к президенту РФ с просьбой учесть риски возможных негативных последствий для российско-германской хозяйственной кооперации. В.В. Путин пообещал, что Закон не затронет интересы компаний из РФ и ЕС.

Накануне сочинского саммита министр экономики и энергетики ФРГ П. Альтмайер в Москве обсудил блок хозяйственно-политических вопросов со своими российскими коллегами. 14-15 мая он провёл встречи с двумя ведущими российскими министрами экономического блока (Д. Мантуров, А. Новак), сохранившими свои посты в новом правительстве РФ, и Д.А. Медведевым. Наряду с энергетикой (П. Альтмайер занялся “челночной газовой дипломатией”, прилетев в Москву из Киева и улетев туда же), обсуждались и другие вопросы. Немецкий министр обратил внимание на то, что есть много сфер, не затронутых взаимными санкционными режимами ЕС и РФ, в которых можно более активно развивать двустороннюю кооперацию, в т.ч. вовлекая в них малые и средние предприятия. Важно, что в конце июня с.г. в Москве прошло очередное заседание Российско-германской стратегической рабочей группы по сотрудничеству в области экономики и финансов (СРГ), возобновившей работу в начале лета 2016 г.

Хорошие перспективы имеет сотрудничество в области цифровизации экономики – как на уровне правительственных структур, так и на уровне отдельных компаний [Белов В.Б. Цифровая повестка, 2018].

В последние годы Россия и Германия, несмотря на взаимные санкции ЕС и РФ, активно продолжают взаимную научно-техническую кооперацию – в ней участвуют как академические и отраслевые научные учреждения, так и высшие учебные заведения. Успешно идёт студенческий обмен и культурно-гуманитарное сотрудничество. 14 сентября с.г. в Берлине в присутствии глав внешнеполитических ведомств будут подводиться итоги взаимного Года муниципальных партнёров.

Европейский аспект отношений

Обсуждение вопросов политического и экономического взаимодействия России и Евросоюза продолжилось в конце мая с.г. во время встречи В.В. Путина и Э. Макрона на Петербургском международном экономическом форуме, а также в начале июня с.г. в ходе визита российского президента в Австрию и его переговоров с федеральным президентом ван дер Белленом и канцлером С. Курцем. И немецкий, и французский, и австрийские лидеры послали однозначные сигналы своим европейским коллегам о том, что пришло время:

- возобновления и расширения диалога с Россией во всех сферах, (в т.ч. визовой),
- более активного вовлечения в обсуждение политических и экономических вопросов не только глав государств и правительств, но и ведущих функционеров институтов Евросоюза,
- противодействия анти-российскому европейскому лобби, во многом ориентирующемуся на деструктивную политику США, соответственно, активного поиска путей обхода американских экстерриториальных санкций,
- поиска знаменателя общих хозяйственно-политических интересов, например, понимания того, что проекты “Северного потока” усиливают энергетическую безопасность Европы и стран Евросоюза, соответственно, необходимости скорейшего начала строительства его третьей и четвёртой ниток.

Считаю, что в этом контексте одним из важных вопросов в будущей повестке хозяйственно-политических переговоров должно стать обсуждение вклада ФРГ и

РФ в давно предложенный С.В. Лавровым взаимный аудит отношений между РФ и ЕС, а также в начало диалога между руководящими органами ЕС и ЕАЭС.

Выводы

По состоянию на середину 2018 г. у российско-германского сотрудничества обозначились хорошие шансы для продолжения поступательного развития. Это касается всех сфер – политической, экономической, гуманитарной.

Россия и Германия готовы к конструктивному обсуждению на двустороннем уровне всех основных мировых проблем и существующих международных конфликтов, в т.ч. и на постсоветском пространстве. Понятно, что оно будет вестись в контексте трансатлантических и есовских интересов ФРГ и евразийского вектора внешней политики РФ. Кремлю предстоит сложные переговоры о необходимости смещения приоритетов от развития отношений на двустороннем уровне, на котором настаивает ЕС (“ЕС – постсоветские государства”), к отношениям между Евросоюзом и Евразийским экономическим союзом. Они будут идти параллельно с обсуждением возможностей постепенного восстановления институционального сотрудничества Москвы с Брюсселем. Здесь стоит учитывать существенно укрепившийся германо-французский тандем.

Определённого сближения позиций можно ожидать в сфере противодействия неадекватному поведению американской администрации во главе с президентом Д. Трампом.

Камнем преткновения останутся вопросы, связанные с Крымом и ситуацией на Юго-Востоке Украины. Сохранится жёсткая позиция Германии в отношении санкционного режима Евросоюза и, соответственно, Минских соглашений. Шансов на смягчение санкций по причине деструктивной позиции Украины очень мало.

Что касается взаимных экономических ограничительных мер ЕС и РФ, то немецкие и российские компании в целом приспособились к ним. Как показал 2017 г., бизнес способен к дальнейшему восстановлению и развитию кооперационных связей во всех народнохозяйственных сферах. Более того, взаимное экономическое сотрудничество способно внести важный вклад в выполнение майских указов президента РФ. Ведущее место в этом должен занять малый и средний бизнес наших стран. Хорошие перспективы существуют в сфере цифровизации – кооперация в ней, начиная с 2016 г., набирает обороты, в том числе в рамках немецкой стратегии “Индустрия 4.0”.

Угрозу для ряда совместных проектов, особенно в энергетике, представляют возможные американские экстерриториальные санкции. Немецкие и европейские компании рассчитывают на Закон ЕС от 1996 г. Но эффективность его правоприменения под вопросом. Другими словами, адекватного ответа противоправным действиям США ни у Германии, ни и у России пока нет. Немецкий бизнес занял выжидательную позицию. Его дальнейшее взаимодействие с российскими компаниями, попавшими под ограничительные меры американской администрации, во многом будет зависеть от позиции федерального правительства.

В этом контексте надо более активно использовать существующие двусторонние дискуссионные площадки, на которых обсуждать перспективы противодействия санкциям США и возможностей качественного и количественного углубле-

ния двустороннего сотрудничества. Немецкая сторона готова увеличить финансирование существующих форумов. Думаю, что и Россия могла бы сделать такой же шаг. Потенциал таких площадок уникален. Такого нет в отношениях с другими странами. Однако пришло время критически оценить результативность каждой из дискуссионных платформ, особенно “Петербургского диалога”, подумать о повышении эффективности дискуссий и усилении их направленности на выработку конкретных рекомендаций федеральным и региональным властям в области развития двусторонней кооперации на всех уровнях и во всех областях.

Необходимо подумать о более активном использовании “мягкой силы” и её разнообразных институтов для продвижения лучших практик взаимного сотрудничества. Имеет смысл обратить внимание на деятельность различных некоммерческих организаций, например, Общества “Россия-Германия”, которое готово инициировать новый тип независимых общественных дискуссий в формате “Российско-германских бесед”. Это будут специализированные (философские, литературные, политические, молодёжные, цифровые, инновационные и пр.) встречи представителей экспертного сообщества (в формате интерактивного обсуждения), проходящие поочередно в немецких и российских небольших городах.

С учётом хорошего состояния взаимодействия в научно-технической и гуманитарных сферах имеет смысл возобновить обсуждение возможного смягчения визового режима ЕС и РФ для учёных, студентов, школьников и представителей сферы культуры.

Список литературы

Андрей Кортунов (2018). Советы постороннего: несколько пожеланий Федеральному канцлеру. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovety-postoronnego-neskolko-pozhelaniy-federalnomu-kantsleru/> (Дата обращения 17 июня 2018 г.)

Белов В.Б. (2018) Хозяйственно-политические успехи немецкого бизнеса в России // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №2. С. 92-100. URL: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/15_белов_Успехи_немецкого_бизнеса.pdf (Дата обращения 17 июня 2018 г.)

Белов В.Б. (2018) Цифровая повестка российско-германской хозяйственной кооперации // *Современная Европа*. № 2 (81), март-апрель. С. 120-128.

Владислав Белов (2018). Перспективы реализации проекта “Северный поток – 2” // *Аналитические записки ИЕ РАН*. №26, (№122).

URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an122.pdf> (Дата обращения 17 июня 2018 г.)

Дмитрий Стратиевский (2018). Германо-российские отношения – конец Остполитик? URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germano-rossiyskie-otnosheniya-konets-ostpolitik/?sphrase_id=13814762 (Дата обращения 17 июня 2018 г.)

Дмитрий Тренин (2018). Россия и Германия: от отчуждения к новому соседству. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-germaniya-ot-otchuzhdeniya-k-novomu-sosedstvu/> (Дата обращения 17 июня 2018 г.)

Штефан Майстер (2018). Поиск новой основы российско-германских отношений. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poisk-novoy-osnovy-rossiysko-germanskikh-otnosheniy/?sphrase_id=13814762 (Дата обращения 17 июня 2018 г.)

References

- Andrey Kortunov (2018). Sovety postoronnego: neskol'ko pozhelaniy Federal'nomu kantsleru. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovety-postoronnego-neskolko-pozhelaniy-federalnomu-kantsleru/> (accessed at 17.05.2018)
- Belov V.B. (2018) Khozyaystvenno-politicheskiye uspekhi nemetskogo biznesa v Rossii // *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. №2. S. 92-100. URL: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/15_belov_Uspekhi_nemetskogo_biznesa.pdf (accessed at 17.05.2018)
- Belov V.B. (2018) Tsifrovaya povestka rossiysko-germanskoy khozyaystvennoy kooperatsii // *Sovremennaya Yevropa*. № 2 (81), mart-aprel'. S. 120-128
- Vladislav Belov (2018). Perspektivy realizatsii proyekta “Severnnyy potok – 2” // *Analiticheskiye zapiski IYE RAN*. №26, (№122). URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an122.pdf> (accessed at 17.05.2018)
- Dmitriy Stratiyevskiy (2018). Germano-rossiyskiye otnosheniya – konets Ostpolitik? URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germano-rossiyskie-otnosheniya-konets-ostpolitik/?sphrase_id=13814762 (accessed at 17.05.2018)
- Dmitriy Trenin (2018). Rossiya i Germaniya: ot otchuzhdeniya k novomu sosedstvu. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-germaniya-ot-otchuzhdeniya-k-novomu-sosedstvu/> (accessed at 17.05.2018)
- Shtefan Mayster (2018). Poisk novoy osnovy rossiysko-germanskikh otnosheniy. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poisk-novoy-osnovy-rossiysko-germanskikh-otnosheniy/?sphrase_id=13814762 (accessed at 17.05.2018)
- Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Berlin, 7. Februar 2018. S. 149-150
- Liana Fix. Deutsche Russlandpolitik muss international Verantwortung übernehmen. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/deutsche-russlandpolitik-muss-international-verantwortung-uebernehmen-15582078.html> (accessed at 17.05.2018)

Actual Challenges for Russian-German Relations

Author. Vladislav B. Belov, PhD, Deputy Director of IE RAS, Chief of Department for countries researches, Chief of Center for German studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mohovaya Str., Russia, Moscow, 125009. **E-mail:** vladisbelov@yandex

Abstract. In the spring of 2018, in Germany federal chancellor was elected, in Russia - the president. Both leaders updated the government cabinet and stated the need to continue constructive dialogue between our countries. At the same time, relations between the Russian Federation and the collective West (in the first place, with the United States) deteriorated substantially. The EU has problems in economic trans-atlantic cooperation. There was a threat of using American extraterritorial sanctions against German and other European companies. The author analyzes the prospects for Russian-German relations in the face of new and old challenges and gives recommendations on their further development

Keywords: Russia, Germany, EU, US, Russian-German cooperation, Minsk agreements, sanctions.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018125132>

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

УДК 327

Алексей ГРОМЫКО

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена истории внешней политики России с 1991 г. Поднимаются темы её эволюции, концептуальных основ и постулатов. Автор в своём исследовании опирается на новейший дискурс о природе и структуре современных международных отношений, анализирует термины «многополярность», «полицентризм», «многосторонность», «либеральный мировой порядок». Рассмотрен вопрос об эластичности и взаимосвязанности прошлого и настоящего в истории международных отношений. Автор рассуждает об изменении соотношения сил среди западных стран. Он также показывает, что конкурентные преимущества России на мировой арене опираются на принцип государственного суверенитета. Сделан вывод, что внешнеполитический успех в обозримом будущем будет сопутствовать государствам, преуспевающим в экономической и социальной модернизации и применяющим долговременные подходы.

Ключевые слова: внешняя политика, Россия, многополярность, полицентризм, многосторонность, история, международные отношения

Четверть века для дипломатии любого периода истории – вместилище большого количества событий и решений, достижений и трудностей. Но годы, ставшие хронологическими рамками нового исследования МГИМО МИД России, выделяются особо². Речь идёт о четверти века, которые стали самыми сложными для российской дипломатии, пожалуй, со времён Второй мировой войны. Богатый и многомерный материал книги – благодатная почва для рассуждений о недавнем прошлом, настоящем и будущем внешней политики России.

После распада Советского Союза Россия во многом начала отсчёт своей жизни с нуля, хотя и располагала огромным историческим багажом. Изменились границы страны, состав её населения, структура экономики, социальный уклад, политическое устройство. Внешняя политика государства шла на ощупь, следуя за новыми идеологическими и мировоззренческими установками политического руководства, которые по ходу дела претерпевали существенные изменения. Одновременно она испытывала благотворную силу инерции дипломатии советского времени, которая в свою очередь по сути опиралась на достижения предыдущей, имперской эпохи. Со временем фактор преемственности, помноженный на новое качество ситуации в мире, вышел на первый

© Громыко Алексей Анатольевич – член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН, председатель Ассоциации европейских исследований, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. **Адрес:** Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018133143>

² Внешняя политика России. 1991 – 2016. Под общ ред. и с предис. акад. А.В. Торкунова. МГИМО МИД России, 2017.

план после болезненного периода внешнеполитических экспериментов, вплетённых в интеллектуальную и эмоциональную ткань становления новой идентичности России. Вслед за СССР она удерживает большинство глобальных атрибутов, статус космической, энергетической, военной, научной, культурной, спортивной державы. К 2016 году, завершающему коллективную монографию, постсоветская модель внешней политики государства не только сложилась и устоялась, но многократно доказывала свою эффективность. Эта сфера деятельности России превратилась в одну из наиболее успешных и популярных, зачастую демонстрируя запас прочности, намного превосходящий формальные параметры статистической мощи государства.

Дипломатической корпорации России удалось, сохраняя преемственность со своей советской предшественницей, остаться одной из самых профессиональных и престижных, не только «зеркалом» международных событий, но и механизмом изменения окружающего мира. Причём, как отмечено в исследовании МГИМО, эта задача выполняется в условиях, когда в целом в мире наблюдается депрофессионализация дипломатической деятельности³. Перефразируя, если ты не занимаешься внешней политикой, то она займётся тобой. Россия большую часть постсоветского периода не допускала такого положения дел, использовала свой дипломатический ресурс для продвижения собственного видения путей трансформации международной среды. Действуя вначале в чрезвычайно сложных обстоятельствах 1990-х гг., на фоне политических и экономических перипетий того времени, а затем наращивая свои достижения по мере усиления страны в начале XXI века, российская внешняя политика вернула себе полноправное место среди мировых тяжеловесов. Её отличительной чертой стала активная позиция, отвечающая объективным условиям мирового развития. В центре этого процесса – формирование полицентрического устройства мира.

Есть ли альтернатива полицентризму?

Полицентризм – одна из наиболее востребованных тем обсуждений современных международных отношений. На первый план она вышла после того, как биполярный мир, а затем попытки заменить его миром однополярным⁴, оказались в прошлом⁵. Правы те, кто усматривает в современных реалиях наличие характеристик обеих моделей. Существует тонкое определение этой ситуации, как переход от «слабеющей однополярности к размытой биполярности»⁶. Кроме того, нельзя исключать, что текущее столетие приведёт к новому изданию биполярности в лице США и Китая или к попыткам последнего установить свою относительную гегемонию. Теоретически это возмож-

³ Там же, с. 97.

⁴ В книге используется термин «американоцентричность». Ibid., p. 15.

⁵ Идея полицентричности, прежде чем стать магистральной, с трудом пробивала себе дорогу через толщу событий 1990-х гг. Авторы монографии МГИМО напоминают, что в публичном пространстве России она была высказана в 1996 г. в статьях Е.М. Примакова в «Независимой газете» и затем в журнале «Международная жизнь» (Примаков Е.М. На горизонте многополюсного мира // Независимая газета. 1996. 6 апреля; Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: на горизонте – многополюсный мир // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3-13). Эти и иные новеллы дипломатической мысли России запустили процесс формулирования концептуальных основ современной внешней политики России. См.: Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 34.

⁶ Также см.: Кувалдин В.Б. «Большая игра» XXI века. <https://www.vestifinance.ru/articles/101009> (дата посещения 12.07.2018).

но, если, например, по негативному сценарию в среднесрочной перспективе пойдёт история Евросоюза и Соединённых Штатов. В наблюдении, что в обоих случаях прослеживаются черты «позднего СССР», есть зерно истины.

Более убедительно предположение, что природа международных отношений изменилась кардинально как неизбежное последствие развала Советского Союза; мир постсоветской эпохи оказался в новой системе координат. В основном её именуют либо многополярностью, либо полицентризмом. И здесь существует масса вариантов. Во-первых, эти два термина можно использовать как синонимы. Тезис состоит в том, что в новом столетии устанавливается некое соотношение сил между крупными державами или их союзами, но арсенал средств их воздействия друг на друга не будет принципиально отличаться от предшествующей эпохи (равновесие силы, комбинации «кнута и пряника», национальные интересы, *реалполитик*). Другими словами – это вариант региональных порядков, слабо сцепленных между собой. Пессимисты считают, что такой путь неизбежно приведёт к новым виткам конфронтации.

Оптимисты же уверены, что, в каком бы направлении ни пошла трансформация системы глобального регулирования, стабилизирующим фактором и дальше будут служить «сквозные» конструкции, своего рода константы, пронизывающие последние этапы международных отношений. Среди них: национальные государства как главные субъекты мировой политики, примат международного права, ядром которого остаётся Устав ООН, сохранение способности к стратегическому мышлению у ряда крупных игроков, наличие конкурентных преимуществ, которые в условиях глобального мира во многом нивелируют разницу в мощи разных субъектов международных отношений, сдерживающий фактор ОМУ и др. Иными словами, даже в случае утверждения разобщённой многополярности устойчивость международных отношений будет достаточно высокая.

Второй подход заключается в рассмотрении многополярности и полицентризма в качестве разных явлений. Рассуждать можно, например, о том, что мы живём в эпоху многополярности со всем её хаосом, но она служит транзитом от биполярной стабильности, основанной на страхе, к более сложной и прогрессивной стабильности полицентризма, основанной на здравом смысле и просвещённом разуме. Имеют право на обсуждение и аргументы о том, что элементы полицентризма появились ещё в недрах биполярной эпохи, и после окончания холодной войны, следуя извилистым путём, он становится основной доминантой в международных отношениях. Однако полицентризм не обязательно сформируется и закрепится как желанная модель, но может «свалиться» в многополярность, которая станет следствием крушения надежд на полицентризм, а не его подготовительной фазой. Такая многополярность, как своего рода «размноженная» биполярность, будет основана на игре с нулевой суммой и на представлении о мире, как о жёсткой конкурентной среде⁷.

Конечно, при таких допущениях предпочтительнее полицентризм как упорядоченные отношения между резко возросшим количеством центров силы и влияния, которые руководствовались бы и даже подчинялись общим правилам цивилизованного поведения.

⁷ Рефреном коллективной монографии МГИМО стало положение о жёсткой конкурентной среде, которой будут в XXI веке характеризоваться взаимоотношения России не только с США, но и с другими ведущими игроками.

ния. В эту канву укладывается идея нового «концерта держав», но на этот раз не европейского, а глобального. Но даже если избежать укоренения многополярности, необходимо признать, что полицентризм может быть разным, в том числе далёким от идеала, например, иерархическим, а не сетевым. Реализация варианта иерархического полицентризма обеспечит место среди мировых лидеров большому количеству государств, но принцип «центр – периферия» сохранится. Мир станет более справедливым (больше стран смогут получать выгоду от глобализации), но всё же бледной тенью идеи «полицентричной симфонии».

Третий вариант – отрицание перспективности обеих моделей (многополярности и полицентризма); вместо них предлагается «многосторонность» – принципиально иной сценарий качественной трансформации международных отношений⁸. Здесь ключевым принципом является не распределение силы и влияния между возросшим числом игроков, а следование всеми субъектами международных отношений определённым режимам, основанным на прогрессивных нормах, правилах и ценностях. Одна из проблем заимствования этого термина – его длительное использование в иной интерпретации в рамках политологического дискурса в Евросоюзе («мультилатерализм»). Имеется ввиду нормативная и ценностная сила западноевропейского интеграционного проекта, получившего форму ЕС, который, согласно задумке, становится ядром Запада по мере ослабления позиций США. В этом смысле, многосторонность рассматривается как видоизменение внешней политики Запада при сохранении классической структуры международных отношений «центр – периферия» («Запад – все остальные»)⁹.

С первого взгляда, такие изменения и происходят. США занимают всё более односторонние, даже изоляционистские позиции, что только подталкивает ЕС к более активной роли по сохранению «либерального мирового порядка». Однако такая многосторонность по-европейски вряд ли имеет шансы на успех. Причина в том, что концепция предполагала сохранение Запада как традиционно устоявшейся цельности, с перераспределением внутреннего баланса влияния. ЕС не был готов ранее и не готов теперь, если не считать риторики, заменить США в качестве лидера «либерального мира». Для этого у него нет достаточных политических, экономических и военных ресурсов. Без США Евросоюз не может претендовать на лидерство в установлении многостороннего международного порядка как варианта «либерального порядка». Это уже многосторонность, носитель которой заключён в границах ЕС. За ними – другие игроки полицентричного мира с собственными представлениями о месте Евросоюза в современной системе международных отношений.

Впрочем, ЕС уже признал такое положение вещей. В Глобальной стратегии организации, выпущенной в июне 2016 г., фактически дезавуируется её претензия на универсальность. «Мы не будем пытаться экспортировать нашу модель, – говорится в документе, – но будем стремиться к взаимному обогащению, используя опыт других регионов»¹⁰. Развивая нестандартную для себя логику, ЕС идёт дальше, инкорпорируя в своё

⁸ <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym-19635>

⁹ Похожих подходов придерживаются авторы коллективной монографии МГИМО, в которой концепция либерального мирового порядка рассматривается как попытка помешать возвышению новых крупных центров силы. См.: Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 17.

¹⁰ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016. P. 32.

мировоззрение понятие «региональные порядки», которые, как отмечено выше, обычно рассматривались как атрибут многополярной модели международных отношений. Но в данном случае стратегия предлагает иную, либеральную интерпретацию региональных порядков как «кооперативных». Представляется, что этот тезис снимает антиномию между полицентризмом и многосторонностью, демонстрируя, скорее, их диалектику. Многосторонность, таким образом, может являться вариантом полицентризма в случае его развития по «кооперативному» сценарию, а не самостоятельной моделью международных отношений.

Положение ЕС усугубляется тем, что его собственное пространство сужается после решения Соединённого Королевства о брекзите. Таким образом, ЕС «теряет» и США, и Британию. Кроме того, его амбиции по дальнейшему территориальному расширению уступили место неизмеримо более скромным намерениям: одно дело – грандиозная задача по вовлечению в свои ряды Турции (на этом сейчас фактически поставлен крест), и совсем другое – принять в свой состав несколько малых стран Юго-Восточной Европы, да и то в среднесрочной перспективе (начиная с 2025 г., не раньше). Значение проекта «западных Балкан», которому ЕС нарочито посвящает в последние годы массу времени и сил, явно переоценено.

Курьёзной демонстрацией этого стала нелепая ситуация 9 июля 2018 г. в Лондоне на открытии саммита с участием шести государств Западных Балкан, восьми стран-членов ЕС и Еврокомиссии. Задолго до этого Британия развила большую активность, лоббируя тему расширения ЕС в этом регионе Европы и заявляя о своих особых интересах в нём. Саммит, по настоянию Даунинг-стрит должен был пройти в британской столице. Однако представительная аудитория, собравшись на открытии встречи в Лондоне, напрасно ожидала появления Бориса Джонсона, министра иностранных дел. Лишь через несколько часов выяснилось, что эксцентричного политика ждали напрасно, – в это утро он покинул правительство, направив Терезе Мэй пространное письмо с обоснованием своей отставки.

Однако и без этого эпизода уже давно выглядело странным, что Британия продолжает гнуть свою традиционную линию по количественному расширению ЕС, в то время как сама покидает его ряды. Балканы, теперь уже Западные, действительно представляют большой геополитический интерес, но в первую очередь для НАТО, особенно побережье Восточной Адриатики. Для ЕС же включение в свой состав новых балканских стран, пусть и столь небольших, влечёт за собой далеко не однозначные последствия. Как не раз заявлял Жан-Клод Юнкер, аргументируя свою позицию о моратории на расширение ЕС как минимум до 2020 года, приём новых членов не должен вести к «импорту нестабильности».

Постулаты внешней политики России

Возвращаясь к коллективной монографии МГИМО, укажем на её солидный концептуальный базис. Он состоит, на наш взгляд, из следующих постулатов.

Первое. Внешняя политика России «бьёт сильнее своих возможностей».

Второе. Россия глубоко интегрирована в современный мир. Это объясняется тем, что она занимает высокое положение в системе глобального регулирования, унаследованной от эпохи холодной войны (ООН, МВФ, ВБ, ВТО, ОБСЕ), и тем, что она активный член новых международных проектов (ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, БРИКС, «Группа двадцати» и др.). Добавим, что эта глубокая интеграция кроет в себе не только преимуще-

ства, но и риски, например, высокая зависимость России от колебаний цен на энергоносители на мировых рынках. Системообразующую роль среди всех перечисленных институтов играет Организация Объединённых Наций¹¹.

Третье. С учётом вышеизложенного, Россию невозможно изолировать. Материалы исследования МГИМО многократно подтверждают это утверждение. Встречаются и дискуссионные моменты. Например, тезис о том, что применение постоянным членом Совета Безопасности Организации Объединённых Наций права вето можно расценивать как показатель изолированности государства¹². Представляется, что ООН не повторила судьбу своей предшественницы – Лиги Наций – во многом благодаря тому, что, по настоянию советской дипломатии, на конференциях по созданию Объединённых Наций в 1944-1945 гг. удалось согласовать принцип консенсуса в качестве основополагающего в деятельности новой организации. Право вето – это в первую очередь принуждение к компромиссу, а не показатель слабости накладывающей вето стороны. В истории ООН постоянные члены Совета Безопасности почти ежегодно блокировали принятие тех или иных резолюций (в первый раз право вето было использовано СССР в 1948 г.)¹³. На счету СССР/России – 111 вето, на счету США, Франции и Британии – 89.

Четвёртое. Россия обеспечила себя на мировой арене набором конкурентных преимуществ, включающих, помимо традиционных военной и энергетической составляющих, привлекательность как страны-реципиента мигрантов, удержала передовые позиции в глобальном культурном пространстве, создала заметный информационный потенциал, является одной из ведущих государств мира в области кибербезопасности.

Пятое. Россия стала одной из главных составляющих полицентричного мира, умело использовала возможности, предоставленные членством в БРИКС и ШОС. Заблуждение считать, что в них доминируют интересы Китая; в обоих случаях успех в развитии этих проектов был в первую очередь достижением российской внешней политики¹⁴. Не случайно первый саммит БРИК прошёл в 2009 г. в Екатеринбурге. Можно вспомнить и о том, что изначально, в 1998 г., китайское и индийское руководство с осторожностью отнеслось к предложению Е.М. Примакова о создании тройственного механизма взаимодействия¹⁵. Принятие в состав ШОС Пакистана и Индии в 2017 г. – также инициатива российской дипломатии.

Шестое. Россия продвинулась далеко вперёд в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве (ОДКБ, ЕАЭС), но значимых результатов по реализации идеи «интеграции интеграций» с Евросоюзом пока нет. Напротив, столкновение интеграционных интересов из-за глубоких разногласий с ЕС и НАТО привело к украинскому кризису¹⁶, который стал бременем для экономических и политических возможностей России. В то же время принцип «интеграции интеграций» развивается по другим направлениям: сопряжение двух интеграционных контуров – ШОС и ЕАЭС и последнего с китайской инициативой «Один пояс – один путь»¹⁷.

¹¹ Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 119-127.

¹² Там же. С. 102-103.

¹³ <http://research.un.org/en/docs/sc/quick>

¹⁴ Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 127-140.

¹⁵ Там же. С. 455.

¹⁶ Там же. С. 241-250.

¹⁷ Там же. С. 201.

На фоне догматичного «европейского курса» Украины и решения Киева о выходе из СНГ ещё большее значение приобретает устойчивость и эффективность Союзного государства России и Беларуси как ядра интеграционных проектов на территории бывшего СССР. В исследовании МГИМО оно охарактеризовано, как потенциально связующее звено между восточным и западным флангами Евразии¹⁸. Общеизвестны трудности, с которыми сталкиваются в своём развитии и Союзное государство, и ЕАЭС. Тем более востребованы инициативы, направленные на их преодоление. Например, уязвимым местом являются слабое информационное сопровождение евразийской интеграции и недостаточное экспертное взаимодействие. Этот недостаток призваны восполнить деятельность Телерадиовещательной организации Союзного государства (ТРО)¹⁹, Российско-белорусского экспертного клуба²⁰, Евразийского информационно-аналитического консорциума²¹ и др.

При рассмотрении тематики украинского кризиса материалы коллективной монографии МГИМО напоминают и о такой важной странице истории, как совместные программы России и США по укреплению контроля над ядерным арсеналом, в том числе по вывозу его из Украины, Беларуси и Казахстана на территорию России²². Лиссабонский протокол к Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений был подписан в мае 1992 г. Россией, США, Украиной, Беларуссией и Казахстаном. Последние три государства вместе с Россией и США становились участниками Договора о сокращении СНВ. Статья 5 протокола обязывала Украину, Беларусь и Казахстан присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государств-участников, не обладающих ядерным оружием. Таким образом, речь шла о сокращении советского ядерного арсенала, а Украина, Беларусь и Казахстан де-юре не рассматривались как официально признанные ядерные державы. Верховная Рада ратифицировала Лиссабонский протокол в феврале 1994 г., а в ноябре 1994 г. ратифицировала ДНЯО. Будапештский меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к ДНЯО был подписан после этого, в декабре на саммите СБСЕ, причём ратифицирован он не был ни одним из подписантов.

Седьмое. Россия проявила способность к стратегическому мышлению, примером чего служит её восточная политика, формирование которой началось задолго до «разворота на Восток» в 2014 г.²³ Многовекторность внешней политики страны была заложена в 1990-е гг. Речь идёт в первую очередь о регионе АТР, но также о Ближнем Востоке, в котором, особенно в последние годы, Москва утвердилась в качестве одного из ключевых игроков. Необходимо помнить, что ШОС зародилась ещё в 1996 г. на первой встрече «Шанхайской пятёрки», проложив путь к созданию организации в 2001 г.²⁴ «Диалоговое партнёрство» России с АСЕАН было официально установлено в 1996 г., а к АТЭС Россия присоединилась в 1997 г. Способность России к долгосрочному мыш-

¹⁸ Там же. С. 206.

¹⁹ <http://belros.tv/>

²⁰ <http://club.eurasia.expert/>

²¹ <http://ukros.ru/>

²² Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 253.

²³ Официально вывод о возвышении Востока на мировой арене появился в Концепции внешней политики РФ в 2013 г.

²⁴ Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 453-454.

лению проявлялась не раз и на западном направлении, например, решение России и ЕС перейти в 1999 г. к формату стратегического партнёрства²⁵. Впоследствии ЕС откажется от этой стратегии, обменяв её на близорукую тактику «пяти принципов» в отношении России, принятых в марте 2016 г. По иронии судьбы, эти принципы вошли в уже упомянутую Глобальную стратегию ЕС. Стратегическим был и формат «большой тройки» в составе России, Германии и Франции, действовавший с 2003 по 2006 г. (отголоском его была и трёхсторонняя встреча в Довиле в 2010 г.)²⁶. С тех пор подобные саммиты не проводились, что не отменяет стратегическое значение потенциала «большой тройки» для будущего Европы.

Эти примеры вступают в противоречие с несвойственной внешней политики нашей страны недальновидными действиями, которые в основном можно объяснить заблуждениями о методах решения сложных международных проблем. Так, советско-японское заявление 1991 года, подписанное М.С. Горбачёвым в Токио, реанимировало «территориальную проблему», причём спорные острова назывались поимённо. Перечисление островов было вновь допущено в двусторонней Московской декларации 1998 года²⁷. Важно отметить, что практически все конкурентные преимущества России на мировой арене опираются на принцип государственного суверенитета, и в исследовании МГИМО этот тезис звучит неоднократно. Конечно, в наше время субъектность в международных отношениях не сводится к институту государства, включая, например, интеграционные образования с развитым наднациональным механизмом. Но, как правило, они действуют не вопреки воле крупных стран, а используются ими для укрепления своих позиций²⁸.

Что касается основ современной внешней политики России, то можно только согласиться с авторами монографии – после периода переосмысления, начавшегося в 1996 г., они складывались в стройную систему в результате принятия Концепции внешней политики РФ в июле 2000 г. и её преемниц в 2008, 2013 и 2016 гг. Три последних документа следовали в русле тезисов, высказанных В.В. Путиным в Мюнхенской речи 2007 года. В результате утвердились такие положения, как защита интересов российских граждан и соотечественников за рубежом, активное применение инструментов мягкой силы, многовекторный курс и в то же время приоритетность «восточного вектора» российской внешней политики, сетевая и публичная дипломатия, информационное сопровождение внешнеполитической деятельности и др.²⁹ Не менее верно, что, несмотря на широко распространённое за рубежом клише, внешнеполитические официальные документы и практика демонстрируют предсказуемость внешней политики России.

Утверждение, что при всём усилении России в начале XXI столетия дипломатия страны продолжает «бить сильнее своих возможностей», находят убедительное подтверждение на страницах монографии МГИМО. В асимметрии между внутренними ресурсами и эффективностью внешней политики нет ничего имманентно предсудительного. Само выражение заимствовано из английского языка и было введено в обо-

²⁵ Там же. С. 275.

²⁶ Там же. С. 331-332, 336.

²⁷ Там же. С. 504-506.

²⁸ Там же. С. 98-99.

²⁹ Там же. С. 37-72.

рот для обозначения эффективности внешней политики Британии после распада империи. Королевство сумело сохранить своё место в числе ведущих экономик мира, располагая территорией, численностью населения, природными ресурсами, которые в разы уступают российским показателям. Но приходится констатировать, что сегодня экономика России даже по паритету покупательной способности только на 1-2 позиции обгоняет британскую и сильно отстаёт по номинальным показателям. Таким образом, экономика России, в отличие от её внешней политики, показывает результаты слабее своих возможностей.

В исследовании МГИМО экономическая модель нашей страны обоснованно названа «олигархическим госкапитализмом»³⁰. Возможно, и такой тип экономики теоретически может быть достаточно конкурентоспособным, но в российском случае он возник на базе использования природных ресурсов. Так, экспортная квота России – одна из самых высоких в мире, но за этой цифрой кроется отсталая структура экономики и как следствие – отсталая товарная структура экспорта. Можно возразить, что «ресурсное проклятие» – надуманная проблема, что Россия наделена богатейшими природными ресурсами и должна активно использовать своё конкурентное преимущество. Но это лукавое возражение, ведь проблема не в обладании природными богатствами, а в том, как они используются, насколько глубоко они перерабатываются, как эффективно извлекаемая благодаря им прибыль направляется на модернизацию экономики. В конце концов, всем понятно – любые ископаемые природные ресурсы конечны.

Авторы монографии привлекают внимание и к другим очевидным проблемам. Так, Россия фактически проедает существенную часть экспорта вместо модернизации основных фондов; с 1990 г. произошёл «обвал» в торговле России с постсоветскими государствами; экономика характеризуется ярко выраженным европоцентризмом, доля её восточного вектора растёт, но очень медленно; основная масса капитала вывозится из России в офшоры. Сложно положительно оценить и тот факт, что Россия «стала мировым рекордсменом по списанию задолженности зарубежным государствам», ведь экономические и геополитические выгоды от таких действий не ясны. Большую неопределённость в развитие экономики вносит нестабильный рубль, что является болезненной темой и для взаимоотношений участников Евразийского экономического союза. В последние годы уже мало кто вспоминает о планах по превращению России (Москвы) в международный финансовый центр.

Обзорный характер труда МГИМО позволяет ретроспективно посмотреть на предысторию ряда тем, которые носят крайне злободневный характер. Например, примечателен факт, что Россия была одним из инициаторов и разработчиков Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (КЗХО), которая вступила в силу в 1997 г.³¹ Соответствующая организация – ОЗХО оказалась в центре внимания в марте 2018 г. в связи с событиями в британском г. Солсбери и «делом Скрипалей», хотя многие годы за её работой следили только специалисты. Позже последовал второй акт этой драмы после отравления ещё двух человек в г. Эймсбери.

³⁰ Там же. С. 73-95.

³¹ Там же. С. 143.

Ситуация вокруг самой ОЗХО развивалась достаточно драматично. В июне 2018 г. на специальной конференции этой организации было поддержано предложение Лондона расширить её мандат, предоставив техническому секретариату полномочия выносить обвинительные вердикты. В ответ Россия намекнула на возможность своего выхода из ОЗХО. Противостояние в её рядах должно найти своё разрешение на регулярной конференции государств – участников ОЗХО, которая пройдёт в ноябре.

«Дело Скрипалей» и в целом «химическое досье», ставшее одним из главных дипломатических «полей битв», показало, с какой готовностью проблемы, якобы оставленные в XX веке, обретают «второе дыхание». Как демонстрируют события в Сирии и Британии, химическое оружие будет и в XX столетии применяться как в ходе военных действий, так и для очернения своих оппонентов. Такое положение дел свидетельствует, что мир во многом ещё находится в фазе многополярности, о которой говорилось выше и которая характеризуется высокой дестабилизацией и вспышками конфронтации. Одновременно в структуре мировой политики значительную и конструктивную роль уже играют элементы полицентризма, которые становятся составляющими новой нарождающейся системы сдержек и противовесов. Удастся ли достичь полного перехода к полицентризму, не говоря уже о его наиболее желательной разновидности – «кооперационной», предсказать пока трудно.

О многочисленности случаев реанимации современным ходом событий проблем недавнего прошлого говорят и материалы исследования МГИМО, посвящённые ядерной программе Ирана и проблеме Корейского полуострова³². В первом случае по результатам заседания Совместной комиссии в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий в июле 2016 г. сделан вывод: «Все участники подтвердили решительный настрой следовать букве и духу СВПД, строго соблюдая взятые на себя обязательства...»³³. С высоты сегодняшнего дня мы знаем, что спустя несколько месяцев новый президент США Д. Трамп объявит о планах выхода из «ядерной сделки», что и было сделано в мае 2018 г. Похожая ситуация, с точки зрения неожиданности, с которой дипломатия сталкивается с проблемами, складывается с ядерной программой КНДР после июньского саммита Д. Трампа с Ким Чен Ыном в Сингапуре. С первого взгляда она закончилась положительным исходом, но многосторонний формат переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова был отодвинут в сторону. Высоко опасение, что встреча, проведённая в стиле решения глубоко укоренившихся проблем «кавалерийским наскоком» и закончившаяся достаточно размытыми декларациями, не гарантирует положительных сдвигов по существу.

Взгляд в прошлое глубиной в 25 лет позволяет вернуться к истокам современного кризиса в отношениях России и НАТО, связанного с расширением этого военного блока. Красноречивы слова президента США Б. Клинтона о характере деятельности Постоянного совместного совета России – НАТО, созданного в результате подписания Основопологающего акта в мае 1997 г.: «Русские получают от этой сделки то, что мы предлагаем им возможность сидеть в одной комнате с НАТО и присоединяться к нам, когда мы все в чём-то соглашаемся. Но они не способны удержать нас от действий, с которыми они не согласны, и могут выразить своё неодобрение лишь выходом из ком-

³² Там же. С. 146-161.

³³ Там же. С. 153.

наты. Второй плюс для них – обещание не размещать наши военные силы на территории их бывших, а теперь – наших союзников, до тех пор, пока однажды утром мы не проснёмся и передумаем»³⁴. Механизм подрыва Договора по ПРО 1972 года был запущен опять же в годы президентства Клинтона, как тогда же была проведена первая боевая операция за пределами сферы ответственности Альянса – агрессия против Югославии³⁵.

Внешняя политики России после окончания холодной войны претерпела большую эволюцию. Многие «встало на свои места». Многие заблуждения 1990-х гг. остались в прошлом, а дальновидные инициативы получили масштабное воплощение в начале XXI века. Допущенные ошибки внешней политики перестроечного периода и последующих лет позже были компенсированы профессионализмом российской дипломатии и сбалансированным сочетанием идеалов и прагматизма, «мягкой» и «жёсткой силы». Следующая четверть века обещает быть не менее требовательной к творцам внешней политики нашей страны. Конкурентное противоборство за экономические рынки, ресурсы и политическое влияние не снизят свой накал.

Успех будет сопутствовать государствам, преуспевшим в экономической и социальной модернизации и применяющим долговременные подходы. Среди ключевых задач: недопущение «новой холодной войны», укрепление авторитета ООН с опорой на принцип «сила права, а не право силы», возрождение партнёрства с ведущими европейскими странами на основе идеи Большой Европы, наполнение масштабного сотрудничества с Китаем солидным экономическим содержанием, всестороннее развитие постсоветских интеграционных проектов, в первую очередь Союзного государства России и Беларуси и Евразийского экономического союза.

Список литературы

Внешняя политика России. 1991 – 2016. Под общ ред. и с предис. акад. А.В. Торкунова. МГИМО МИД России, 2017.

References

Vneshnyaya politika Rossii. 1991 – 2016. Pod obshch red. i s predis. akad. A.V. Torkunova. MGIMO MID Rossii, 2017.

Quarter of the Century of Russian Foreign Policy

Author. Gromyko Al., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru.

Abstract. The article is dedicated to the history of Russia's foreign policy since 1991. The author explains its evolution, conceptual basis and main tenets. He explores the current discourse about nature and structure of contemporary international relations and analyses such notions as multipolarity, polycentrism, multilateralism, liberal international order. The issue of elasticity and interdependence in the history of international relations is deliberated. The paper dwells upon shifts in relations among Western states. The author also contends that competitive advantages of Russia are based on the principle of state sovereignty. The conclusion is drawn that foreign policy of those states will be successful in the foreseeable future, which are progressive in their economic and social modernization and which apply strategic approaches.

Keywords: foreign policy, Russia, multipolarity, polycentrism, multilateralism, history, international relations

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018133143>

³⁴ Там же. С. 258-259.

³⁵ Там же. С. 260-261.

УДК 930.85

Виктор МИРОНЕНКО

ЗАГЛЯНУТЬ ЗА НАРРАТИВ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА ДЖ. ВЕРЧА

Аннотация. Дж. Верч из Вашингтонского университета в г. Сант-Луис (США), пытаясь разобраться с существом противоречий по поводу Украины, обнаруживает, что они намного глубже, чем это представлялось, и ставит вопрос о соотношении актуального политического дискурса и “символов национальных сообществ” в международных отношениях вообще и российско-украинском конфликте в частности. Исчерпывающего ответа на поставленный вопрос автор не даёт, он для этого слишком сложен, но сам перевод на русский язык и публикация в российском журнале “Историческая экспертиза” статьи Дж. Верча – попытка заглянуть за нарратив представляется обоснованной и продуктивной, как с теоретической, так и с практической точек зрения. Анализ российско-украинского конфликта часто сосредоточен на противостоянии элит, при этом очевидно упускается из виду, что взгляды политиков и общественное мнение опосредуются символами национальных сообществ, без анализа которых адекватное восприятие и тем более урегулирование одного из самых острых и опасных в этом веке вооружённых конфликтов в Европе представляется проблематичным. “Войны памяти” контрпродуктивны и опасны, и поэтому так важно перевести соответствующую дискуссию из политической в академическую плоскость.

Ключевые слова: Национальная память, символическое опосредование, быстрое мышление, Россия, Украина, мнемоническое противостояние, политика памяти.

Оттолкнувшись от вопроса о том, как объяснить российскую позицию в отношении происходящего в Украине и “жёсткое столкновение” по этому поводу России с тем, что принято называть у нас “коллективным Западом”, Дж. Верч выдвигает гипотезу о том, что этого нельзя сделать, невозможно объяснить, не поняв социальный язык, который российские граждане разделяют как члены “мнемонического сообщества” [Wertsch; 2018]. Этот социальный язык, построенный из набора нарративных инструментов, сложившийся ещё в СССР, формирует речь и мышление по поводу прошлого и настоящего и отличает одно мнемоническое сообщество от других.

© **Мироненко Виктор Иванович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела страновых исследований Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** victor@mironenko.org
DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018144151>

В первой части своей статьи Дж. Верч довольно подробно излагает своё видение **феномена символического опосредования**, опираясь на исследования Л.С. Выготского, немецкого философа Эрнста Кассирера, Г.Г. Шпета, некоторыми особенностями советской психологической школы. Хотя официальные советские психологи часто критиковали “недостаточно материалистические” взгляды Кассирера, его идеи оказали большое воздействие на Л.С. Выготского, М.М. Бахтина и многих других, кто жил и писал в советском контексте [Wertsch; 2018]. Эти символы оказались очень живучи и продолжают оказывать сильное воздействие и на поведение элит, и на общественное мнение в России.

Эта часть рассматриваемой статьи важна для понимания феномена опосредования, того, что “все символизмы несут в себе проклятие, по причине которого они вынужденно затемняют то, что пытаются прояснить”. Именно этим, возможно, объясняется “удивление Запада”, о котором пишет автор, обнаружившего, после того как идеологическое противостояние, лежавшее в основании холодной войны, было, как считали многие, снято, что он снова находится в состоянии жесткого столкновения с Россией теперь по поводу Украины.

Почему Украина?

Какими бы интересными ни были для нас теоретические изыскания автора и соответствующие обоснования его взглядов, для российского и украинского экспертного сообщества перевод и публикация в России статья Дж. Верча важна в первую очередь постановкой вопроса о соотношении актуального политического дискурса и того, что автор определяет как “символы национальных сообществ” [Wertsch, 2018].

Предложение **заглянуть за нарратив** представляется обоснованным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Образно говоря, речь идёт о возможности и необходимости “разминирования” интеллектуального пространства в котором, на наш взгляд, только и можно найти способы надёжного урегулирования непредсказуемого в своём развитии вооружённого конфликта в Европе.

Российско-украинские отношения сегодня должны были стать и стали одним из главных политических контрапунктов в Восточной Европе и не только в ней. Во-первых, они являются едва ли не основным фактором, определяющим темпы модернизации обоих сообществ и обеих стран. Несмотря на то что властями утверждается обратное, она фактически остановлена, происходит намного медленнее, чем это необходимо, чтобы не отстать от происходящих в мире процессов, не превратиться из субъектов в их объекты, в мировую провинцию, в уникальную для северного полушария зону бедности и социального неблагополучия. А во-вторых, и в этом уже, похоже, мало кто сомневается, в их нынешнем состоянии они представляют прямую и непосредственную угрозу миру в Европе.

В связи с последними событиями – принятием Верховным Советом Украины Закона “Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины на временно оккупированных территориях в Донецкой и Луганской областях”(№ 7163) и реакцией на него в России [УНИАН 1, 2018], оглашением промежуточных результатов расследования гибели рейса МН17 [УНИАН 2, 2018], состоявшихся обсуждений украинского кризиса в Совете Без-

опасности ООН [УНИАН 6, 2018], заседание Комиссии Украина – НАТО на уровне послов [ТАСС, 2018; УНИАН 5, 2018] – угроза полномасштабного вооружённого конфликта на Востоке Европы с вполне вероятным перерастанием в общеевропейский и глобальный является самой высокой со времени так называемого берлинского кризиса 1961 г. или “пражской весны” 1968.

Поступающие в последние дни сообщения [УНИАН 3, 2018; УНИАН 4, 2018] дают основания предполагать, что администрация П. Порошенко на Украине ввиду определенной консолидации общественного мнения в отношении участия России в вооруженном конфликте на Донбассе и предстоящих в 2019 г. выборов склоняется к силовому его разрешению. А избранный на новый срок российский президент в связи с оглашенными комиссией по расследованию гибели рейса МН17 оказался перед трудным выбором, способным определить российский украинский и европейский дискурсы на несколько лет вперед.

В этой связи пропагандистские кампании, так называемые войны памяти, ведущиеся российскими и украинскими СМИ с участием в них, к большому сожалению, части академического сообщества обеих стран и научных учреждений (таких, например, как Институт стратегических исследований в России или Институт национальной памяти на Украине), побуждают внимательнее присмотреться к мнемоническому противостоянию, культивируемому на почве национальной памяти. Сразу оговоримся, что с нашей точки зрения даже на фоне волны популизма, поднимающейся в Европе и в мире, подобное поведение является вопиющим примером политической безответственности.

Трудно не согласиться с автором в том, что “исследование этого вопроса выходит за академические рамки, поскольку оно позволяет обуздать то опасное противостояние, которое возникло между Россией и Западом по поводу Украины”. Хотя, по-видимому, принимая во внимание объективный характер ментальных причин этого противостояния как между Западом и Россией, так и между Россией и переживающей с большим историческим опозданием своё становление украинской республикой, значение его книги и целью предлагаемой редакцией журнала “Славяноведение” дискуссии, состоит прежде всего именно в том, чтобы попытаться общими усилиями возратить этот чрезвычайно взрывоопасный опасный и затянувшийся спор из политической плоскости в плоскость академическую.

“Проклятье опосредования”

“Логика”, будучи вовлеченной в нарративный шаблон, – отмечает Дж. Верч, – действует на таком глубинном уровне, что мы не осознаем власти символического опосредования и, полагая, что просто рассказываем истину о том, что случилось, попадаем под **“проклятье опосредования”** [Wertsch, 2018] О нём и хотелось бы сказать, применительно к начавшему кровоточить российско-украинскому “мнемоническому противостоянию”

“Один из важнейших нарративов, объединяющий российское мнемоническое сообщество, – отмечает Дж. Верч, – обусловлен повторяющимися вторжениями...” [Wertsch; 2018]. Это утверждение автора в высшей степени справедливо, но, на наш взгляд, недостаточно для понимания проблемы российско-украинских отношений и показательным в том смысле, что наложение отработанных и выверенных концепций

на иное в определении автора “мнемоническое сообщество” может дать неожиданный и несколько искаженный результат.

“В случае России речь идёт о нарративном шаблоне “изгнание чужеземного врага”. Этот глубинный код основан на историческом опыте и применяется для придания смысла многим событиям российского прошлого. Его влияние основано скорее на “быстром мышлении”, чем на рефлексии, и он скрытно воздействует на “мнемоническое противостояние” между Украиной и Россией”, – отмечает Дж. Верч [Wertsch, 2018].

Это так, но этим исторические аспекты упомянутого противостояния не ограничиваются. В том, что касается России, о них у нас уже была возможность высказаться во втором выпуске Научно-аналитического вестника Института Европы РАН [Мироненко, 2018].

Добавить можно разве что справедливое на наш взгляд утверждение российского историка Алексея Миллера о том, что у нас в стране (как, увы, и в Украине, добавим мы): “во-первых, налицо попытка насаждения в школе единственного, редактируемого из политического центра учебника истории. Во-вторых, создаются специальные политически ангажированные структуры, совмещающие задачу организации исследований в области истории с контролем за архивами и издательской деятельностью. В-третьих, осуществляется попытка законодательного регулирования исторических интерпретаций” [Московский центр Карнеги, 2009].

Нельзя сказать, что понимание опасности политических игр с историей совсем отсутствует в российской элите. “Мы видим, какие риски несёт циничное отношение к прошлому, – сказал В. Путин, – как фальсификация, манипуляция историческими фактами ведет к разобщению стран и народов, разобщению, появлению новых разделительных линий, формированию образа врага” [Газета Ру, 2017] Однако адресуется соответствующая инвектива, как правило, другой стороне.

В Украине всё обстоит намного сложнее. Здесь мы имеем яркие отличия мнемонических сообществ, о которых в самом начале говорит автор. То, что Дж. Верч называет символическим опосредованием, и национальная память в Украине выглядят намного сложнее, чем в России. Здесь, несомненно, присутствует, как и в России, виктимизация. Если в России это можно вслед за Дж. Верчем, действительно, назвать комплексом “повторяющихся вторжений”, то в Украине и в элитарном, и в массовом сознании зримо присутствует и культивируется комплекс политической неполноценности – “меншовартости” по-украински.

Так, например, в письме нескольких украинских историков [Historians, 2017] впервые на моей памяти прямо идёт речь о “новой исторической памяти украинского народа”. Именно так! Не о восстановлении исторической правды (насколько это возможно вообще), не об устранении конъюнктурных пропагандистских напластований в истории Украины, а о **новой памяти**.

Национальная память в Украине “символически опосредована” более, чем в какой-либо стране Европы. Будучи разделёнными в течение почти шести столетий, предки сегодняшних украинцев объединились при обстоятельствах, оставивших глубокую незаживающую рану в национальной памяти. Сохраняющаяся и сегодня, например, в Западной Украине, память о событиях 1939–1953 гг. обуславливает глубокие различия в восприятии актуальных политических дискурсов и исторических нарративов, в том числе сакрального для массового сознания в России (и до

недавнего времени в Восточной и Центральной Украине) – победы над гитлеровской Германией. Мнемоническое противостояние, почти автоматически возникающее в этой связи, очень легко использовать в провоцировании конфликта и очень тяжело снимать в процессе его урегулирования. Для этого требуются очень тонкие инструменты, которыми, увы, ни российская, ни украинская историография, не говоря уже о журналистах, владеет очень плохо. Но в любом случае урегулирование и установление нормальных межгосударственных отношений, не говоря уже о сотрудничестве, сопряжённой модернизации двух стран, без снятия этого мнемонического противостояния вряд ли можно вообще вести речь.

Национализм ли украинство?

Несколько слов об особенностях мнемонической памяти украинцев. “Украинство” – от его зарождения до сегодняшнего его состояния есть явление более сложное, более глубокое, чем известные его определения – и бытовые, и научные.

Родилось оно, судя по всему, из желания освободиться от наброшенного ярма, из готовности выживать даже “на украинских” Речи Посполитой, империй Романовых и Габсбургов на свой страх и риск, но по своему обычаю и своим трудом, а не чьей-то милостью.

“Украинство” не само по себе, конечно, а в силу обстоятельств своего возникновения, в своём наиболее очищенном от разных примесей, “дистиллированном” виде всегда находилось и находится в противоречии с любыми политическими проектами. Как с консерваторами – охранителями некоей существующей, благодатной с их точки зрения, несвободы. Так и с революционерами, радетелями “прогресса”, для которых характерно было и остаётся принесение трудной индивидуальной свободы повседневной жизни, с её устоявшимися традициями и обычаями, в жертву некоему умозрительному коллективному – национальному или социальному идеалу.

В этом была сложность совмещения “украинства”, принимаемого в силу глубокого заблуждения или предубежденности за разновидность национализма, с социалистической и тем более коммунистической идеей в конце XIX – начале XX века и в российской, и в австрийской “украинах”, из которых и восстанет, несмотря на все препятствия, Украина сегодняшняя.

В этом же, помимо прочего, кроется, и причина настороженности и даже враждебности, с которой относятся к Украине все постсоветские российские администрации. А с точки зрения внутренней эволюции в этом состоит невероятная сложность задачи, стоящей перед творцами Четвёртой украинской республики (на руинах трех предыдущих!) – совместить этот неустранимый, “бьющий в элитарный” нос дух реальной жизни, с надушенной и раскрашенной монументальностью государственности.

И ещё одно. Есть в “украинстве” что-то непреодолимо привлекательное и одновременно что-то отталкивающее, мешающее принять его полностью, без оговорок. Дело здесь, возможно, в том, что до той поры, пока “украинство” есть то, чем оно, собственно, по своей природе и является, оно очень привлекательно. Но стоит ему перебраться в государственную идеологию – из вещи для всех, в вещь в себе, и оно начинает стремительно обретать отталкивающие черты.

Как из этого противоречия выйти, я, честно говоря, не знаю. Такой свободной формы государственности, с которой могло бы ужиться “украинство” история ещё не знала. Возможно, в этом и состоит дерзость и величие практически неразрешимой задачи – создать жизнеспособную четвёртую украинскую республику.

Рассматриваемая статья американского учёного тем и привлекла моё внимание, что выводит через актуальные научные проблемы символического опосредования и быстрого мышления на проблему мнемонического противостояния, лежащую на наш взгляд в основании российско-украинского конфликта как конфликта обществ, а не конфликта элит.

Она чрезвычайно актуальна и для России, остановившейся в нерешительности в последнем шаге на выходе из Великой российской революции XX века. Но ещё более актуальна она для Украины, ищущей такое собственное лицо, лицо обрётённой наконец и признанной государственности, которое бы соответствовало времени и категорическим национальным императивам.

В том, что касается исторической памяти и политики памяти, следовало бы прислушаться к украинскому археологу Евгению Синице: “Нормальная позиция украинской науки и пропаганды в этом вопросе могла бы быть такой: вот есть современная Украина и у неё есть история, какой бы она ни была. Мы не претендуем на древнерусский Киев, но мы в нём живём” [Синица, 2018].

* * *

“Мои комментарии по этому вопросу в высшей мере умозрительны, – пишет в самом конце своей статьи Дж. Верч, – но они могут наметить продуктивное поле совместных исследований, которые могли бы объединить представителей различных дисциплин для того, чтобы обратиться к изучению одного из наиболее загадочных и опасных феноменов, действие которого мы наблюдаем в современных международных отношениях” [Wertsch, 2018].

Добавить нам к этому нечего, разве что напомнить о сказанном задолго до начала нынешнего кризиса в российско-украинских отношениях ведущего российского европеиста Юрием Борко: “Складываются благоприятные условия для поворота в российско-украинских отношениях – благоприятные и в политике, и в экономике. Этот поворот необходим в двух аспектах. Первый – поиск взаимоприемлемых компромиссов там, где существуют реальные проблемы и расхождения; второй – изменение языка общения, который надо очистить от старых стереотипов, великодержавной и националистической риторики”.

Это правильное, на мой взгляд, суждение было высказано восемь лет тому назад, но поворот, о котором идёт речь, так и не был сделан.

Список литературы

Борко Юрий. (2000) Фактор европейской интеграции в отношениях между Украиной и Россией. “Версии”, №33, 4 октября, с. 3–9.

Верч Джеймс. Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины. Пер. с англ. С.Е. Эрлих. Историческая экспертиза 2018 (электронный ресурс) Режим доступа: http://istorex.ru/page/verch_d_narrativnie_instrumenti_istina_i_bistroe_mishlenie_v_natsionalnoy_pamyati_

mnemonicheskoe_protivostoyanie_mezhdu_rossiye_i_zapadom_po_povodu_ukraini Последнее обращение: 21 01 2018.

ВСУ на Донбассе окружают с трех сторон важные города: у боевиков началась истерика – Тымчук УНИАН 4 2018 05 29 (электронный ресурс) Режим доступа: <https://www.unian.net/war/10133144-vsu-na-donbasse-okruzhayut-s-treh-storon-vazhnye-goroda-u-boevikov-nachalas-isterika-tymchuk.html> Последнее обращение: 29 мая 2018.

Клопова М.Э. (2016) Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX — начале XX века. — М.: Индрик.

Лавров заявил, что закон о реинтеграции Донбасса “перечёркивает” Минские договорённости. УНИАН 1 19 января 2018 (электронный ресурс) Режим доступа: <https://www.unian.net/politics/2356165-lavrov-zayavil-cto-zakon-o-reintegratsii-donbassa-perechervivaet-minskie-dogovorennosti.html> Последнее обращение: 21 января 2018.

Мироненко В.И. (2018) О некоторых аспектах “мнемонического противостояния” по поводу Украины. Размышления над текстом Джеймса Верча. Научно-аналитический вестник Института Европы РАН, №2 (электронный ресурс) код доступа: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/38> Последнее обращение: 2018 05 27.

МН17 над Донбассом сбили из “Бука” российской 53-й бригады — следствие УНИАН 2 24 мая 2018 (электронный ресурс) Режим доступа: <https://www.unian.net/world/10128758-mh17-nad-donbassom-sbili-iz-buka-rossiyskoy-53-y-brigady-sledstvie.html> Последнее обращение: 29 мая 2018.

ООС готовит бомбардировочную авиацию к выполнению задач (видео) УНИАН 3 2018 05 29 (электронный ресурс) Режим доступа: <https://www.unian.net/war/10133153-oos-gotovit-bombardirovochnuyu-aviaciyu-k-vypolneniyu-zadach-video.html> Последнее обращение: 29 мая 2018.

Путин назвал циничное отношение к истории причиной разобщения народов. Газета Ру. 20 04 2017. [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/04/20/n_9947651.shtml Последнее обращение: 26 05 2018.

Синица Евгений (2018) Интервью // Длинный фокус [электронный ресурс] Режим доступа: <https://focus.ua/long/391942/> Последнее обращение: 24 02 2018.

Совбез ООН сегодня обсудит проблему российской агрессии на Украине УНИАН 2018 05 29 (электронный ресурс) Режим доступа: <https://www.unian.net/politics/10133789-sovbez-onn-segodnya-obsudit-problemu-rossiyskoy-agressii-v-ukraine.html> Последнее обращение: 29 мая 2018.

Совет РФ — НАТО обсудит 31 мая Украину и военную активность в Европе ТАСС 29 05 2018 (электронный ресурс) Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5242438> Последнее обращение: 219 мая 2018.

Украина и НАТО согласовали общую дорожную карту УНИАН 5 2018 05 29 (электронный ресурс) Режим доступа: <https://www.unian.net/politics/10134200-ukraina-i-nato-soglasovali-obshchuyu-dorozhnyuyu-kartu.html> Последнее обращение: 29 мая 2018.

Pro et Contra. Историческая политика. Московский центр Карнеги. 2009 05 01 (электронный ресурс) Режим доступа: <http://carnegie.ru/proEtContra/?fa=41117> Последнее обращение: 2018 05 26.

References

Borko Yuriy (2000) Faktor evropeyskoy integratsii v otnosheniyakh mezhdu Ukrainoy i Rossiyei [Factor of European integration in attitudes between Ukraine and Russia.]. “Versii”. № 33. 4 October 2000. pp. 3—9.

Historians (2017), A Letter of Concern by Ukrainian Historians Regarding the Plans to Construct the Babi Yar Holocaust Memorial Center, April, 2, [on line] available at: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/ogoloshennya/2146-a-letter-of-concern-by-ukrainian-historians-regarding-the-plans-to-construct-the-babi-yar-holocaust-memorial-center>, Accessed Date (26 05 2018).

Klopova M.E. (2016) Rusiny. russkiye. ukrainsy. Natsionalnyye dvizheniya vostochnoslavianskogo naseleniya Galitsii v XIX — nachale XX veka [Rusiny, Russians, Ukrainians. National Movements of Eastern Slavonic Population of Galicia in XIX - the Beginning of the XX Century]. М.: Indrik.

Lavrov zayavil, chto zakon o reintegratsii Donbassa “perechervivaet” Minskie dogovorennosti UNIAN 1; 2018 01 21 [on line] available at: <https://www.unian.net/politics/2356165-lavrov-zayavil-cto-zakon-o-reintegratsii-donbassa-perechervivaet-minskie-dogovorennosti.html> Accessed Date: 21 January 2017.

Mironenko V.I. (2018) O nekotorykh aspektakh “mnemonicheskogo protivostoyaniya” po povodu Ukrainy. Razmyshleniya nad tekstem Dzheymsa Vercha [Of Some Aspects of “Mnemonic Opposition” for the Occasion of Ukraine. Reflection above Text of James Verch]. Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta

Evropy RAN. 2018. №2 (elektronnyy resurs) kod dostupa: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/38> Posledneye obrashcheniye: 2018 05 27.

MH17 nad Donbassom sbili iz "Buka" rossiyskoy 53-y brigady - sledstviye UNIAN 2 2018 05 24 [on line] available at: <https://www.unian.net/world/10128758-mh17-nad-donbassom-sbili-iz-buka-rossiyskoy-53-y-brigady-sledstvie.html> Accessed Date: 24 May 2018.

OOS gotovit bombardirovochnuyu aviatsiyu k vypolneniyu zadach (video) UNIAN 3 2018 05 29 [on line] available at: <https://www.unian.net/war/10133153-oos-gotovit-bombardirovochnuyu-aviatsiyu-k-vypolneniyu-zadach-video.html> Accessed Date: 29 May 2018.

Pro et Contra. Istoricheskaya politika. Moskovskiy tsentr Karnegi. 2009 05 01 [on line] available at: <http://carnegie.ru/proEtContra/?fa=41117> Accessed Date: 2018 05 26.

Sinita E. (2018) Intervyu // Dlinnyy fokus [on line] available at: <http://focus.ua/long/391942/> Accessed Date: 24 02 2018.

Sovbez OON segodnya obsudit problemu rossiyskoy agressii v Ukraine UNIAN 2018 05 29 [on line] available at: <https://www.unian.net/politics/10133789-sovbez-oon-segodnya-obsudit-problemu-rossiyskoy-agressii-v-ukraine.html> Accessed Date: 29 May 2018.

Sovet RF – NATO obsudit 31 maya Ukrainu i voyennuyu aktivnost v Evrope TASS 29 05 2018[on line] available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5242438> Posledneye obrashcheniye: Accessed Date: 29 May 2018.

Ukraina i NATO soglasovali obshchuyu dorozhnuyu kartu UNIAN 5 2018 05 29 [on line] available at: <https://www.unian.net/politics/10134200-ukraina-i-nato-soglasovali-obshchuyu-dorozhnuyu-kartu.html> Posledneye obrashcheniye: Accessed Date: 29 May 2018.

VSU na Donbasse okruzhayut s trekh storon vazhnyye goroda: u boyevikov nachalas isterika – Tymchuk UNIAN 4 2018 05 29 [on line] available at: <https://www.unian.net/war/10133144-vsu-na-donbasse-okruzhayut-s-treh-storon-vazhnyye-goroda-u-boevikov-nachalas-isterika-tymchuk.html> Accessed Date: 29 May 2018.

Wertsch, James, V. (2017) Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine. In Åsa Mäkitalo, Per Linell, Roger Säljö, eds., *Memory Practices and Learning: Interactional, Institutional and Sociocultural Perspectives*. Charlotte, NC: Information Age Publishing, pp. 233–248.

Looking Beyond the Narrative: the Historical Expertise of the Text by James Wertsch

Author: Mironenko V., Candidate of Science (History), Leading Researcher, Head of Centre for Ukrainian Studies of the Institute of Europe (RAS), editor-in-chief of the journal "Contemporary Europe".
Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** victor@mironenko.org

Abstract. J. Verch from Washington university in Sant-Luiz (USA), in an attempt to define the substance of contradictions around Ukraine, finds out that they are much deeper than it is often presented. He explores correlation of political discourse and "symbols of national communities" in international attitude and in Russian-Ukrainian conflict. The author does not give a comprehensive answer. However, the publication of his paper in the Russian journal "Historical examination" is an endeavor to look beyond the narrative. Analysis of the Russian-Ukrainian conflict is frequently focused on the elites' confrontation. As a result, the views of politicians and public opinion are artificially associated with symbols of national communities and an adequate analysis of perceptions suffers. Unless it is rectified, the settlement of one of the most dangerous conflicts in Europe is problematic. The author concludes that "memory wars" are highly counterproductive and it is an imperative to shift the discourse from political to academic dimension.

Key words: national memory, symbolic mediation, Russia, Ukraine, mnemonic standoff, policy of memory.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018144151>

УДК 341.1, 327.7

Любовь БИССОН

ВЗГЛЯД НА НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ЕС СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Автор статьи обратилась к одному из немногих, существующих в России, учебников, посвящённых Европейскому союзу, в котором представлен взгляд двух российских учёных-европеистов на историческую логику интеграционного процесса в послевоенной Европе. В книге в довольно сжатом объёме представлена сложная природа Евросоюза, построенная на взаимодействии наднационального и межправительственных методов управления и нацеленная на постоянный поиск общего интереса. Справедлив вывод исследователей о том, что многие сегодняшние проблемы, которые привели ЕС к системному кризису, уходят корнями в прошлое. На основе анализа политических закономерностей институционального развития европейской интеграции вплоть до событий 2016 г., представленных в книге, автор статьи делает вывод о том, что кризис для ЕС всегда становился лишь очередной точкой отсчёта для нового витка интеграционного строительства в силу устремлённости Союза в будущее. Книга «Европейский союз: история, институты, политика» крайне важна и актуальна в период затянувшегося кризиса в отношениях России и ЕС. Понимание внутренней логики интеграционного процесса крайне необходимо для выстраивания текущих и долгосрочных двусторонних отношений.

Ключевые слова: европейская интеграция, Европейский Союз, ЕС, Европейские сообщества, ЕЭС.

Череда кризисов: финансово-экономический, долговой, миграционный, запуск переговоров о выходе Великобритании из ЕС – стала серьёзным испытанием для европейского интеграционного проекта. Внутренний кризис солидарности [Потемкина, 2016], рост евроскептических настроений среди населения, продемонстрированный на выборах в ряде стран ЕС [Будущее Европы, 2018: 39–54], казалось бы свидетельствуют об упадке интеграционных идей на всех уровнях от государств до рядовых граждан. Однако учёные-европеисты вряд ли могут разделить пессимистический взгляд на будущее Европейского Союза [Бабынина, 2018а; Энтин, Энтина, 2017]. В истории европейской интеграции кризис всегда становился лишь очередной точкой отсчёта для нового витка интеграционного строительства. Авторам учебника “Европейский Союз: история, институты, политика” [Европейский Союз: история, институты, политика, 2017] к.ист.наук, профессору Ю.А. Матвеевскому и к.полит.н., доценту Н.Ю. Кавешникову удалось продемонстрировать этот тезис на примере анализа исторической логики и политических закономерностей интеграционного развития в Европе. Труд Ю.А. Матвеевского и Н.Ю. Кавешникова, на наш взгляд, выходит за рамки категории учебной

литературы, его смело можно считать монографией, поскольку в нём представлен авторский взгляд двух российских европеистов на политическое и институциональное развитие европейской интеграции. Авторами проведено комплексное исследование развития ЕС, основанное не только на методах историзма, но и на применении методологического аппарата ведущих интеграционных теорий. Кроме того, главы, описывающие события 1950–1980-х годов и принадлежащие авторству профессора Ю.А. Матвеевского (1933–2016), учёного-международника, члена правления АЕВИС, стали плодом его многолетней дипломатической практики².

Подчиняясь классической хронологии развития процесса европейской интеграции после окончания Второй мировой войны структурно книга разделена на две основные части. Первая часть “Европейские сообщества” (Гл. 1–14) посвящена подробному анализу истории европейских сообществ, вторая – “Европейский Союз” (Гл. 15–30) затрагивает современный период развития ЕС, начиная с подписания Маастрихтского договора. Выбранная авторами структура изложения позволила показать, что многие сегодняшние проблемы, которые привели ЕС к системному кризису, уходят корнями в прошлое. Читателю ясно представлена логика интеграционного строительства: развитие от Европейских сообществ к Европейскому Союзу, далее к несостоявшейся попытке ввести Конституцию ЕС, и к нынешнему состоянию – постлиссабонскому периоду.

Первая часть монографии ярко демонстрирует, что помимо прагматических экономических, антивоенных и внешнеполитических интересов в основе европейского проекта лежит вера в единство и собственное будущее европейских государств, что в конечном итоге объединяло сторонников двух подходов: федералистов и юнианистов. Представление о том, чем руководствовались ведущие европейские государства на пути объединения (Гл. 3–7), позволяет понять логику их поведения в Союзе и на современном этапе. Так, можно утверждать, что особая позиция Великобритании ещё при создании Европейских сообществ сыграла свою роль спустя десятилетия в реализации, казалось бы гипотетической, возможности выхода из интеграционного объединения (Гл. 29). И, напротив, взгляды на суть и смысл интеграции послевоенной Германии и деголлевской Франции, а в последующем Г. Шмидт и Ж. Д’Эстен в кризисные 1970-е гг. заложили основы для франко-германского тандема, как основного локомотива европейской интеграции (Гл. 9). Эти две страны – основательницы ЕС по-прежнему имеют несоизмеримый политический вес в Союзе. Ключевая роль франко-германского тандема проявилась и в ситуации последних кризисов для ЕС. В период ослабления позиции А. Меркель в связи с переговорами о формировании послевыборной коалиции, первенство в нём перешло к Франции, новый президент которой, Э. Макрон, предлагает амбициозный план реформ и делает чёткую ставку на более сильный и сплочённый союз³.

² Перу Ю.А. Матвеевского так же принадлежит ряд монографий и учебных пособий, посвящённых истории европейской интеграции: Матвеевский Ю.А. Европейская интеграция в исторической ретроспективе: монография / Ю.А. Матвеевский. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; Европейский учебный институт. — М.: МГИМО-Университет, 2011. — 286 с., Матвеевский Ю.А. “Внешние связи Европейского Союза”. Учебное пособие (в соавторстве с А.А. Слюсарем), Москва, МГИМО (У). 2001, Матвеевский Ю.А. “Интеграционные процессы в Западной Европе”. Учебное пособие. МГИМО (У), Москва, 2001. Матвеевский Ю.А. “История европейской интеграции”. МГИМО (У), Москва, 1999.

³ Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique, 26

От укрепления франко-германского тандема в будущем будет зависеть и место и роль Европейского союза на арене мировой политики. В условиях ряда односторонних экономических и внешнеполитических действий президента США Д. Трампа (ввод пошлин на импорт стали и алюминия, выход из соглашения по ядерной программе Ирана, учреждение посольства в Иерусалиме) ставит под вопрос не только будущее трансатлантического партнёрства, но и в целом сотрудничество двух «центров силы» в положении неопределённости, подобное тому, что наблюдалось в 1970-е гг. (Гл. 8). Тем не менее, несмотря на исторически сложившиеся неоднородные отношения стран-членов с Соединённым штатами, Европейский союз демонстрирует единогласие в своей приверженности принципам европоцентризма, продолжая внешнеполитическую линию по выполнению соглашения с Ираном⁴ и защите европейских компаний, работающих в стране, а также по защите своих торгово-экономических интересов, предпринимая ответные меры на ввод 1 июня 2018 года таможенных пошлин на импорт стальной и алюминиевой продукции из ЕС со стороны американской администрации⁵.

Авторы выбрали узловые моменты в истории европейской интеграции, что позволяет читателю чётко проследить трансформацию институциональной структуры Европейского Союза. По ходу всей работы раскрывается ключевой для европейского строительства и европейских исследований термин “наднациональность” как с правовой, так и с политической точки зрения. Авторы убедительно доказывают, что, проходя через многочисленные реформы институтов с подписанием Маастрихтского, Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров, ЕС удаётся сохранять общий принцип сбалансированности, пусть даже порой неустойчивой, наднационального и межправительственного методов интеграции (Гл. 15, 16, 19, 23, 24). В этом смысле Ю.А. Матвеевский и Н.Ю. Кавешников выполнили поставленную задачу: показали трудоёмкий процесс согласования и принятия решений в ЕС, нахождения компромисса между национальными и союзными интересами. Получив представление о взаимодействии различных уровней и методов управления, читатель способен понять и сопоставить как бесспорные достижения, так и неудачи интеграционного строительства в главных сферах экономического, политического и социального развития Евросоюза – социальной, миграционной и энергетической политике, в формировании единого внутреннего рынка и зоны евро, расширении интеграции и др. Несомненный интерес представляют главы, обращённые в будущее. Последствия выхода Великобритании из ЕС, трансформация политики убежища, судьба шенгенской зоны и зоны евро, возможности и опасности применения принципа гибкой интеграции и продвинутого сотрудничества – события, исход которых пока не совсем ясен. Снабдив читателя солидным багажом знаний по основным вопросам функционирования Европейского Союза и взаимодействия его институтов, авторы помогают разобраться с самыми трудными вопросами и мотивиру-

Septembre 2017. URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique/>

⁴ EU leaders take joint position on Iran deal, US trade // EURACTIVE.com, 18.05.2018. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-leaders-take-joint-position-on-iran-deal-us-trade/> (Accessed 21.05.2018).

⁵ European Commission - Press release, EU-US Trade: European Commission endorses rebalancing duties on US products, Brussels, 6 June 2018. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-4083_en.htm (Accessed 12.06.2018)

ют студентов к дальнейшему изучению развивающихся сегодня процессов, а специалистов в области современной европейстики к рассуждению о возможных сценариях и будущем интеграции в Европе. Большим достоинством монографии следует считать стремление авторов не только проанализировать уроки прошлого и проблемы настоящего, но и предоставить пищу для размышлений о путях трансформации институтов и политики ЕС (Гл. 30). Так, например, можно провести некоторые параллели. В своей истории, а именно в начале 1970-х годов, ЕС уже приходилось переживать целый комплекс кризисов: валютный, энергетический, сырьевой. Как справедливо отмечают Ю.А. Матвеевский и Н.Ю. Кавешников, центробежные тенденции проявлялись тогда в желание стран-членов защитить прежде всего собственные интересы, а также переложить бремя на плечи партнёров. Вызовы последних лет, связанные с необходимостью поддерживать финансово-экономическую стабильность и проблемами миграции также ставят ЕС перед нелёгкой задачей укрепления солидарности, вынуждая искать новые пути поддержания единства. Одним из вариантов развития ЕС, как представляет это комиссия в “Белой книге о будущем Европы”⁶, может стать отсутствие масштабных проектов и крупных инициатив, ради сохранения достигнутого. В этом ясно слышится отголосок Декларации Шумана: “Она (Европа) будет строиться путём конкретных достижений, которые продолжают солидарность *de facto*” (Цит. по Европейский Союз, 2017: 32).

Заслугой авторов книги служит также взвешенная оценка проблемы расширения и углубления интеграции в Европейском Союзе (Гл. 17), однако, на наш взгляд, эта тема заслуживает большего внимания. Помимо того, что расширение на восток, как отмечают авторы, “стало самым успешным примером внешней политики ЕС за всю историю его существования”, оно крайне усилило гетерогенность Союза. Последствия расширения ЕС в 2000-е годы до сих пор сказываются не только на функционировании единого рынка, особенно в обеспечении свободы передвижения, но и в сфере внутренних дел и юстиции. Миграционный кризис 2015 г. стал ярким примером недостатка солидарности среди старых и новых стран-членов в вопросе перераспределения лиц, ищущих убежище [Потемкина, 2016]. Кроме того, крайне необходимым было бы более подробно продемонстрировать студентам, которые составят главную читательскую аудиторию представленного труда, каким образом процесс расширения повлиял не только на институциональную архитектуру ЕС, но и на концепции будущего развития интеграции в новых условиях, что вписывается в общую концепцию авторов. До сих пор нет единства в ЕС по поводу включения государств-кандидатов Западных Балкан в состав объединения. Открытым остаётся вопрос, насколько логичным и оправданным может быть очередное расширение Евросоюза в условиях текущего экзистенциального кризиса. Примечательно, что Софийская декларация, принятая на саммите ЕС – Западные Балканы 17 мая 2018 г., подтверждая решимость ЕС усилить поддержку политической, экономической и социальной трансформации региона, однако осторожно не касается напрямую вопроса вступления этих стран в ЕС⁷. Книга “Европейский Союз: история, институты, политика” крайне важна и актуальна в период затянувшегося кризиса в от-

⁶ European Commission. White Paper on the Future of Europe. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (Accessed 19 March 2018)

⁷ EU-Western Balkans Summit, Sofia Declaration, 17 May 2018. URL: http://www.consilium.europa.eu/media/34776/sofia-declaration_en.pdf (Accessed 21.05.2018)

ношениях России и ЕС. Выход из создавшейся ситуации возможно найти, обладая знаниями и пониманием того, как функционирует Европейский Союз, как принимаются решения, какими компетенциями обладают его институты, а какими – национальные государства. Особенно важно понимать, каковы пути трансформации Евросоюза и как в рамках каждого из предложенных сценариев России следует строить свои отношения как с ЕС в целом, так и с его государствами-членами. Несмотря на блокировку большинства механизмов взаимодействия Москвы и Брюсселя, Россия и ЕС остаются друг для друга крайне важными партнёрами [Кортунов, 2018]. Учитывая уровень взаимной торговли и товарооборота, культурную и цивилизационную близость, можно смело сказать – неизбежными. Для будущих международников важно учитывать не только возможные траектории развития Европейского Союза для выстраивания текущих и долгосрочных двусторонних отношений, но и представление о ЕС как о внешнеполитическом партнёре, чьи интересы вовсе не находятся в безусловном противоречии с интересами России, а порой пролегают в иной плоскости, связанной с внутренней логикой интеграции.

Книга, безусловно, предназначена для широкой аудитории, выходящей за рамки академической среды (студентов, аспирантов, преподавателей вузов), она окажется полезной всем, кто интересуется историей и современным состоянием Европейского Союза. “Европейский Союз: история, институты, политика” послужит прекрасным дополнением ко второму изданию учебника “Европейская интеграция” [Европейская интеграция: Учебник для вузов, 2016] в рамках преподавания курсов в области международных отношений, зарубежного регионоведения и мировой экономики. Насыщенность и содержательность всех без исключения глав позволяет читателю в довольно сжатом объёме уловить сложную природу Евросоюза, построенного на взаимодействии различных уровней управления и нацеленного на постоянный поиск общего интереса.

Список литературы

- Бабынина Л.О. (2018a) “Европейский Союз 2018: интеграционный процесс необратим”. *РСМД*, 20.02.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskiy-soyuz-2018-integratsionnyy-protsess-neobratim/>
- Бабынина Л.О. (2018b) “Дискуссия о будущем ЕС: усиление дифференциации или стремление к единству?”. *Европейский Союз: факты и комментарии*. №90. С. 44–47.
- Борко Ю.А. (2003) *От европейской идеи – к единой Европе*. М.: Деловая литература. 464 с.
- Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные (2018) / [отв. ред. Л.О. Бабынина]. М.: Ин-т Европы РАН. 88 с.
- Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы (2017) / [отв. ред. В.Я. Швейцер]. М.: Ин-т Европы РАН. 88 с.
- Европейская интеграция: Учебник для вузов (2016) / под ред. О.В. Буториной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство “Аспект Пресс”. 736 с.
- Европейский Союз: история, институты, политика: учебник для вузов (2017) / Н.Ю. Кавешников, Ю.А. Матвеевский / Под ред. Н.Ю. Кавешникова. М.: Издательство “Аспект Пресс”. 320 с.
- Кавешников Н.Ю. (2017) “Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации”. *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 14–24.
- Кортунов А. (2018) “Россия и Европейский Союз: четыре сценария на будущее”. *РСМД*, 18.01.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-evropeyskiy-coyuz-chetyre-stsenariya-na-budushchee/>
- Потемкина О.Ю. (2016) “Вишеградская группа и “гибкая солидарность”. *Современная Европа*. №6. С. 43–52.
- Шемятенков В.Г. (2003) *Европейская интеграция*. М.: Международные отношения. 400 с.
- Энтин М.Л., Энтина Е.Г. (2017) “Европейский Союз распрямляет плечи” *РСМД*, 02.10.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskiy-soyuz-raspryamlyayet-plechi/>
- Haas E.B. (1958) *The Uniting of Europe. Political, Social and Economic Forces, 1950–1957*, Stanford University Press, Stanford, Calif., US. 552 p.

Hix S., Hoyland B. (2011) *The Political System of the European Union*, 3rd ed., Palgrave Macmillan, London, UK. 448 p.

References

- Babynina L. (2018a) "European Union 2018: integration process irreversible". *RIAC*, 20.02.2018. available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskiy-soyuz-2018-integratsionnyy-protsess-neobratim/> (Accessed 19 March 2018)
- Babynina L. (2018b) "Discussions on the future of the European Union: the strengthening of differentiation or the desire for unity?". *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii*. №90. pp. 44–47.
- Borko Yu. (2003) *Ot evropejskoj idei – k edinoj evrope*. [From european idea to the united Europe], De-lovaya literatura, Moscow, Russia. 464 p.
- Budushchee Evropy: global'nye vyzovy i vozmozhnye (2018) [The Future of Europe: global challenges and possible responses], ed. by Babynina L. Moscow, Russia. 88 p.
- Entin M. and Entina E. (2017) "Европейский Союз распрямляет плечи" *RIAC*, 02.10.2017. available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskiy-soyuz-raspryamlyaet-plechi/> (Accessed 19 March 2018)
- Evropejskaya integraciya: Uchebnik dlya vuzov (2016) [European Integration : A Textbook for Universities], ed. by Butorina O. 2nd edition. Moscow, Russia. 736 p.
- Haas E.B. (1958) *The Uniting of Europe. Political, Social and Economic Forces, 1950–1957*, Stanford University Press, Stanford, Calif., US. 552 p.
- Hix S., Hoyland B. (2011) *The Political System of the European Union*, 3rd ed., Palgrave Macmillan, London, UK. 448 p.
- Kaveshnikov N. (2017) "Institutional and political development of the EU : crisis and variants of transformation". *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No 5. pp. 14–24.
- Kortunov A. (2018) "Russia and European Union: four scenarios for future". *RIAC*, 18.01.2018. available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz-chetyre-senariya-na-budushchee/> (Accessed 19 March 2018)
- Matveevskij Yu. and Kaveshnikov N. (2017) *Evropejskij soyuz: istoriya, instituty, politika: uchebnik dlya vuzov* [European Union: History, Institutions, Politics : A Textbook for Universities], ed. by Kaveshnikov N. Moscow, Russia. 320 p.
- Potemkina O. (2016) "Visegrad group and flexible solidarity". *Sovremennaya Evropa*. No 6. pp. 43–52.
- Shemyatenkov V. (2003) *Evropejskaya integraciya* [European integration], International relations, Moscow, Russia, 400 p.
- Vybory vo Francii 2017 g.: itogi i perspektivy (2017) [Elections in France – 2017: Results and Perspectives], ed. by Schweitzer V. Moscow, Russia. 88 p.

A Glance at the Present and Future of the EU through the Prism of Time

Author. Bisson L., Candidate of Science (Political), Senior Research Fellow of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** bisson@ieras.ru

Abstract. The author reviews one of the few Russian textbooks on the European Union, which represents the view of two European studies scholars on the historical logic of the integration process in the post-war Europe. The book in a compact way presents the complex nature of the European Union which is built on the interaction of supranational and intergovernmental methods of governance and is aimed at the constant search for common interest. The researchers are of the opinion that many of current problems that led to the systemic crisis of the EU are rooted in the past. Following the analysis of the institutional development of European integration up to the events of 2016, the author concludes that the crisis of the EU has always been the next starting point for a new stage of integration building. The book "European Union: History, Institutions, Politics: A Textbook for Universities" (2017) is important at the time when relations between Russia and the EU are at their lowest level. To understand the internal logic of the integration process is to facilitate the improvement of the EU – Russia bilateral relations.

Key words: European integration, European Union, EU, European communities.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018152157>

РЕЦЕНЗИИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БРЕКЗИТА

Институт Европы РАН регулярно проводит конференции, посвящённые актуальным проблемам Старого Света. Не могли обойти своим вниманием эксперты ИЕ РАН и тему экономических причин и последствий выхода Великобритании из Евросоюза. В конце 2017 года на основе материалов весьма представительного по составу участников круглого стола в серии “Доклады Института Европы РАН” вышел доклад №345 “Экономические аспекты брексита”¹. На страницах сборника известные российские экономисты анализируют возможное влияние брексита на экономику Великобритании и Евросоюза, а также на будущее развитие европейской интеграции в целом.

Ответственный редактор издания, руководитель отдела экономических исследований ИЕ РАН, д.э.н. А.И. Бажан во введении отмечает, что в современных дискуссиях о брексите доминирует политологический анализ, в рамках которого выбор Британии считается ошибкой, обусловленной временным стечением политических обстоятельств. В противовес этому, авторы монографии ставят своей целью исследовать экономические факторы данного события и показать его реальную подоплёку. А.И. Бажан убеждён, что Brexit – это не случайность, а логический итог конкуренции национальных экономик в рамках ЕС, которая привела к

разделению стран-участниц на победителей и побежденных. Европейская интеграция “достигла такой стадии, на которой заложенные в ней внутренние противоречия существенно обострились... И Brexit – один из наиболее ярких результатов обострения этих противоречий... Это реальный шаг к дезинтеграции. Устоявшееся за последние 60 лет мнение о закономерности евроинтеграции поставлено под сомнение” (с. 7–8).

Член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИЕ РАН В.П. Фёдоров подчёркивает, что именно “неудовлетворённость Великобритании своим членством в ЕС побуждает её искать выгоды не в интеграции, а в глобальном сотрудничестве”. Автор не исключает, что этому примеру может последовать и ряд других участников ЕС. “Но в целом Евросоюз стал новой духовной ценностью европейцев, и этот факт исключает возвращение к разобщённой Европе. Альтернативы для многих стран попросту не существует” (с. 11–12).

В.П. Фёдоров констатирует, что сейчас “оставаться в Евросоюзе не менее трудно, чем вступить в него... Различия между странами слишком разнообразны и часто вообще не поддаются устранению... “ Если первоначально движущим фактором интеграции в Европе было стремление “навсегда исключить возможность войны на континенте путём переплетения производительных сил разных стран”, то теперь “небольшие государства усматривают в интеграции шансы на выживание и сохранение национальной идентичности”. При этом он

¹ Экономические аспекты брексита / [отв. ред. А.И. Бажан и др.]. – М. : Ин-т Европы РАН, 2017. – Доклады Института Европы / ФГБУН Ин-т Европы Российской акад. наук; № 345 – ISBN 978-5-98163-100-9.

уверен, что “европейская интеграция рано или поздно должна остановиться... Страны подошли к такому рубежу, когда под вопрос ставится национальная самобытность их граждан... В ходе интеграции германская экономика может стать немного французской, а французская станет частью германской, но немцы как нация не хотят превращаться во французов и наоборот. Своё недовольство жители выражают через партийно-политическую систему... Население спасает свою идентичность тем, что так или иначе меняет своё отношение к грандиозному проекту, каким является ЕС” (с. 12–14).

Член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН А.В. Кузнецов убеждён, что в ближайшие годы Великобританию ждут серьезные негативные последствия брекзита. “Чем “жестче” будет брекзит, тем из большего количества наднациональных программ ЕС она будет исключена. И Великобритания будет особенно тяжело доказывать необходимость придать ей какой-либо особый статус, поскольку она уже, даже будучи членом ЕС, фактически отказалась от двух крайне важных направлений европейской интеграции – шенгенской зоны и зоны евро” (с. 17).

Самым болезненным последствием для Великобритании, по мнению А.В. Кузнецова, может стать значительный отток инвесторов из страны. По данным опроса, “до 40% американских компаний готовы перенести свой британский офис в другие страны ЕС, а 2/3 инвесторов из США планируют уменьшить новые капиталовложения в Соединённом Королевстве из-за брекзита. Особенно острой проблемой может стать решение ведущих финансовых ТНК заменить лондонский Сити на такие альтернативы, как Франкфурт-на-Майне или

финансовые центры вне ЕС (например, в Азии)” (с. 18).

Для Евросоюза выход Великобритании – это тяжёлый удар по имиджу интеграционной идеи как таковой. Экономический и политический вес ЕС в мире уменьшится. Но этот удар не станет смертельным. Есть мнение, что брекзит может даже укрепить ЕС, ведь Великобритания – главная страна-скептик. В этой связи А.В. Кузнецов прогнозирует укрепление роли ФРГ, но призывает не “питать иллюзий, что ядро интеграции во главе с Германией сможет в ближайшее время способствовать углублению взаимодействия остающихся в ЕС государств – слишком много противоречий накопилось...” (с. 19).

А.В. Кузнецов заключает, что точно просчитать последствия брекзита “для европейской интеграции можно будет только после того, как Великобритания и ЕС определяться с форматом выхода”. При этом другие страны ЕС могут последовать примеру Великобритании, “если она выторгует наиболее комфортные для себя условия и уже через несколько лет вновь покажет опережающие по сравнению с ЕС темпы роста ВВП и более комфортный социальный климат, нежели на континенте” (с. 20).

Одной из главных экономических причин брекзита А.И. Бажан считает хронический дефицит торгового баланса Великобритании с ЕС, который делает невыгодным участие страны в общем рынке. Этот дефицит – закономерный результат экономического взаимодействия в рамках общего рынка, который выражает присущие ему противоречия. Важнейшее из них – “между созданным в течение последних десятилетий единым экономическим пространством и сохранением определённой экономической самостоятельности и обособленности стран ЕС,

финансовое положение которых определяется результатами деятельности предприятий, расположенных на их территории... Конкурентная борьба между предприятиями на общем рынке, так или иначе, превращается в некую форму экономической войны между странами. Проигрыш в этой войне оборачивается дефицитом торгового баланса и текущих счетов..." (с. 27).

Центробежные тенденции, подрывающие основы ЕС, формируются не только в экономически слабой периферии, но и из процессов в экономике ядра. Капитал, локализованный в Британии, проигрывает конкуренцию на общем рынке, страна теряет финансовые ресурсы в результате дефицита торгового баланса... Естественный выход – вернуться к защите национального бизнеса от открытой конкурентной борьбы: регулировать курс собственной валюты и вводить таможенные ограничения, что возможно только вне еврозоны и Евросоюза.

А.И. Бажан согласен, что брекзит – это первая ласточка, за которой могут последовать другие. В проблемной зоне с экономической точки зрения находятся, в частности, Франция и Швеция. Возможный выход из ЕС этих или других высокоразвитых стран будет стимулировать дальнейшее нарастание разрушительных сил. Ведь даже выход одной Британии уже существенно сократит поступления в общий бюджет ЕС. Это значит, что либо программы поддержки периферии будут сокращены, либо придётся увеличивать отчисления в общие фонды со стороны оставшихся высокоразвитых стран, и в первую очередь Германии. В первом случае снизится интерес стран периферии с депрессивной экономикой сохранять своё участие в ЕС... Во втором – усилятся позиции тех националистических политических сил в высокоразвитых государствах,

которые будут требовать выхода из ЕС, дабы не “кормить нахлебников”.

Таким образом, дезинтеграция может развиваться со стороны как периферии, так и центра. Или возможен раскол ЕС на две части: постепенное отделение центра от периферии сначала в форме трансформации в “Европу двух скоростей”, а затем и полного освобождения высокоразвитого ядра организации от обязательств поддерживать проблемные страны.

Авторы доклада сходятся во мнении, что интеграция, которую на протяжении последних десятилетий развивали страны ЕС с целью повысить эффективность региональной экономики посредством свободной конкуренции, объективно формирует для многих из них некомфортную экономическую реальность, порождая условия для дезинтеграции. И если баланс выгод и издержек Великобритании от нового статуса в экономике Европы и мира сейчас просчитать пока сложно, то для Евросоюза ситуация уже представляется однозначно негативной: брекзит определённо снизит экономический и политический вес ЕС в мире, нанесёт серьёзный удар по дальнейшему развитию интеграции на европейском континенте. Накопленный за прошедшие годы противоречивый опыт функционирования интеграционных образований в целом ставит под сомнение привлекательность идеи дальнейшей либерализации мирового и региональных рынков, которая постепенно уступает свою роль интеграции в других сферах, прежде всего в финансах.

Гусев К.Н., к.э.н., в.н.с. ИЕ РАН.

НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПАРТИЙНОГО ЛАНДШАФТА ЕС

4 июня 2018 г. в Институте Европы РАН проведена конференция на тему “Партии и движения политической альтернативы в современной Европе”. Её организатором стал Научный Совет “Партийно-политические системы Европы XXI века”, регулярно организующий подобные мероприятия, посвящённые актуальным вопросам внутренней и внешней политики стран-членов Европейского Союза. Большинство участников конференции выступили с докладами и сообщениями в порядке дискуссии. Помимо учёных ИЕ РАН докладчиками стали исследователи партийной проблематики из ИМЭМО РАН, ИЛА РАН, ИС РАН, МГИМО (У) МИД, ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Гостями конференции были зам. директора ИМЭМО РАН член-корр. РАН А.В. Кузнецов, посол по особым поручениям МИД РФ В.Е. Чуров.

В своём вступительном слове директор ИЕ РАН, член-корр. РАН Ал.А. Громыко обратил внимание участников мероприятия на укрепление позиций в органах законодательно и исполнительной власти партий, условно обозначаемых как альтернативные, выступающие с позиций критики взглядов традиционного партийного истеблишмента. Речь, прежде всего, идёт о националистах, сепаратистах, популистах правого и левого толка. Развивая эту тему, д.и.н., сопредседатель НС “Партийно-политические системы Европы XXI века” В.Я. Швейцер указал на расширение географии электоральной активности сторонников альтернативы. Националисты сегодня представлены в правительствах Австрии, Норвегии, Финляндии, Швейцарии, участвуют во власти в ряде восточноевропейских государств. В Италии националисты из партии «Лига» и популисты из движения “Пять звёзд” только что образовали собственное правительство. Левый фланг популистов представлен в Португалии. Здесь в коалиции с социалистами сотрудничают прокоммунистические партии. Ряды популистов левого толка не покинула пока правящая партия Греции “Сириза”. Политический сепаратизм стремится диктовать истеблишменту свои правила игры в Шотландии, Каталонии, Фландрии, на Корсике. В целом без сторонников альтернативы сегодня невозможно представить ни одну европейскую страну. Они либо уже во власти, либо постоянно наращивают политическую мускулатуру в оппозиции.

Выступивших на конференции ораторов можно разделить на две группы. Первые (А.А. Синдеев, М.В. Каргалова, А.К. Камкин, Р.Н. Лункин – все из ИЕ РАН), а также Е.А. Нарочницкая (ИНИОН – ИЕ РАН) анализировала общие проблемы европейской действительности, влияющие на партийную ситуацию как в ЕС в целом, так и в отдельных странах объединения. Они выделили темы нападок сторонников альтернативы на устои либеральной демократии, их критику социальных порядков в ЕС, влияние ре-

лигиозного фактора на позиции критиков текущего положения дел в Европе, их идеологические установки. В докладе Б.П. Гуселетова (ИЕ РАН) были подробно рассмотрены позиции альтернативных партий в Европейском парламенте, их участие в работе этого высшего органа законодательной власти в ЕС.

Вторая, основная группа докладчиков рассмотрела темы страновой активности вышеуказанных партий. Три доклада (Ю.И. Рубинского, ИЕ РАН; Г.Н. Канинской, ЯрГУ им. П.Г. Демидова; А.А. Преображенской, ИМЭМО РАН) посвящены различным аспектам деятельности партий и движений альтернативного характера во Франции. Политическую ситуацию в Испании, связанную прежде всего с каталонским сепаратизмом, подробно рассмотрели С.М. Хенкин (МГИМО (У) МИД) и П.П. Яковлев (ИЛА РАН). А.В. Авилова (ИМЭМО РАН) и М.О. Шибкова (МГИМО (У) МИД) дали детальную аналитику текущей ситуации в Италии. Общие проблемы популизма в Южной Европе осветила в своём выступлении И.Л. Прохоренко (ИМЭМО РАН). Правительственная деятельность “Сиризы” в Греции была предметом анализа у Ю.Д. Квашнина (ИМЭМО РАН). О ситуации в Великобритании, связанной с последствиями “брекзита”, сообщили сотрудники ИЕ РАН Е.В. Ананьева и О.В. Охошин. Детальный анализ идеологии и политики партии “Альтернатива для Германии” предложила собравшимся Е.П. Тимошенкова (ИЕ РАН). Другой сотрудник ИЕ РАН П.В. Осколков сообщил об особенностях национал-популизма в Нидерландах. Не был оставлен без внимания и скандинавский регион. Отметим аналитические доклады К.В. Воронова (ИМЭМО РАН), Н.С. Плевако и В.П. Журавеля (оба из ИЕ РАН). Об особенностях нахождения во власти националистов Австрии и Швейцарии рассказал участникам конференции В.С. Грибовский (ИЕ РАН). Ситуация по теме конференции применительно к постсоциалистическим государствам Западных Балкан и Юго-Восточной Европы была подробно рассмотрена П.Е. Канделем (ИЕ РАН) и И.С. Яжборовской (ИС РАН).

Широкий диапазон проблем, связанных с деятельностью альтернативных партий в Европе, позволял участникам конференции составить адекватное представление о неоднозначности процессов, развивающихся в Старом Свете. Предстоящая публикация, как в электронном, так и в традиционном варианте, Докладов ИЕ РАН сделает выводы учёных ещё более доступными широкой аудитории тех, кто следит за переменами в жизни современной Европы.

Бочевер А.Ю., с.н.с. ИЕ РАН

Грибовский В.С., м.н.с. ИЕ РАН.

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ ИРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ШАЛОБИНОЙ

Безвременно ушла из жизни наша дорогая коллега и друг – Ирина Александровна Шалобина (24.08.1964 – 11.07.2018). Светлый, добрый, порядочный человек. Специалист, прекрасно знавший и болеющий за свое дело, работавший так, что все мы всегда знали – цели будут достигнуты и проблемы разрешены. Всё, что за долгие годы работы в Институте Европы делала Ирина Александровна, делалось с душой и на совесть. Она умела ладить с людьми, находить общий язык, с ней было легко разговаривать на самые разные темы – от профессиональных до простых человеческих.

Ирина Александровна родилась в Москве, закончила среднюю школу и в 1981 г. поступила в Московский энергетический институт. Успешно училась, в дипломе по специальности «автоматика и телемеханика» – только отличные и хорошие оценки. С 1995 г. Ирина Александровна была сотрудником Центра средиземноморско-черноморских проблем ИЕ РАН. Принимала активное участие в организации научных конференций, международных форумов, а также в издании коллективных монографий и докладов. С 1999 г. перешла на работу в Центр по изучению проблем религии и общества, где также зарекомендовала себя блестящим специалистом. Вместе с другими сотрудниками Центра Ирина Александровна налаживала диалог с представителями самых разных религиозных объединений, собирала материалы по итогам прошедших конференций, редактировала сборники как литературный и научный редактор.

С февраля 2015 г. Ирина Александровна возглавила отдел кадров нашего Института. То было исключительно сложное время, когда объем работы был беспрецедентным, а многое ей приходилось делать с нуля. Она с честью справилась с новой для себя задачей, самоотверженно трудилась на одном из самых сложных участков работы.

Ирина Александровна навсегда останется в наших сердцах. Мы будем хранить память об этой удивительной, добросердечной, скромной, требовательной к себе женщине.

Мы благодарны Вам, мы скорбим о Вас, нам будет не хватать Вас.

Светлая память.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал “Современная Европа” статьи следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также в соответствии с правилами международных баз данных цитирования периодических и неперiodических изданий (Scopus, Web of Science etc.):

- объем рукописи не должен превышать 1 а.л. (35 тыс. знаков, включая пробелы, 25 тыс. знаков для соискателей и аспирантов), для разделов “Рецензии”, “Научная жизнь” – не более 3 страниц (около 10 тысяч знаков). Объем аннотации должен быть не менее 150 слов.

- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала (кегль 14) в электронном виде и при-сланы по электронной почте: sov_europe@mail.ru.

- все источники следует снабдить библиографическими ссылками и **пристатейным списком литературы в русском варианте (Список литературы) и английском (References)**. Ссылки оформ-ляются по системе Harvard. Список литературы и References составляется без нумерации и в алфавит-ном порядке (не более 20 наименований).

- Каждой статье в журнале присваивается DOI. Просьба также указывать DOI публикаций в списках литературы.

- Необходимо указать код статьи по УДК (автор самостоятельно определяет код статьи, см.: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://www.udcc.org/udccsummary/php/index.php>).

- Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколле-гии и редакции.

- Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берёт на себя обязательство не публи-ковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

- Статья принимается к публикации на основании порядка **рецензирования и правил редак-ционной этики**, принятых в журнале “Современная Европа”, которые отражены на сайте журнала www.sov-europe.ru.

Пример оформления статьи для журнала:

ФИО автора, должность, место работы (в именительном падеже), эл. почта. Адрес места работы.

Код статьи по УДК.

Название статьи.

Текст статьи (в тексте статьи при ссылке на источник необходимо указывать в квадратных скоб-ках фамилию автора, год издания и страницу).

Список литературы (в русском варианте, должны быть все ссылки, в том числе на англоязычные издания).

References (с англоязычными ссылками и русскоязычными в транслитерации, оформленными в соответствии с Harvard style).

ФИО автора, должность, место работы, эл. почта, адрес места работы (на английском языке).

Название статьи на английском языке.

Аннотация (на русском и английском языках, не менее 150 слов).

Ключевые слова (на русском и английском языках, 5-10 слов).

Более подробно с содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознако-миться на сайте <http://www.sov-europe.ru>.

English version: <http://www.sov-europe.ru/english/index.htm>

С полной версией журнала в открытом бесплатном доступе также можно ознакомиться в каталоге “Научной электронной библиотеки”: <http://www.eLibrary.ru>

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope>

Редакция не имеет возможности вести переписку с читателями, рецензировать и возвращать не заказанные материалы.

Адрес редакции: Россия, 125009 Москва, Моховая ул., 11-3.

Тел: /495/ 692-27-20. Факс: /495/ 629-92-96.

E-mail: sov_europe@mail.ru, ieras@mail.ru

Internet: <http://www.sov-europe.ru>

**Индекс журнала “Современная Европа”
в каталоге “Роспечать” — 79701 и
в объединённом каталоге “Пресса России” — 14492**

Подписано в печать 09.07.18 г.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Объем 10 п.л. Тираж 500 экз. Заказ .

Типография ООО Издательско-полиграфический центр “Маска”.